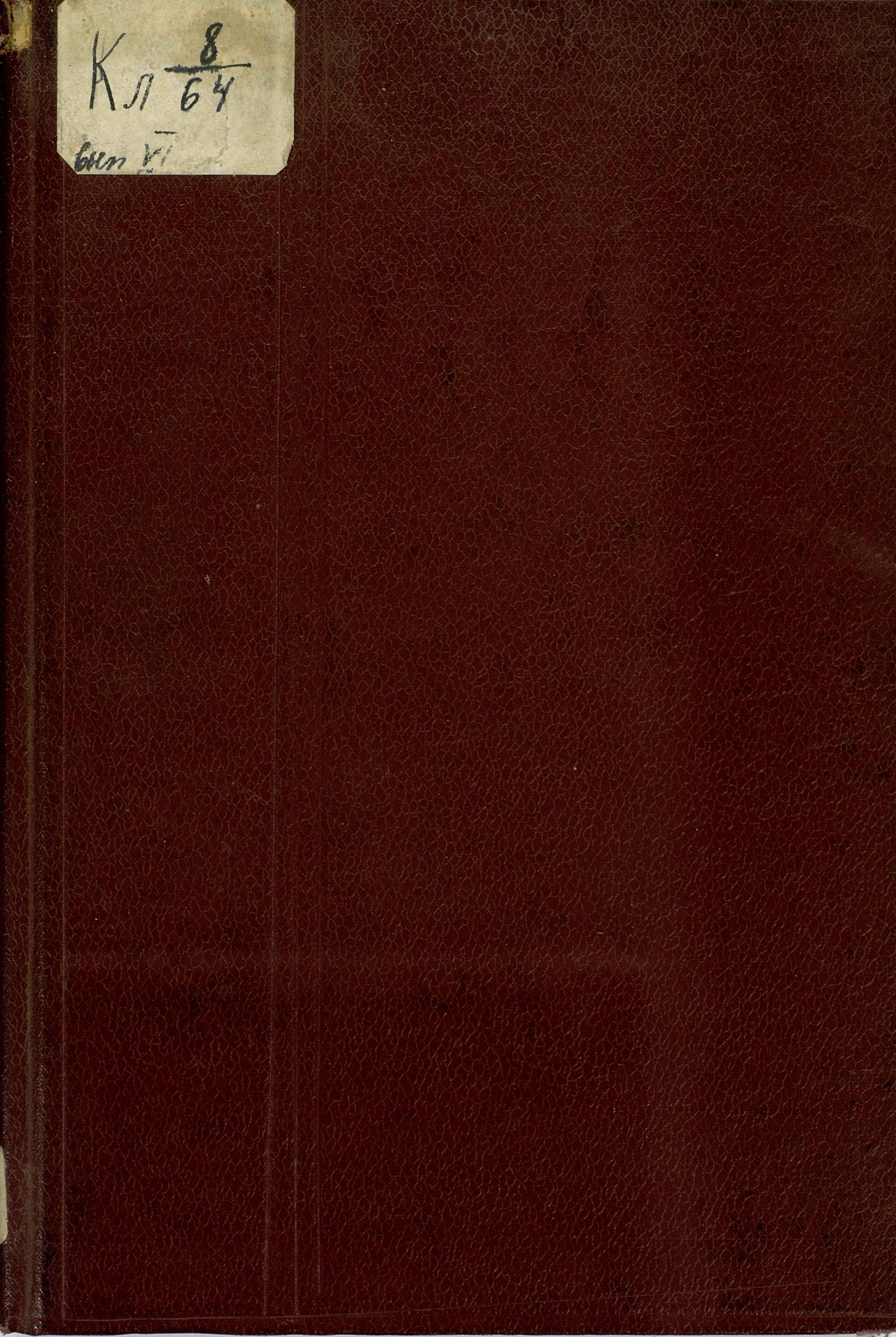

Юрій Шамуринъ

Ростовъ Великій

Т-во Образованіе

Ростовъ. Панорама кремля съ юга, отъ озера Неро.

Культурныя сокровища Россіи.

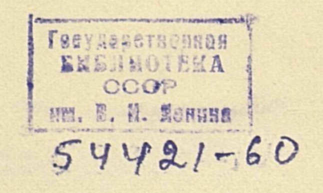
ВЫПУСКЪ ШЕСТОЙ.

Юрій Шамуринъ.

Ростовъ Великій
Троице-Сергіева Лавра.

Изданіе Т-ва «ОБРАЗОВАНІЕ».

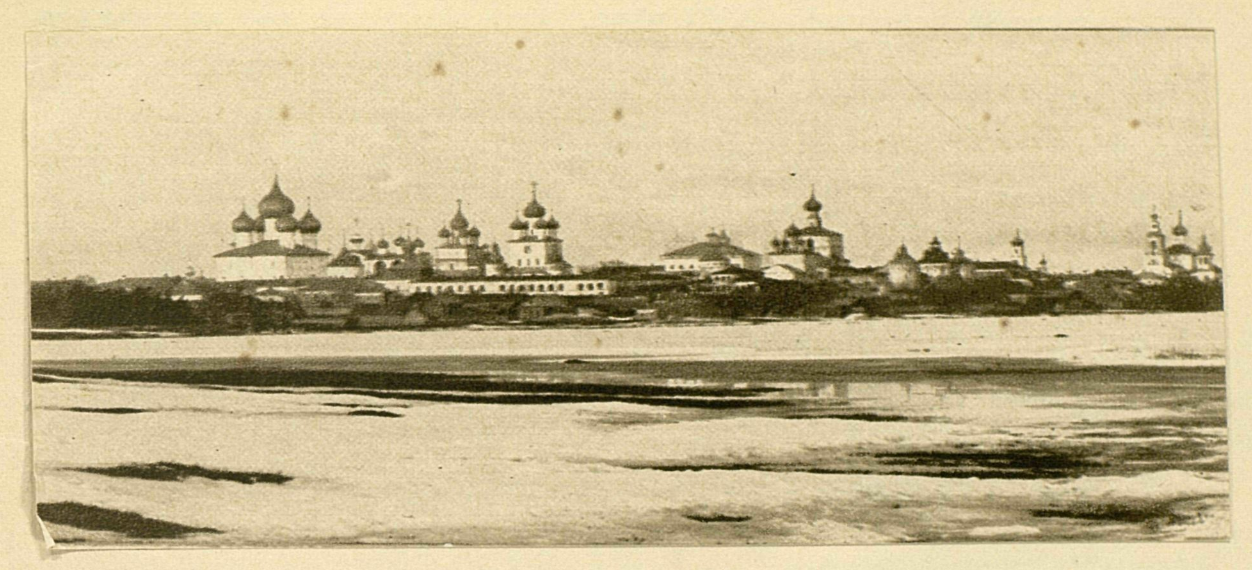
Москва.—1913.

МОСКВА—1913.
Типографія Русскаго Товарищества, Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.
Телефонъ 18—35.

Русская культура не богата матеріальными памятниками. Тревожное прошлое способствовало разрушенію всего накоплявшагося вѣками. Опустошительные пожары уничтожили больше, чѣмъ вражескіе набѣги и междоусобія. Даже отъ XVII вѣка осталось такъ мало, что можетъ казаться,—не было въ эту эпоху никакой цѣльной и развитой культуры. На эту историческую судьбу Россіи хочется горько сѣтовать: вѣдь все дурное и будничное сохраняется для потомства въ архивныхъ дѣлахъ, юридическихъ актахъ, въ описаніяхъ путешественниковъ, поверхностныхъ и чаще всего—враждебныхъ наблюдателей. Но самое сокровенное и святое, что открываетъ душа только черезъ художественное творчество, уничтожалось безслѣдно. И отсюда являются основанія для утвержденія, что этого хорошаго, положительнаго, творческаго и не было вовсе, что прошлое Руси—это сумбурная дикость, вѣчныя безтолковыя ссоры и войны, грязь, тупость и кровь, кровь безъ конца...

Нѣтъ болѣе плодотворной задачи для изслѣдователей прошлаго, какъ извлеченіе этихъ крупинокъ національной красоты и мудрости изъ-подъ развалинъ прошлаго. Онѣ помогаютъ, выдѣливъ все наносное и случайное, установить основную, стихійную линію нашей культуры, ту отвлеченную формулу, которая объединитъ и XVII вѣкъ, и XVIII, и XIX, и наше время...

Самымъ мощнымъ орудіемъ въ отысканіи этой формулы должно быть художественное творчество. За его пестрыми и разнообразными формами нужно сумѣть вычитать откровеніе души. Это тѣмъ легче сдѣлать, что древне-русское творчество, почти цѣликомъ отданное

церкви, служило религіознымъ цѣнностямъ и тѣмъ самымъ открывало самыя сокровенныя стороны человѣческой души...

Московскіе памятники XVII вѣка, очень богатые въ архитектурномъ отношеніи, даютъ мало матеріала для изученія эпохи. Въ Москвѣ, при царскомъ дворѣ, открытомъ для всевозможныхъ вѣяній, замутнена самобытность народнаго творчества, нѣтъ той безсознательности, которая отличаетъ искусство зодчихъ и изографовъ XVII вѣка, творившихъ по традиціи, по указкѣ церкви и вѣковой мудрости. Наконецъ въ Москвѣ съ ея тревожной исторіей и благочестіемъ, по странной ироніи судьбы у насъ въ Россіи главнымъ врагомъ древности, нѣтъ почти ни одного церковнаго памятника, сохранившаго вполнѣ неприкосновеннымъ свой обликъ...

Счастливѣе въ этомъ отношеніи Ярославль, хранящій нѣсколько изумительныхъ церквей, одинаково цѣнныхъ какъ въ отношеніи архитектуры, такъ и стѣнописи, но самое цѣнное наслѣдство XVII вѣка хранитъ Ростовъ Великій въ своемъ кремлѣ, въ своихъ безчисленныхъ монастыряхъ.

Такихъ памятниковъ XVII вѣка нѣтъ въ Россіи. Ростовскій кремль это храмъ крѣпость, коллоссальный монастырь, вмѣщающій около десяти церквей, соединенныхъ переходами, башни, ворота, стѣны, палаты. Все это художественно обработано и украшено. Исчерпать архитектурные мотивы ростовскаго кремля можно въ нѣсколькихъ толстыхъ фоліантахъ. Еще больше матеріала находится здѣсь по стѣнной живописи, которой украшены всѣ кремлевскія церкви. Уже самое сооруженіе кремля—цѣлаго города, посвященнаго Богу, строившагося нѣсколько десятилѣтій, является крупнымъ историческимъ фактомъ. Многочисленныя же росписи и характеръ ихъ изображеній, даютъ превосходную картину древне-русскаго творчества.

«Ѣхалъ чертъ въ Ростовъ, да испугался крестовъ!» гласитъ старая народная поговорка. Въ ней вѣрно подмѣчена главная черта Ростова, и теперь еще это городъ крестовъ...

Въ центрѣ города высится кремль, украшенный нѣсколькими десятками церковныхъ главъ, издали вырисовывающійся ажурной сѣтью крестовъ и вышекъ. Много церквей, правда, не представляющихъ большого художественнаго интереса, на чистенькихъ улицахъ города. По окрайнамъ города—монастыри, богато обстроенные преимущественно въ XVII вѣкѣ, красивые, тихіе, отлично уберегшіе свой монастырскій покой отъ вторженія современности. Каждый монастырь Ростова—живой отзвукъ XVII вѣка, отличный музей его искусства.

Ростовъ окруженъ полями, съ юга къ нему примыкаетъ озеро Неро, и съ его окраинъ открываются широкіе горизонты равнинъ, во-

Ростовъ. Успенскій соборъ. Настоящій видъ второй половины XVII-го вѣка.

ды, далекихъ деревень. Всюду на зелени полей бѣлѣютъ монастыри и старыя церкви...

Эти монастыри, примыкающіе къ Ростову, дополняютъ тѣ представленія о творчествѣ XVII вѣка, которыя даетъ кремль. Только дополняютъ, потому что основное, незамѣнимое ядро—кремлевскія церкви и палаты!

Одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ русскихъ, когда-то равный славой и богатствомъ Новгороду и Кіеву, цвѣтущій центръ мысли и культуры въ тѣ вѣка, когда еще не существовала Москва, Ростовъ Великій теперь—тихій уѣздный городъ Ярославской губерніи, промышляющій огородничествомъ, выдѣлкой цикорія и махорки...

Вся Ярославская губернія, даже изъ окна поѣзда, производитъ сравнительно съ центральной Россіей впечатлѣніе зажиточности и культурности. Много лѣсовъ и луговъ, все время мелькаютъ церкви, деревни съ желѣзными крышами. Станціи чисты, нѣтъ убогихъ коричневыхъ зипуновъ и лаптей.

Въ лицахъ господствуетъ одинъ, ярко выраженный, великорусскій типъ: большія русыя бороды, свѣтлые глаза, высокій ростъ. Степенный мѣстный говоръ на «о» дополняетъ впечатлѣніе чего-то самобытнаго и крѣпкаго.

И Ростовъ, небольшой уѣздный городъ, поддерживаетъ «европейскую» репутацію Ярославской губерніи. Улица, тянущаяся отъ вокзала, съ деревяннымъ тротуаромъ, усѣяна веселыми разноцвѣтными и яркими домами съ рѣзьбой, съ разными архитектурными «прикладами». Въ городѣ тихо, мирно, много зелени. Нѣтъ безпробуднаго пьянства столицы, нѣтъ озлобленныхъ лицъ и ругани. Какая-то монастырская или древне-русская степенность царитъ въ городѣ. Сразу о старинѣ ничто не говоритъ. Попадаются бѣлыя церкви обычнаго ярославскаго типа съ большими чешуйчатыми главами на узкихъ шейкахъ, однако хранящія искажающія наслоенія XVIII и XIX вѣковъ...

Совершенно неуловимыя черты сближаютъ древніе памятники ярославскихъ городовъ съ ихъ теперешней жизнью. Остатки старины стоятъ на площадяхъ и улицахъ, какъ прочный фундаментъ той жизни, что шумитъ теперь кругомъ нихъ. Здѣсь не чувствуется разрыва между прошлымъ и настоящимъ, и это впечатлѣніе глубокой почвенности жизни и культуры придаетъ памятникамъ старины особое серьезное значеніе, выдвигаетъ ихъ какъ нужную и важную сторону жизни. Въ русскихъ городахъ крайне рѣдко приходится чувствовать эту связь исторіи и современности, и нигдѣ не чувствуется она такъ сильно, очевидно и упорно, какъ въ Ростовѣ!

Центральная, древняя часть города, заключающая въ себѣ кремль отдѣлена отъ пригородовъ широкой полосой луга. На немъ замѣтна

небольшая насыпь, мирно заросшая травой: то остатки земляного вала, окружавшаго весь городъ, насыпаннаго въ 1630-хъ годахъ. По сообщенію лѣтописи «въ 140 (1632) году въ Ростовѣ начали дѣлать городъ земляной тремя городы: Ростовомъ, Кинешмой, Пошехонью; а работниковъ было пѣшихъ 1000, да конныхъ 100; а землю на огородъ возили тележками на одномъ колесѣ, а конныя телеги были дѣланы на двуколесахъ, ящики на ветлугахъ; а мастера были нѣмцы, а дѣлали три лѣта....» [1]).

Въ центрѣ города тянутся безконечныя аркады торговыхъ рядовъ. Надъ ними высятся многочисленныя серебристыя главы Успенскаго собора, его звонницы, прочихъ кремлевскихъ церквей, и наконецъ показываются стѣны и башни кремля, выкрашенныя въ лиловато-розовую краску. Глазъ долго не мирится съ этимъ необычнымъ тономъ; хочется бѣлаго, «бѣлокаменнаго» кремля, дающаго такой плѣнительный контрастъ съ голубымъ небомъ, съ зеленью травы...

Издали кремль представляется сказочнымъ древне-русскимъ городомъ, тѣсно сплоченнымъ, усѣяннымъ острыми верхами башенъ и безсчетными куполами. Нѣсколько десятковъ куполовъ поднимается надъ розовыми стѣнами и сливаетъ разрозненныя части кремля въ одну архитектурную мелодію. Такой видъ ростовскаго кремля не случаенъ: каждый древне-русскій городъ долженъ былъ представлять такую же картину—компактную массу стѣнъ, воротъ, башенъ, палатъ, увѣнчанную обильными куполами. Таковъ долженъ былъ быть и московскій кремль до Троицкаго пожара 1737-го года, и отчасти до «расчистки» его П. С. Валуевымъ въ началѣ XIX вѣка. Современная эстетика и практическія потребности заставили старыя части всѣхъ живыхъ донынѣ древне-русскихъ городовъ измѣнить свой обликъ, сдѣлавъ его болѣе планомѣрнымъ, менѣе тѣснымъ, менѣе компактнымъ. Только казанскій кремль издали даетъ впечатлѣніе стариннаго «града»...

Ростовъ же, не привлекавшій ничьего вниманія въ XIX вѣкѣ, затихшій съ уничтоженіемъ въ немъ митрополичьей кафедры, остался такимъ древнимъ „градомъ". Рядъ деревянныхъ домиковъ отдѣляетъ Кремль отъ большого ростовскаго озера Неро. Сонное, сѣрое, поросшее камышомъ и словно ветхое, оно отражаетъ въ своемъ мутномъ зеркалѣ розовыя стѣны Кремля. И отъѣхавъ на лодкѣ на нѣсколько десятковъ саженей, чтобы утратить всѣ незначительныя детали современной жизни, чувствуешь себя магически перенесеннымъ въ дальніе вѣка, когда по берегамъ Волги, Волхова, Великой высились такіе же города-монастыри...

---

[1]) *А. Титовъ.* Описаніе Ростова Великаго. М. 1891 г.

Ростовъ. Звонница Успенскаго собора. 1670-е годы.

ИСТОРІЯ РОСТОВА.

О началѣ Ростова молчатъ не только лѣтописи, но нѣтъ и устныхъ преданій, легендъ, которыя такъ цвѣтисто и поэтично украшаютъ первые темные вѣка существованія древнихъ русскихъ городовъ...

Основаніе города относится къ незапамятной древности, болѣе ранней, чѣмъ народныя легенды и сказанія. Ростовъ—одно изъ древнѣйшихъ поселеній славянъ среди финскаго племени мери, обитавшей въ сѣверномъ Поволжьи. Ростовъ, несомнѣнно, основанъ новгородцами, сохранившими въ новомъ городѣ тѣсную связь съ метрополіей, какъ въ области обычаевъ, такъ и порядковъ.

Тѣ легенды о началѣ Ростова, которыя дошли до насъ, носятъ отпечатокъ позднѣйшаго сочинительства; по мнѣнію Д. А. Корсакова [1]), ихъ создали составители временниковъ XVII вѣка, большіе мастера на вымышленную генеалогію, рискованныя заключенія, и подчасъ склонные къ фантазіи. По этимъ сказаніямъ основателемъ Ростова былъ Россъ, исторія котораго весьма напоминаетъ кіевское преданіе о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ.

Выборъ мѣста для Ростова вполнѣ въ обычаяхъ новгородскихъ насельниковъ. Стратегическія и экономическія побужденія обычно совпадали для колонизаторовъ Поволжья. Ростовское озеро соединено рѣчкой Которослью съ Волгой, причемъ при устьи ея былъ срубленъ городъ Ярославль, являвшійся какъ бы форпостомъ Ростова. По берегамъ озера Неро возникаетъ нѣсколько, частью еще мерянскихъ, поселеній и центромъ ихъ становится Ростовъ.

Въ Ростовѣ прочно укрѣпился вѣчевой строй. Княжеская власть почти такъ же ограничена, какъ и въ Новгородѣ. Сильное земское боярство господствовало на вѣчѣ и парализовало княжеское самодержавіе. Владимірскій и ростовскій лѣтописцы, хотя и съ разныхъ точекъ зрѣнія, указываютъ на зависимость князя отъ бояръ, на вынужденную «ласковость» князей.

---

[1]) „Меря и ростовское княжество“, 1872 г.

Первоначальное насажденіе христіанской культуры въ Ростовѣ произведено кіевскими пришельцами. Преданія сильно разнорѣчатъ относительно первыхъ насадителей христіанства. По однимъ преданіямъ Владиміръ послѣ крещенія отправился въ Суздальскую землю съ двумя епископами, по другимъ—изъ Новгорода пришелъ въ Ростовъ кіевскій митрополитъ Михаилъ съ 4 епископами, но оба показанія сходятся въ томъ, что пришедшіе въ Ростовъ епископы были присланы изъ Византіи патріархомъ Фотіемъ...

Апостолы христіанства приносили съ собой зачатки новой культуры: «иде по русской земли и учаше всѣхъ вѣровать въ единаго Бога въ Троицѣ славимаго и научая и наказуя благоразумно и благочестно многихъ, и крести безъ числа людей, и многіе церкви воздвиже, и пресвитеры и діаконы постави, и клиросы устрои и уставы благочестно устави»... Первая пропаганда христіанства въ Ростовѣ была неудачна. Греки епископы—Θеодоръ и Илларіонъ—«избѣгоша, нетерпяще невѣрія и досажденія людей»...

Въ X вѣкѣ лѣтописныя извѣстія молчатъ о Ростовѣ. Ростовъ, какъ и вся суздальская земля, не принималъ участія въ политической жизни страны и не вызывалъ вниманія князей. Лѣтопись Нестора подъ 988 годомъ отмѣчаетъ, что Ростовъ достался сыну Владиміра — Ярославу, скоро покинувшему его ради Новгорода. Ростовъ мало привлекалъ князей, затерянный среди лѣсовъ, вдали отъ широкихъ политическихъ путей, и они посѣщали его только наѣздами.

Съ XI вѣка Ростовъ начинаетъ быстро усиливаться, богатѣть и пріобрѣтать политическое значеніе. При князѣ Юріи онъ уже носитъ наименованіе Великаго, хотя князья по прежнему не живутъ въ Ростовѣ, предпочитая ему Новгородъ, Владиміръ, позднѣе Суздаль.

Именуемый уже въ XII вѣкѣ «Великимъ», Ростовъ долженъ былъ пространствомъ и населенностью не уступать тогдашнимъ столицамъ Руси—Кіеву и Новгороду. Въ житіи Исидора Твердислова, ростовскаго святого XV вѣка, Ростовъ названъ «славный и многонародный градъ». Въ житіи св. Игнатія, ростовскаго епископа XIII вѣка, сказано, что на погребеніе его «стечеся весь градъ Ростовъ, множество безчисленнаго народа».

Кажется страннымъ, что при такомъ многолюдствѣ и богатствѣ Ростова, князья не стремятся обращать его въ свою резиденцію. По отрывочнымъ намекамъ, заключеннымъ въ лѣтописяхъ, можно думать, что уже самое «величіе» Ростова, интенсивный и свободный ходъ его жизни смущалъ князей. Ростовскіе бояре издавна славились своимъ «буйствомъ», горожане же представляли активную, легко воспламеняющуюся массу; бунты, изгнанія и даже убійства неугодныхъ лицъ, вплоть до епископовъ, не были рѣдкостью въ исторіи Ростова...

Ростовъ Великій. Алтарная часть ц. Іоанна Богослова. 1683 г.

Такимъ образомъ Ростовъ не былъ ареной княжескихъ междоусобій и вражескихъ набѣговъ. Здѣсь, въ отдаленіи отъ шумныхъ княжескихъ дворовъ и походовъ, накоплялась христіанская культура, строились церкви, ширилась образованность. Ростовскіе монахи издавна славились своей образованностью, монастыри — своими библіотеками. Многочисленные православные дѣятели и апостолы русскаго христіанства вышли изъ Ростова. Въ XI вѣкѣ здѣсь уже были церкви; «чюдна зело и преудивленна, якоже не была и не вѣмы будетъ ли», говоритъ лѣтописецъ объ Успенскомъ соборѣ. Этотъ соборъ имѣлъ для Ростова такое же значеніе, какъ святая Софія для Кіева и Новгорода.

Въ XI вѣкѣ ростовскіе епископы уже развертываютъ энергичную проповѣдническую дѣятельность, то укрѣпляя христіанство въ средѣ непокорныхъ и неустойчивыхъ ростовцевъ, то проповѣдуя его по окрестнымъ землямъ. Настойчивый проповѣдникъ епископъ Леонтій, который «изъ царскаго града, яко солнце граду Ростову возсіялъ», былъ изгнанъ ростовцами изъ города, а въ 1073 году былъ убитъ ими. Его преемникъ Исаія, опять-таки прибывшій изъ Кіева, не искоренилъ язычества даже въ самомъ городѣ Ростовѣ. Въ самомъ городѣ существовалъ «чюдскій конецъ, единаче поклоняшеся идолу каменну, омраченни бо суть сердца ихъ бѣсовскимъ дѣяніемъ». Современнику Исаіи Авврааму, основателю Богоявленскаго монастыря, пришлось много силъ потратить на борьбу съ этимъ «чюдскимъ концомъ», по преданію поклонявшимся идолу Велесу.

Ростовъ былъ городомъ мира. Въ тѣ вѣка, когда лѣтописи представляются сплошнымъ синодикомъ междуусобицъ, набѣговъ и разрушеній, Ростовъ упоминается мало, рѣже всѣхъ прочихъ городовъ Суздальской земли. Только въ 1135 году возникли споры между князьями, и 13-го января 1135-го года «на Жданой горѣ» произошла битва новгородцевъ съ ростовцами, при чемъ новгородцы «были посрамлены», а ростовцы возвратились «съ побѣдою великою»...

При Андреѣ Боголюбскомъ Ростовъ получилъ значеніе религіознаго центра Суздальской земли. Во время пожара 1160-го года сгорѣлъ соборъ и при его разрушеніи были найдены мощи епископовъ Леонтія и Исаіи. Для Суздальской земли и ея князя наступило великое торжество: теперь его земля сравнялась съ прочими русскими религіозными центрами, обладавшими святителями и мощами. Несмотря на такое преимущество Ростова, Андрей Боголюбскій избралъ своей резиденціей Владиміръ, а позднѣе основанный имъ самимъ городъ Боголюбовъ.

Единственнымъ княземъ, полюбившимъ Ростовъ, былъ Константинъ, сынъ Всеволода. Въ 1212 году отецъ его «нача изнемогати» и хо-

тѣлъ дать сыну «великое княженіе Владимірское», но тотъ отказался, отвѣтивъ отцу: «Отче чюдный и любезной, не возбраня на мя худого, яко не хощу просить у тебя, аще даси ми тако, понеже много возлюби мя еси, и старѣйшаго мя сына имаши, и старѣйшину мя хощеши устроити, то даждь ми старый, начальный градъ Ростовъ, и къ нему Володиміръ; аще ми не хощетъ твоя честность тако сотворити, то даждь ми Володиміръ и къ нему Ростовъ. Не призри моленія моего, отче, аще угодно ти есть»...

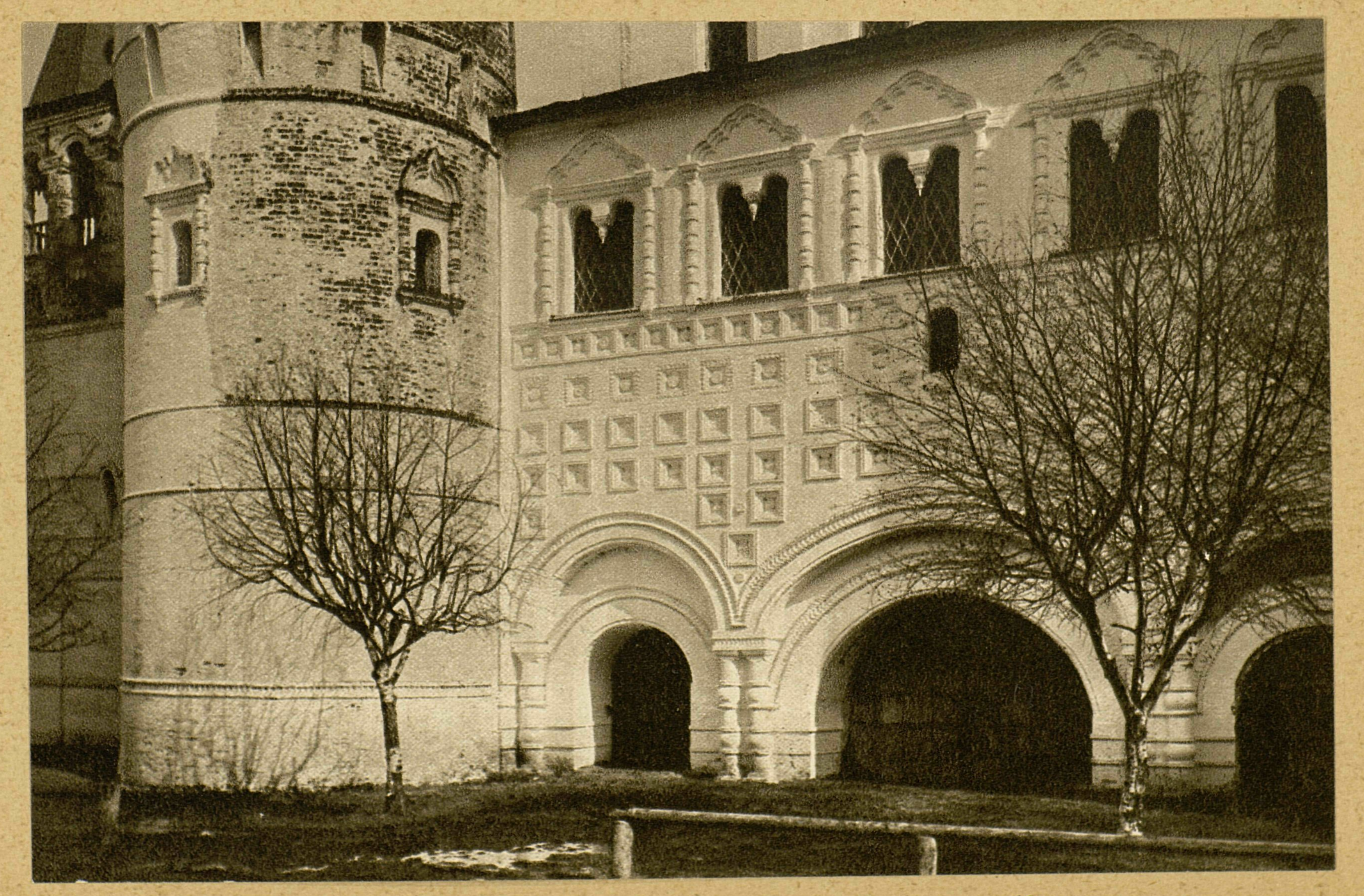
Ростовъ былъ отданъ Константину отцомъ въ 1207 году, вмѣстѣ съ Ярославлемъ, Бѣлоозеромъ, Устюгомъ Великимъ, Углече-полемъ и Костромой. Всеволодъ не исполнилъ просьбы сына и назначилъ наслѣдникомъ Юрія. Но Константинъ «воздвиже брови своя гнѣвомъ на князя Юрія, брата своего»... Тогда Ростовско-Суздальская земля раздѣлилась на два самостоятельныхъ княженія. Юрій сѣлъ во Владимірѣ и Суздалѣ, Константину достался Ростовъ и Ярославль.

Лѣтописи оставили намъ достаточно свѣдѣній, чтобы судить о характерѣ князя Константина. Онъ рисуется ученымъ, кроткимъ и добродѣтельнымъ; онъ любитъ свой святой городъ и послѣ пожара, поглотившаго почти весь Ростовъ, заботится прежде всего о возстановленіи храмовъ. Очень интересную параллель проводитъ Д. А. Корсаковъ между Константиномъ и Владиміромъ Мономахомъ, между двумя типами древне-русскихъ князей — труженникомъ и воителемъ.

«Константинъ по природѣ своей князь «мира», — онъ натура далеко не воинственная. Мономахъ наоборотъ: онъ какъ истинный представитель юга — князь воинъ. Сравните такъ называемое «Поученіе Владиміра Мономаха» съ наставленіями дѣтямъ передъ смертью Константина Всеволодовича. Какое различіе въ пониманіи «идеала князя», которое рисуетъ вамъ тотъ и другой, какое различіе въ пониманіи своего служенія землѣ у того и другого! Мономахъ, проведшій свою многотрудную жизнь въ постоянныхъ бояхъ и усобицахъ съ иноплеменными князьями, призываетъ на дѣтей своихъ миръ, любовь и совѣтуетъ имъ жить между собой дружно; но храбрость и умѣнье вести войну ставитъ первымъ условіемъ для «добраго князя», и охоту почитаетъ самымъ приличнымъ для него развлеченіемъ. Константинъ въ наставленіи своимъ дѣтямъ прежде всего указываетъ на «миръ», «спокойствіе». «Богъ мира да будетъ съ вами!» говоритъ онъ имъ и затѣмъ указываетъ на дѣла милосердія, благочестія и на книжное поученіе, какъ на главнѣйшія обязанности и заботы князя. Нигдѣ ни слова о войнѣ, о доспѣхѣ, о «дѣлѣ ратномъ», о забавѣ» [1]).

---

[1]) «Меря и Ростовское княжество». 1872 г.

Ростовъ. Ворота подъ ц. Іоанна Богослова. 1683 г.

Въ такомъ различіи характеровъ и міровоззрѣній князей сказалась не только индивидуальная разница, не только вліяніе протекшихъ между поученіемъ Мономаха и наставленіями Константина вѣковъ. Въ душѣ Константина есть что-то глубко родственное той стихіи любви и кротости, которую несло христіанство, и которой отмѣчены дальніе вѣка исторіи Ростова. Такой же характеръ, такія же мысли мы наблюдаемъ и у позднѣйшихъ ростовскихъ князей. Таковъ же былъ и князь Василько, сынъ Константина, убитый въ 1227 году въ битвѣ съ татарами на рѣкѣ Сити. «Бѣ же князь Василько лицемъ красенъ, очима свѣтелъ и грозенъ, храбръ паче мѣры на ловѣхъ, сердцемъ легокъ, до бояръ ласковъ; ... мужество же и умъ въ немъ живяше, правда же и истина съ нимъ ходяста, бѣ бо всему хитръ и гораздо умѣя...»

Отъ XI и XII вѣковъ въ Ростовѣ остались только лѣтописныя сказанія. Однако, ихъ достаточно, чтобы утверждать, что въ эти глухіе вѣка здѣсь уже была своя, прочно внѣдрившаяся, развитая культура, своя религія, свои нравственные идеалы, своя философія. Учесть художественный уровень Ростова въ эти вѣка за отсутствіемъ какихъ бы то ни было вещественныхъ памятниковъ невозможно, но судя по другимъ мѣстамъ суздальской земли, гдѣ сохранились церкви XI и XII вѣковъ, тамъ процвѣтало зрѣлое и своеобразное искусство. Роскошные храмы Ростова, сооруженные въ это время, должны были близко подходить къ церквамъ Владиміра и Суздаля, поставленнымъ Андреемъ Боголюбскимъ и его преемниками...

Въ Ростовѣ развита была письменность; въ монастыряхъ, особенно Григорьевскомъ «Затворѣ», славились ученостью монахи, владѣвшіе греческимъ и латинскимъ языкомъ; отсюда выходили на всю Русь религіозные проповѣдники. Изъ Ростова вышелъ Стефанъ Пермскій, просвѣтитель зырянъ. Григорьевскій монастырь, отъ котораго сохранилась теперь только построенная въ XVII вѣкѣ церковь Григорія Богослова къ югу отъ Кремля, въ XIII вѣкѣ являлся просвѣтительнымъ центромъ на всю сѣверо-восточную Русь. Монастырь былъ гнѣздомъ греческой культуры и его ученые монахи славились знаніемъ многихъ языковъ, въ особенности греческаго. Здѣсь были обширныя библіотеки. «Яко книги многы быша ту...»; велась лѣтопись; переводились и переписывались «Житія» и полемическія сочиненія. Однако, вещественныхъ памятниковъ этой дѣятельности уцѣлѣло очень мало. Между прочимъ въ библіотекѣ Троицко-Сергіевской лавры сохранилась пергаментная рукопись «Житіе Нифонта», переписанная, а, можетъ быть, и переведенная съ греческаго, въ Ростовѣ.

Но въ 1237 году на эту культурную область налетѣли монго-

лы. «Нѣсть мѣста, ни веси, ни селъ тацѣхъ рѣдко, говоритъ Владимірскій лѣтописецъ, идѣ же не воеваша на Суждальской земли... Сотворися великое зло Суждальской земли; яко же зло не было ни отъ крещенія, яко же бысть нынѣ...» Послѣ кровавой битвы при Сити, всю землю суздальскую «плѣниша» татары; замучили ростовскаго князя Василька. Это событіе увѣковѣчено въ «Сказаніи о кончинѣ Василька». Тѣло князя было найдено въ Шеренскомъ лѣсу и принесено въ Ростовъ. Встрѣчая печальную процессію съ тѣломъ князя, ростовскій народъ «жалостныя слезы испущающи, оставше такого утѣшенія...»

Въ XIV вѣкѣ кончается политическая самостоятельность Ростова; онъ переходитъ подъ власть Москвы. Въ 1330 году прибываетъ въ Ростовъ намѣстникъ московскаго князя бояринъ Василій Кочева. Жестокими мѣрами, невѣдомыми въ тихомъ и вольномъ Ростовѣ, оставляетъ онъ по себѣ кровавую память. „Увы, увы тогда граду Ростову, паче же и князьямъ его, яко отъяся отъ нихъ власть и имѣніе, и честь, и слава, и потянуша къ Москвѣ...» — говоритъ повѣсть о Сергіи Радонежскомъ. «И изыде повелѣніе великаго князя Ивана Даніиловича, и посланъ бысть отъ Москвы на Ростовъ, аки нѣкій воевода, одинъ отъ вельможъ, именемъ Василій, прозвище ему Кочева, и съ нимъ Миняй. Егда внидоста во градъ Ростовъ, тогда возложиста велику нужу на градъ, да и на вся живущая въ немъ, и не мало отъ ростовцевъ москвичѣмъ имѣнія своя съ нужею отдаваху, а сами противу того на тѣлеси своемъ со укоризною взимающе: толико дерзновенія на Ростовомъ содѣяше, яко и епарха градскаго, старѣйшаго боярина, именемъ Аверкія, стремглавъ обѣсиша и возложиша на ня руки своя, и оставиша поругана, точию жива, и бысть страхъ велій на всѣхъ слышащихъ сія, не токмо во градѣ Ростовѣ, но и во всѣхъ предѣлахъ его и въ волостяхъ и въ селѣхъ...» [1]).

При княженіи Димитрія Донского ростовское княжество вмѣстѣ съ Ярославлемъ и Бѣлоозеромъ окончательно входитъ въ составъ великаго княжества московскаго. Ростовскіе князья становятся въ одинаковое положеніе со служилыми чинами боярскими при московскомъ князѣ.

«Земское значеніе Ростова, уменьшаясь постепенно въ теченіи XIII вѣка, въ XIV уничтожается окончательно. Старшіе сыновья князей не стремятся уже болѣе занять непремѣнно столъ Ростовскій, а предпочитаютъ какой-нибудь незначительный городъ, въ родѣ Углече-Поле, этому нѣкогда «старѣйшему» городу, изъ-за котораго родо-

---

1) *Карамзинъ*. Исторія Государства Россійскаго. Т. IV.

Ростовъ. Западная стѣна кремля и ц. Іоанна Богослова. 1683 г.

начальникъ ростовскихъ князей Константинъ Всеволодовичъ поссорился съ своимъ отцомъ Всеволодомъ, «миродержецемъ Суздальской земли», вступивъ въ открытую вражду съ братомъ Юріемъ». [1]).

Утративъ свою политическую самостоятельность, Ростовъ продолжаетъ оставаться религіознымъ центромъ сѣверо-восточной Руси. Уходъ отъ политическихъ волненій и споровъ способствовалъ культурному подъему Ростова. Та творческая роль, которую въ древней Руси брали на себя князья, переходитъ къ ростовскимъ іерархамъ. Въ центрѣ города, рядомъ съ доживающими свой вѣкъ княжескими палатами, разрастается и обстраивается обширный дворъ церковныхъ іерарховъ. Уже въ 1212-мъ году «лѣтопись о ростовскихъ архіереяхъ» упоминаетъ о церкви, поставленной «на епископлѣ дворѣ».

Епископскій дворъ находился въ предѣлахъ теперешняго кремля, по всей вѣроятности занимая его сѣверную часть. Епископы строятъ и украшаютъ ростовскія церкви. Въ концѣ XIV вѣка ростовскіе владыки уже именуются архіепископами. Московскіе цари, даже тѣ изъ нихъ, которые очень ревниво относились къ славѣ и значенію своей молодой столицы, не посягаютъ на религіозное величіе Ростова. Они пріѣзжаютъ въ Ростовъ на богомолье, а въ тревожныя годины скрываются здѣсь, въ городѣ мира и тишины. Очень почиталъ Ростовъ Іоаннъ Грозный, посѣтившій его три раза, въ 1545, 1553 и 1571 годахъ. Здѣсь онъ построилъ на свое иждивеніе церковь Исидора Блаженнаго, хорошо сохранившуюся до нашихъ дней. Съ 1589 года ростовская епархія возводится на степень митрополіи [2]).

Въ смутное время Ростовъ сильно пострадалъ. На него обрушились не столько сами поляки, сколько «воры переяславцы», граждане Переяславля Залѣсскаго, предавшіеся полякамъ. Осажденные ростовцы вмѣстѣ со своимъ митрополитомъ Филаретомъ заперлись въ соборѣ, но непріятель ворвался въ соборъ, устроилъ здѣсь бойню и взялъ въ плѣнъ митрополита. Послѣ 1613-го года «градъ Ростовъ скуденъ сущъ по раззореніи». Страшный упадокъ Ростова послѣ смутнаго времени констатируется многочисленными свидѣтельствами. Въ 1619 году Ростовъ все еще не избавился отъ послѣдствій смутнаго времени; городъ «охудѣлъ»; тяглые люди разбѣжались, а многіе «ссѣчены», т.-е. убиты.

Въ 1632 году вокругъ города строится земляной валъ, объ уцѣлѣвшихъ остаткахъ котораго говорилось выше. Русская жизнь возвращается медленно въ свое обычное русло, и для Ростова наступаетъ новая и послѣдняя полоса расцвѣта. И въ дальнѣйшемъ, чѣмъ

---

1) *Корсаковъ*. «Меря и Ростовское княжество». 1872 г.
2) «Лѣтопись о ростовскихъ архіереяхъ».

сильнѣе порываетъ русская исторія связь съ допетровской эпохой, тѣмъ въ большее запущеніе приходитъ Ростовъ, нѣсколько разъ оказываясь на краю гибели: не разъ его святыни и древности были предназначены къ уничтоженію. Только случайность или во время раздавшійся голосъ какого-нибудь фанатичнаго цѣнителя родной старины спасалъ это чудо русскаго творчества отъ разрушенія!

Во второй половинѣ XVII вѣка въ Ростовѣ въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій идутъ обширныя работы по созданію кремля. Кромѣ того строятся многочисленныя церкви въ городѣ, идутъ работы во всѣхъ ростовскихъ монастыряхъ. Всѣмъ этимъ строительствомъ руководитъ ростовскій митрополитъ Іона Сысоевичъ, одна изъ крупнѣйшихъ и интереснѣйшихъ личностей русскаго XVII вѣка. Свое вліяніе и свои вкусы, шедшіе въ разрѣзъ съ обычными пріемами московскаго зодчества, митрополитъ Іона распространилъ на довольно обширную область. При многихъ ярославскихъ церквахъ сохранились граматы и клировыя вѣдомости, изъ которыхъ видно, что разрѣшеніе и благословеніе на постройку ихъ получалось изъ Ростова Великаго [1]). При такомъ положеніи дѣла возможность направлять церковное строительство у митрополита была значительная. Митрополитъ Іона, однако, не навязываетъ своихъ художественныхъ вкусовъ, хотя самъ, въ своихъ многочисленныхъ постройкахъ, никогда не измѣняетъ имъ. Громадныя богатства ростовской митрополіи давали полный просторъ для осуществленія зодческихъ замысловъ митрополитовъ. При архіерейскомъ домѣ до учрежденія монастырскаго приказа насчитывалось до 16,340 душъ крестьянъ [2]). Такое богатство давало возможность содержать цѣлыя команды собственныхъ мастеровъ и художниковъ. Однако «манія строительства» не особенно владѣла ростовскими владыками: ею былъ одержимъ только Іона Сысоевичъ, другъ и до нѣкоторой степени сподвижникъ патріарха Никона, да его ближайшіе преемники, не обладавшіе его розмахомъ и вкусомъ.

Широкое строительство митрополита Іоны интересно еще и тѣмъ, что въ немъ сказались не столько его личныя качества и стремленія, сколько властолюбивые идеалы русской церковной іерархіи конца XVII вѣка.

Біографія Іоны Сысоевича не блещетъ никакими яркими фактами, позволяющими вглядѣться въ его душу. Вся дѣятельность его такъ же не производитъ впечатлѣнія чего-то крупнаго, титаническаго: около пламенной фигуры Никона онъ кажется скромнымъ, покорнымъ и добродушнымъ сельскимъ попикомъ; но успокоиться на такой харак-

---

1) Труды VII археолог. съѣзда. Томъ III. 1887 г.
2) *А. Титовъ*. Кремль Ростова Великаго. М. 1905 г.

теристикѣ трудно: ей не хочется вѣрить, потому что она оставляетъ необъяснимыми ту энергію и планомѣрность, съ которой создавалъ Іона ростовскій кремль-крѣпость...

Думается, что незамѣтнымъ онъ кажется благодаря той мужицкой хитрости, уклончивой пассивности, которая помогала ему балансировать между враждебными станами царя и патріарха!..

Іона родился около 1607-го года у попа Сысоя, верстахъ въ 10 отъ Ростова, за озеромъ Неро, въ Воржской волости. Скудныя біографическія свѣдѣнія, дошедшія до насъ, оставляютъ неосвѣщенной его юность, годы ученія и первые шаги его духовной карьеры. Извѣстно только, что Іона былъ инокомъ угличскаго Воскресенскаго монастыря. Впослѣдствіи, ставъ ростовскимъ митрополитомъ, онъ прежде всего вспомнилъ о пріютившей его обители. Имъ выстроено украшающее доселѣ Угличъ обширное и оригинальное зданіе монастыря, объединяющее въ одной сложной группѣ нѣсколько церквей, колокольню, трапезную, длинные переходы... [1]).

Потомъ мы видимъ Іону архимандритомъ ростовскаго Бѣлогостицкаго монастыря, тоже впослѣдствіи украшеннаго имъ. Затѣмъ — настоятелемъ ростовскаго Богоявленскаго Авраамієва монастыря. Въ 1652 году патріархъ Никонъ посвятилъ Іону Сысоевича въ санъ митрополита и назначилъ въ Ростовъ. Митрополитомъ онъ былъ около сорока лѣтъ, скончался 20-го декабря 1691-го года и похороненъ въ ростовскомъ соборѣ.

Іона былъ сторонникомъ Никона въ его реформаторской дѣятельности. Зная энергію ростовскаго митрополита, засвидѣтельствованную его напряженнымъ строительствомъ, приходится предположить, что онъ игралъ довольно замѣтную роль въ наступившей борьбѣ. Онъ настойчиво посѣщаетъ всѣ соборы. На соборѣ 1653-го года Іона открыто держитъ руку Никона. Онъ принимаетъ участіе въ соборѣ 1654-го года, разсматривавшемъ вопросъ объ исправленіи священныхъ книгъ и обрядовъ, а такъ же въ соборахъ 1656-го и 1660-го годовъ. Вліятельный и дѣятельный іерархъ, Іона, послѣ патріарха Питирима, во время «между патріаршества» былъ «блюстителемъ патріаршаго престола».

Въ 1664 году самовольно вернулся въ Москву патріархъ Никонъ и вошелъ на разсвѣтѣ въ Успенскій соборъ. Іона Сысоевичъ первый принялъ у него благословеніе. Назначенное слѣдствіе выяснило, что Іона испугался и въ боязни не смѣлъ противиться Никону. Такому объясненію повѣрили и Іона не понесъ кары, но намъ, имѣю-

---

[1]) „Культурныя сокровища Россіи". Вып. I. Стр. 85. М. 1912 г.

щимъ возможность видѣть всю его жизнь, всю его дѣятельность трудно повѣрить, въ правдоподобіе этого испуга!

Митрополитъ Іона создалъ весь ростовскій кремль съ его многочисленными церквами, башнями, могучими стѣнами, обширными палатами и переходами. Русскіе монастыри часто являлись и военными опорными пунктами, поэтому не удивительно, что въ нихъ мы встрѣчаемъ пріемы крѣпостного зодчества. Ростовскій кремль, по общему виду напоминающій одинъ огромный монастырь, чуждъ стратегическихъ расчетовъ: въ немъ нѣтъ ни рвовъ, ни отводныхъ стрѣльницъ, ни рѣшетчатыхъ воротъ. Скорѣе это замокъ, символизирующій силу и власть его обитателей. Всѣ эти башни и стѣны едва ли имѣли въ виду возможность вражескаго нашествія; онѣ возникали, чтобы своимъ величіемъ подтвердить власть митрополита.

«Ростовскій Кремль... памятникъ церковной іерархіи нашей, свидѣтель временъ патріаршества, когда духовная власть въ Россіи стремилась къ тому, чтобы облечься величавыми образами свѣтской власти» [1]). Эта мысль Шевырева находитъ себѣ подтвержденіе въ дѣятельности прочихъ русскихъ іерарховъ конца XVII вѣка: всѣ они усиленно строятъ, при чемъ на первый планъ выступаетъ идея земной силы, смѣнившая жажду небеснаго благолѣпія. Примѣръ подаетъ самъ Никонъ, выстроившій себѣ въ Кремлѣ патріаршій домъ, по словамъ Павла Алеппскаго, превосходившій роскошью царскій дворецъ, создавшій подъ Москвой Новый Іерусалимъ, Воскресенскій монастырь, превосходящій по размѣрамъ и богатству всѣ дотолѣ существовавшіе монастыри...

Въ «Лѣтописи ростовскихъ архіереевъ» перечислены постройки Іоны Сысоевича въ кремлѣ: «Воздвигъ домъ архіерейскій и митрополичій дворъ оградилъ оградою каменною по городовому устроенію съ башнями, съ бойницами и съ зубцами, устроилъ двои ворота проѣзжія, третьи къ соборной церкви. На тѣхъ вратахъ церковь Воскресенія Христова каменная дивнымъ устроеніемъ съ папертьми, и въ ней и въ папертяхъ стѣннымъ письмомъ подписаны, на другихъ вратахъ къ конюшенному двору церковь святого Іоанна Богослова каменная же съ папертьми инымъ образцомъ, и въ ней и въ папертяхъ стѣннымъ письмомъ подписаны. На сѣняхъ близъ архіерейскихъ келей церковь Всемилостиваго Спаса, каменная же, надъ хлѣбнею особымъ дивнымъ образцомъ и стѣннымъ письмомъ подписана. Подлѣ архіерейскаго двора въ другой каменной же оградѣ на углу, что называется Богословскій монастырь, построена церковь каменная же на кладовыхъ палатахъ во имя святого Григорія Богослова, въ томъ же мона-

---

[1]) *Шевыревъ.* Поѣздка въ Кирилловъ Бѣлоозерскій монастырь.

Ростовъ. Церковь Воскресенія Христова на сѣверной стѣнѣ кремля. 1670-е годы

стырѣ три палаты жилыхъ небольшія. У тѣхъ четырехъ церквей у всѣхъ колокольни каменныя...»

«Архіерейскія палаты—крестовая съ кельями архіерейскими, столовая великая съ отдаточною и палаты для пришествія государскаго, на жилыхъ палатахъ, другая столовая великая же, подписаны стѣннымъ письмомъ...»

Почти всѣ эти сооруженія митрополита Іоны сохранились въ цѣлости, хотя и находились неоднократно подъ угрозой полнаго разрушенія. Преемникъ Іоны — митрополитъ Іоасафъ много строилъ въ кремлѣ, но отъ его созданій цѣликомъ сохранилась только пестрая одноглавая церковь Одигитріи Божіей Матери, стоящая на сѣверной стѣнѣ кремля, рядомъ съ іонинской церковью Воскресенія Христова. Іоасафъ поставилъ «церковь каменную на палатахъ, теплую... въ ней иконостасъ рѣзной, золоченный, вельми изряденъ...» Эта церковь, хранящая отзвуки барочнаго вкуса, украшенная на католическій ладъ скульптурными работами, врывается диссонансомъ въ идеальную архитектурную гармонію кремля. Кромѣ нея Іоасафъ построилъ «часобитню, что часы бьетъ, каменную...» Часобитня не уцѣлѣла Послѣдующіе ростовскіе іерархи вносили въ кремль незначительныя поправки, приноровляли его гражданскія зданія къ потребностямъ и вкусамъ своего времени, но, къ счастью, не нашли въ себѣ рѣшимости основательно испортить его. И теперь среди тихаго городка высится крѣпость молитвы, «твердыня вѣры», одно изъ грандіознѣйшихъ на всемъ протяженіи міровой исторіи человѣческихъ произведеній, отданныхъ Богу!..

Время Іоны Сысоевича было послѣдней вспышкой былого величія Ростова. Вскорѣ по его кончинѣ Ростовъ лишается своего значенія, какъ религіознаго центра, энергично разоряется и превращается въ глухой захолустный городокъ. При Петрѣ I ростовская митрополія была лишена своихъ громадныхъ средствъ и угодій. Уже въ 1707 году митрополитъ святой Дмитрій Ростовскій жаловался на оскудѣніе, «убогъ сый», и просилъ московскаго пріятеля: «попроси чаю невеликое у благодѣтелей...» [1]). По распоряженію Петра Ростовъ Великій былъ приписанъ къ провинціи Переяславля Залѣсскаго и сталъ уѣзднымъ городкомъ Московской губерніи. Наконецъ, въ 1710 году— «митрополія пресѣчена бысть...»

Исторія Ростова кончилась.

Единственными событіями теперь являются пожары, рѣдкія посѣщенія почетныхъ гостей, чтущихъ по традиціи разоренныя святыни

---

[1]) *Титовъ А.* Кремль Ростова Великаго, Стр. 36. М. 1905 г.

Ростова, да безплодныя попытки спасти разваливающійся кремль— гордость Ростова...

Въ іюлѣ 1730-го года почти весь Ростовъ сгораетъ. Не пощадилъ огонь и кремля: обгорѣли церкви, выгорѣли тѣсно нагроможденныя въ его стѣнахъ деревянныя постройки. Въ 1788 году, несмотря на недавнее посѣщеніе Ростова императрицей Екатериной II, кремль передается въ распоряженіе ярославскаго губернатора. Полуразвалившіяся церкви Григорія Богослова и Іоанна Богослова предназначаются въ сломку на кирпичъ, и только случайно остаются въ живыхъ...

Въ 1818 году возникаетъ проектъ учредить въ Ростовѣ ярмарку, подобную нижегородской. Главный директоръ путей сообщенія Бетанкуръ избираетъ мѣстомъ для ярмарки кремль.

Въ 1840 году Красная Палата, стоявшая невдалекѣ отъ уцѣлѣвшей Бѣлой, была обращена въ винный складъ. Для удобства помѣщенія, стѣны, столпы и арки внутри ея были выломаны, стѣнная живопись уничтожена...

Въ 1860-хъ годахъ начинается реставрація кремля.

Сначала были освобождены отъ мусора и освящены кремлевскія церкви, покрыты стѣны желѣзной кровлей.

Первоначальная реставрація кремля и его церквей производилась мѣстными силами, вооруженными горячей любовью къ роднымъ древностямъ, но незнакомыми съ тонкостями научной реставраціи. Великая заслуга этихъ радѣтелей русской старины въ томъ, что они спасли отъ разрушенія сокровища Ростова, поддержали на время, пока не явились средства и люди, способные вернуть кремлю его начальную красоту.

Систематическая научная реставрація начинается въ 1880-хъ годахъ. Ея вдохновителями и руководителями явились два мѣстныхъ любителя-археолога: И. А. Шляковъ и А. А. Титовъ, авторъ многочисленныхъ незамѣнимыхъ трудовъ по исторіи Ростова. Ими подъ руководствомъ ученыхъ силъ Московскаго Археологическаго Общества, на средства, въ обиліи пожертвованныя богатыми ростовскими гражданами, реставрированы всѣ кремлевскія церкви и палаты, приведены въ первоначальный видъ башни и стѣны.

Особенно много усилій пришлось приложить при возстановленіи первоначальнаго облика древнихъ гражданскихъ сооруженій, сильно запущенныхъ и отчасти искаженныхъ позднѣйшими постройками. Смотря теперь на крѣпкіе и красивые памятники древне-русскаго зодчества — Бѣлую Палату, занимаемую превосходнымъ музеемъ русскихъ древностей, Княжіе терема, Іонинскую палатку, трудно представить себѣ, что не такъ давно здѣсь торчали однѣ только ободранныя стѣны, развалившіеся своды...

Ростовъ Великій. Входъ въ церковь Воскресенія Христова. 1670 г.

По словамъ А. А. Титова «отъ Бѣлой Палаты оставались однѣ, лишенныя покрытія, съ глубокими трещинами стѣны, съ безформенными окнами и дверными арками; оголенные верхніе своды заросли кустами и рябинами, дававшими даже плоды...»

Теперь опасность разрушенія миновала для ростовскаго кремля. Онъ офиціально признанъ церковно-историческимъ памятникомъ и управляется особой Кремлевской Комиссіей. Замолкла жизнь въ его старыхъ стѣнахъ, но не ушли, не могутъ онѣ уйти изъ жизни. Онѣ нужны намъ, какъ самый величественный памятникъ XVII вѣка, разсказывающій о душахъ нашихъ предковъ, о вѣрѣ ихъ, о творимой ими красотѣ. «Днесь свѣтло красуется преславный градъ Ростовъ!» [1]— поетъ церковь. И онъ долженъ красоваться вѣчно, пока жива русская культура, потому что съ исчезновеніемъ Ростова изъ народной души будетъ вычеркнуто какое-то дорогое воспоминаніе, одинъ изъ самыхъ яркихъ и самыхъ вдохновенныхъ образовъ Руси!..

Ростовъ нельзя забыть безнаказанно, какъ нельзя забыть Пушкина, Глинку, Толстого: одно звено, выкинутое изъ золотой цѣпи народнаго творчества, способно перепутать и нарушить всю цѣпь!..

---

[1]) Тропарь службы Владимірской иконѣ Ростовскаго собора.

КРЕМЛЬ.

Хотя ростовскій кремль занимаетъ очень большую площадь и содержитъ болѣе десяти отдѣльныхъ церквей и палатъ, благодаря мастерству создавшихъ его зодчихъ, онъ воспринимается какъ одно цѣлое. Надъ массивными стѣнами, перерѣзанными круглыми и четвероугольными башнями, вырисовывается сложная архитектурная мелодія свѣтлыхъ, серебристыхъ главъ...

Съ трехъ сторонъ кремль тѣсно заставленъ торговыми рядами— безконечными сводчатыми переходами. Благодаря отсутствію мѣста, можно видѣть только уходящія вдаль стѣны, перспективу башенъ и воротъ. Но съ юга, отъ берега озера открывается видъ на весь кремль. Между нимъ и озеромъ проходятъ въ нѣсколько рядовъ низкіе деревянные домики, окаймляющіе величественную панораму розовыхъ стѣнъ и матовыхъ серебристыхъ главъ. Здѣсь видны всѣ кремлевскія зданія: за угловой западной башней высится на первомъ планѣ пятиглавая, какъ и большинство кремлевскихъ церквей, церковь Григорія Богослова, остатокъ древняго Григорьевскаго монастыря; изъ-за нея выглядываютъ купола надвратной церкви Іоанна Богослова; правѣе этой группы — низкая глава церкви Одигитріи Божьей Матери; лѣвѣе видны массивныя главы Успенскаго собора, пять главъ церкви Воскресенія Христова; далѣе на первомъ планѣ—круглая угловая башня, за ней видно зданіе Бѣлой Палаты, занятое теперь ростовскимъ музеемъ древностей, еще глубже—современное зданіе духовнаго училища; еще лѣвѣе вырисовывается живописная группа гражданскихъ построекъ: на первомъ планѣ четвероугольная Садовая палата, съ открытой терассой, вѣнчающей четырехскатную крышу, лѣвѣе ея — Княжьи терема; за ними высится одноглавая церковь Спаса на Сѣняхъ,—крестовый храмъ ростовскихъ митрополитовъ, жилые покои которыхъ находились на мѣстѣ теперешняго духовнаго училища. Всѣ эти многочисленныя церкви, башни и палаты сливаются въ одно живописное цѣлое, напоминающее тѣ фантастическіе чертоги, которые грезятся въ сказкахъ, или сложное «палатное письмо», служащее фономъ древне-русскихъ иконъ.

Ростовъ Великій. Восточная стѣна кремля; ц. Спаса на Сѣняхъ (1675 г.) и Водяная башня (1670 г.).

Самое же необычное въ этой картинѣ—ея идиллическая простота: низкіе деревянные домики, обиліе травы, озеро, зарастающее камышомъ. Привычка видѣть совершенныя художественныя произведенія на фонѣ городской культуры наталкивается въ Ростовѣ на неожиданный контрастъ высокаго и зрѣлаго мастерства и самаго будничнаго сельскаго пейзажа. Но контрастъ ощущается только отъ неожиданности: памятники ростовскаго кремля органически сливаются съ окружающей природой и кажутся здѣсь болѣе умѣстными, чѣмъ на фонѣ современнаго шумнаго города!

Теперь, когда люди замкнуты въ городскихъ стѣнахъ, поглощены своими конторами, банками и университетами, и далекой мечтой о первобытномъ раѣ рисуется шелесть зеленыхъ листьевъ, залитыя солнцемъ рѣки, свѣжій вѣтеръ, таинственныя ночи въ лѣсу, красота становится тепличнымъ городскимъ цвѣткомъ...

Въ Ростовѣ тоже много художественной красоты. Среди луговъ, вольнаго озера, въ просторѣ, пронизаннымъ яркимъ весеннимъ солнцемъ, душа принимаетъ ее какъ продолженіе природы, такимъ же стихійнымъ твореніемъ какъ играющія краски озера, какъ неизъяснимая голубизна неба.

Кремль состоитъ изъ трехъ частей. Съ сѣвера къ его стѣнамъ примыкаетъ ограда съ 4 воротами, заключающая Успенскій соборъ и его оригинальную звонницу. Ограда эта сплошь занята снаружи торговыми помѣщеніями и выстроена въ началѣ XIX вѣка. Объ этомъ свидѣтельствуютъ барельефныя украшенія на аттикахъ.

Красивый и величественный Успенскій соборъ не представляетъ большого художественнаго интереса, хотя и является одной изъ древнѣйшихъ церквей ростовско-суздальскаго края. По лѣтописнымъ извѣстіямъ, въ 992 году на его мѣстѣ построена первая въ Ростовѣ деревянная дубовая церковь. Въ 1166 году эта первоначальная постройка была уничтожена пожаромъ. Князь Андрей Боголюбскій на томъ же мѣстѣ заложилъ новый каменный соборъ, но въ 1204 году новопостроенный соборъ упалъ. Въ 1214 году при князѣ Константинѣ Всеволодовичѣ была начата новая постройка собора и закончена только въ 1230 году. Несомнѣнно, что соборъ Андрея Боголюбскаго былъ созданъ по образцу владимірскихъ церквей, изъ которыхъ лучшія воздвигнуты этимъ княземъ. Хотя въ послѣдующіе вѣка ростовскій соборъ неоднократно сгоралъ, расхищался, перестраивался, возможно, что нѣкоторыя его части сохранились отъ XIII вѣка...

Въ общемъ же собору приданъ при митрополитѣ Іонѣ обликъ тѣхъ московскихъ храмовъ «соборнаго типа», который выработали московскіе мастера въ XVII вѣкѣ.

Въ XIII вѣкѣ, особенно стараніями ростовскаго митрополита Кирилла, соборъ былъ очень богато украшенъ. Лѣтописецъ сообщаетъ, что Кириллъ «нача храмъ Пресвятыя Богородицы крыти оловомъ и дно мостити мраморомъ»... Отъ его убранства въ соборѣ ничего не сохранилось. Но по сообщенію А. А. Титова [1]), этотъ полъ изъ привознаго краснаго мрамора былъ впослѣдствіи перевезенъ въ Москву и находится въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Въ 1408 году соборъ сильно пострадалъ отъ пожара—«погорѣ со всѣмъ украшеніемъ, отъ пожара того распадошася и верхъ церковный провалися»...

Въ 1609 году соборъ былъ разграбленъ поляками и присоединившимися къ нимъ переяславцами. Въ XVII вѣкѣ, особенно при митрополитѣ Іонѣ, соборъ былъ возстановленъ и украшенъ стѣнной живописью, но, благодаря пожару 1730-го года и «усердію» архіепископовъ Іоакима и Самуила, во внутреннемъ убранствѣ собора не сохранилось никакихъ слѣдовъ и XVII вѣка. Интересенъ только громадный шестиярусный иконостасъ, поставленный въ 1730—40 годахъ. Это одно изъ послѣднихъ по времени созданій прекраснаго древне-русскаго искусства—деревянной рѣзьбы, оставившаго лучшіе памятники въ церквахъ сѣвернаго Поволжья. Послѣдніе рѣзные иконостасы стараго мастерства являются и наиболѣе пышными, но, сдѣланные въ XVIII вѣкѣ, они уже не имѣютъ той художественной чистоты, которой поражаютъ иконостасы, надпрестольныя сѣни и царскія врата середины XVII вѣка въ ярославскихъ церквахъ. Новыя вѣянія, донесшіяся съ Запада и съ Украйны, открываютъ новое, ослѣпительное богатство формъ, но нарушаютъ ихъ чистоту.

Наружный видъ собора ничѣмъ не выдѣляется изъ обычнаго типа соборныхъ храмовъ московской области.

Въ то время, какъ въ теченіе XV, XVI и XVII вѣковъ, характеръ церковнаго зодчества переживалъ неоднократную эволюцію, то перерабатывая формы деревянной архитектуры, то подчиняясь украинскимъ и фряжскимъ вліяніямъ, типъ соборнаго храма московской области оставался неизмѣннымъ. Вѣчнымъ образцомъ соборной постройки былъ московскій Успенскій соборъ; его простыя, чинныя формы почти неизмѣнными переходятъ на соборы, выстроенные во второй половинѣ XVII вѣка, въ эпоху новаторства и заимствованій. Таковъ и ростовскій соборъ, получившій въ основныхъ чертахъ свой теперешній видъ при митрополитѣ Іонѣ: троечастное дѣленіе пилястрами, пятиглавіе, строгость стѣнъ, украшенныхъ только узкими продолговатыми окнами, да поясомъ арочекъ по всѣмъ четыремъ сторонамъ —все это взято съ московскаго Успенскаго собора. Однако, при

[1]) *А. Титовъ*. Описаніе Ростова Великаго. М. 1891 г.

Ростовъ. Ворота въ восточной стѣнѣ кремля. Изображенія половины XVIII-го вѣка.

внимательномъ разсмотрѣніи ясно, что всѣ эти формы воспроизведены въ XVII вѣкѣ: главы поставлены на высокія шейки, получили луковичный, ярославскій характеръ; закругленія декоративныхъ арочекъ-пилястровъ заострены кверху, въ подражаніе «бочкамъ» деревяннаго зодчества.

Въ XVIII вѣкѣ пробиты въ нижней части стѣнъ собора обширныя окна, сдѣлано много мелкихъ добавленій, нѣсколько затемняющихъ обликъ собора XVII вѣка. Тѣмъ не менѣе Успенскій соборъ красивъ и строенъ: въ общей архитектурной мелодіи ростовскаго кремля онъ импонируетъ величіемъ своихъ пяти главъ, дающихъ основную, издалека видную точку...

Вблизи собора стоитъ его колокольня, построенная митрополитомъ Іоной во второй половинѣ XVII вѣка.

Успенскій соборъ Іона обстраивалъ и расписывалъ въ началѣ 1670-хъ годовъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ годы посылки московскихъ мастеровъ въ Ростовъ для работъ въ соборѣ. Въ тѣ же годы строилась и звонница. Къ 1680-му году она уже существовала.

Строитель ростовскаго кремля отличался самостоятельностью художественнаго вкуса. Его постройки имѣютъ мало общаго съ зодчествомъ московской области XVII вѣка. Въ нихъ есть какіе-то отзвуки суровой красоты новгородскихъ и псковскихъ церквей XIV и XV вѣковъ.

Вмѣсто общепринятой въ московской области колокольни-башни, Іона поставилъ «звонницу» псковскаго типа, получившаго распространеніе и въ Новгородѣ. Великолѣпная звонница построена въ 1439 г. при Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ [1]). Звонница ростовскаго собора еще величественнѣе, еще больше, еще сложнѣе. Она не такъ богато украшена, какъ новгородская, но ея 4 главы даютъ мощный силуэтъ. Рядомъ съ Успенскимъ соборомъ, съ башнями и церквами кремля самобытная русская форма звонницы даетъ гармоничный архитектурный аккордъ. Какимъ-то таинственнымъ чувствомъ митрополитъ Іона, строившій въ XVII вѣкѣ, когда уже сильно пробивались западныя и украинскія вѣянія барокко, постигъ и вернулся къ древнерусской архитектурной красотѣ, и въ ростовскомъ кремлѣ далъ послѣднее и высшее выраженіе своеобразнымъ формамъ народнаго каменнаго зодчества...

Звонница Успенскаго собора славится мелодичностью своего звона. Большая часть ея колоколовъ вылита между 1654 и 1689 годами мастерами все того же неутомимаго митрополита Іоны. О своемъ увле-

---

[1]) *И. Грабарь.* Исторія русскаго искусства. Т. I, стр. 270.

ченіи литьемъ колоколовъ Іона упоминаетъ въ своей перепискѣ: «на своемъ дворишкѣ лью колоколишки, смѣются людишки...»

Могучія стѣны ростовскаго кремля имѣютъ не столько крѣпостной характеръ, сколько монастырскій. Бойницы, крытые переходы имѣютъ довольно воинственный видъ, но куполообразныя покрытія башенъ, купола и кресты, церкви надъ величественными воротами—все это напоминаетъ о мирѣ, о «крѣпости вѣры»; не во имя страха и битвъ строились эти стѣны, а во имя величія Бога... А теперь, когда вокругъ башенъ и стѣнъ качаются зеленыя купы деревьевъ, когда трава заполняетъ бойницы, и въ безконечныхъ бѣлыхъ переходахъ пустынно, тихо и мирно—ветхія стѣны, башни и церкви навѣваютъ молитвенное, немного торжественное настроеніе...

Ростовскій кремль образуютъ болѣе десяти башенъ. Трое воротъ— съ востока, сѣвера и запада ведутъ въ него. Среди крѣпостныхъ и монастырскихъ сооруженій московской области ростовскій кремль выдѣляется выдержанностью своего художественнаго облика. Стѣны, угловыя башни, ворота и церкви надъ ними,—все это подчинено общему замыслу, приноровлено къ общему впечатлѣнію. Это особенность ростовскаго кремля, которую нельзя найти ни въ одномъ монастырѣ, ни въ одномъ кремлѣ. Сѣверная и южная стѣны загромождены пристройками, близстоящими зданіями. Нѣтъ точки, дающей возможность любоваться всей сложной перспективой стѣнъ и башенъ. Зато западная и восточная стѣны достаточно открыты. Съ площади, окружающей кремль, открывается превосходная сложная перспектива сливающихся стѣнъ, башенъ, многокупольныхъ церквей. Совершенно исключительное по живописности впечатлѣніе оставляетъ ихъ затѣйливый ломаный силуэтъ, проясняющійся кверху и разрѣшающійся ритмичными линіями главъ и остріемъ крестовъ и шпилей...

Здѣсь вполнѣ можно оцѣнить то мастерство, которое вкладывали древне-русскіе мастера въ вырисовку главъ, завершающихъ ихъ архитектурныя созданія. Мелодія куполовъ, вышекъ, башенныхъ верховъ—такъ хочется опредѣлить красоту ростовскаго кремля. Стѣны и угловыя башни лишены художественной обработки, но ворота и вѣнчающія ихъ церкви богато украшены изразцами и каменными узорами...

При всемъ своеобразіи кремлевскихъ построекъ Іоны Сысоевича, въ нихъ нѣтъ смѣлаго и неожиданнаго новаторства. Типъ монастырскихъ строеній онъ расширилъ и усложнилъ всѣмъ арсеналомъ городового строенія: создавая свой кремль, онъ не могъ забыть о московскомъ кремлѣ, этомъ символѣ всякой власти и могущества на Руси XVII вѣка.

До сихъ поръ не выясненъ вопросъ, какими мастерами пользовался митрополитъ Іона при строеніи своего кремля. Относительно ко-

локольныхъ мастеровъ и живописцевъ извѣстно, что онъ получалъ ихъ изъ Москвы. Что же касается зодчихъ, то ихъ имена исчезли безслѣдно. Между тѣмъ въ нихъ самая глубокая загадка ростовскаго кремля.

Архитектурное своеобразіе его церквей бросается сразу въ глаза. Оно станетъ еще замѣтнѣе, если сравнить ихъ съ современными имъ московскими и ярославскими церквами. Въ ихъ внѣшнемъ обликѣ очень мало новыхъ формъ, но самая простота ихъ, строгость, отсутствіе украшеній идетъ вразрѣзъ со всѣмъ духомъ русскаго строительства XVII вѣка, напоминаетъ о болѣе раннихъ временахъ...

Всѣ тѣ сложныя украшенія, которыя придаютъ московскимъ церквамъ второй половины XVII вѣка такой цвѣтистый видъ, чужды ростовскому кремлю. Московское увлеченіе кирпичными узорами сильно смягчено, допущено только въ обработкѣ церковныхъ галлерей надъ вратами. Все это заставляетъ подумать, что Іона подбиралъ себѣ какихъ-то особенныхъ зодчихъ, ушедшихъ отъ художественныхъ вкусовъ своего времени. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи становится очевидно, что въ ростовскомъ кремлѣ работали обычные мастера, и все своеобразіе ихъ созданій сложилось по волѣ митрополита Іоны.

Кромѣ Москвы, Іонѣ негдѣ было достать умѣлыхъ зодчихъ. Изъ провинціальныхъ областей только Ярославль славился своими мастерами. Однако ярославцы спеціализировались на сооруженіи церквей и достигли въ этой области большого искусства. «Городовое» же дѣло, пріемы гражданскаго, крѣпостного строительства, безъ знанія которыхъ было невозможно созданіе стѣнъ и башенъ ростовскаго кремля, было хорошо извѣстно только московскимъ мастерамъ. Несомнѣнно, что зодчіе Іоны были изъ Москвы: при всемъ различіи общность кремля съ московскими зданіями очень значительна. И все то своеобразіе, которое мы находимъ въ ростовскомъ кремлѣ, придумано самимъ митрополитомъ, какъ видно по дошедшимъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, стоявшимъ очень близко къ производимымъ имъ работамъ...

Насколько самостоятеленъ былъ Іона въ проведеніи своихъ художественныхъ взглядовъ, видно хотя бы изъ той свободы, съ которой онъ измѣнялъ традиціонное внутреннее расположеніе православнаго храма. Почти всѣ церкви ростовскаго кремля вносятъ нововведенія, то каменныя стѣны-иконостасы, то каменныя сѣни-палатки надъ клиросами, то приподнятую на нѣсколько ступенекъ солею и т. д. Всѣ эти измѣненія сильно украшаютъ кремлевскія церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ вносятъ въ ихъ красоту что-то новое, чего мы не находимъ въ прочихъ русскихъ церквахъ XVII вѣка.

Много заботъ положилъ также митрополитъ Іона на украшеніе церквей живописью. Всѣ стѣны, всѣ части церкви покрыты ковромъ

чудной стѣнописи. Въ характерѣ композицій мы видимъ отсутствіе шаблона, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отсутствіе яркаго новаторства. Что же касается художественныхъ пріемовъ стѣнописи, особенно—колорита, то здѣсь Іона давалъ своимъ изографамъ полную возможность проявлять свою индивидуальность. Каждая церковь ростовскаго кремля отличается основнымъ тономъ стѣнописи. Такъ, церковь Іоанна Богослова вся голубая бархатистая,—цвѣтъ очень рѣдко доминирующій въ стѣнописяхъ XVII вѣка...

Внѣшняя простота кремлевскихъ церквей, упорно проводившаяся митрополитомъ, имѣетъ подъ собой вполнѣ опредѣленныя художественныя требованія. Каждая церковь составляетъ часть монументальнаго цѣлаго, сливается съ нимъ, входитъ въ общій художественный эффектъ. Вся мелкая узорность, пряничная изукрашенность была бы ненужной тратой силъ тамъ, гдѣ такъ величественно общее впечатлѣніе, такъ красива игра главъ, башенъ, уходящихъ вдаль стѣнъ.

Простота іонинскихъ церквей сближаетъ ихъ съ созданіями ранней Москвы, Новгорода, даже Владиміра, если откинуть скульптурные узоры, покрывающіе простыя формы владимірскихъ храмовъ. Митрополитъ Іона, жившій въ эпоху разрыва съ завѣтной русской эстетикой, какими-то таинственными путями вернулся къ самобытной красотѣ древне-русскаго зодчества. Въ этомъ возвратѣ не было никакой преднамѣренности. Іона сумѣлъ освободиться отъ соблазна моды и традиціи. Онъ нашелъ въ себѣ смѣлость строить такъ, какъ хотѣлось, какъ казалось красивымъ и нужнымъ. Такая искренность должна была дать возможность проявиться глубокимъ стихійнымъ чертамъ, той общности психологіи, которая заставляетъ людей цѣнить одну и ту же красоту.

Каменныя церкви на Руси, возвышавшіяся надъ деревянными приземистыми городами, несмотря на свои незначительные размѣры, являлись монументальными сооруженіями. Изъ этихъ особенностей древнерусскаго церковнаго строительства выростало то пониманіе архитектурной красоты, которое объединяетъ столь различные по времени и вліяніямъ творенія какъ новгородскія церкви, московскіе соборы XV вѣка, ростовскій кремль...

Здѣсь мы находимъ рѣдчайшій примѣръ совмѣстнаго вдохновенія художника, мастера и религіознаго идеолога. При такомъ сотрудничествѣ художникъ перестаетъ быть мастеромъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, перестаетъ быть человѣкомъ, владѣющимъ навыкомъ складывать камни или вычерчивать линіи; онъ становится творцомъ религіозныхъ цѣнностей, посредникомъ при воплощеніи религіознаго духа въ матеріальныя формы. И строитель, руководящій имъ, уже не

Ростовъ. Церковь Григорія Богослова 1670 года. Видъ съ вышки Садовой палаты.

является заказчикомъ, нанимающимъ мастера, чтобы онъ проявилъ свое искусство; онъ творитъ самъ, предоставляя мастеру техническую сторону ихъ совмѣстнаго созданія...

По силѣ и отчетливости создаваемаго впечатлѣнія ростовскія церкви несравнимы ни съ какими современными имъ храмами. Церкви Москвы, несмотря на полноту своей художественной обработки, а можетъ быть именно благодаря ей, не содержатъ того подлиннаго религіознаго воодушевленія, котораго хочется отъ всякаго храма. Ярославскія церкви въ сущности очень близки къ ростовскимъ, но въ послѣднихъ гораздо больше интимности, молитвенности, можетъ быть, благодаря ихъ болѣе скромнымъ размѣрамъ.

Въ церквахъ, созданныхъ митрополитомъ Іоной, едва только переступишь ихъ порогъ, охватываетъ какой-то святой покой, миръ, молитвенное благоговѣніе. Можно долго анализировать, откуда идетъ эта одухотворенность, что создаетъ ее, но всѣ аналитическія попытки будутъ безполезны: нельзя расчленить, привести къ формуламъ тѣ элементы души, которые живутъ въ великихъ, вдохновнныхъ произведеніяхъ искусства...

А въ Ростовѣ, тихомъ русскомъ городкѣ, на берегу соннаго озера, за бѣлыми стѣнами церквей, такихъ обычныхъ по внѣшности, навѣки запечатлѣно одно изъ самыхъ святыхъ настроеній человѣческой души: та жажда мира и покоя, которую даютъ сердцу минуты религіознаго созерцанія, радостнаго общенія съ Божествомъ...

Ростовскій кремль выстроенъ приблизительно между 1670 и 1685 годами. Выяснить ходъ и послѣдовательность работъ, за отсутствіемъ документальныхъ данныхъ, представляется невозможнымъ. За то извѣстны годы постройки кремлевскихъ церквей, и по нимъ можно приблизительно установить ходъ работъ митрополита Іоны. Архіерейскій домъ и палаты построены между 1670 и 1680 годами. Одновременно велись и работы по обстройкѣ Успенскаго собора. Церковь Спаса на Сѣняхъ, тѣсно связанная съ митрополичьими палатами, поставлена въ 1675 году. Церковь Воскресенія Христова, стоящая на сѣверныхъ вратахъ кремля, построена около 1670-го года. Отсюда можно заключить, что сооруженіе кремлевскихъ стѣнъ и воротъ, съ которыми неразрывно связана эта церковь, начато тогда же. Въ первую очередь была поставлена сѣверная стѣна кремля, наиболѣе видная отъ города, граничащая съ ростовской святыней—Успенскимъ соборомъ. Церковь же Іоанна Богослова, стоящая надъ западными вратами кремля, поставлена въ 1683 году. Конечныя даты не могутъ уже представлять для насъ интереса: весь планъ и характеръ по-

строекъ кремля сложился при самомъ приступѣ къ работамъ, и никакихъ позднѣйшихъ измѣненій митрополитъ Іона не допустилъ...

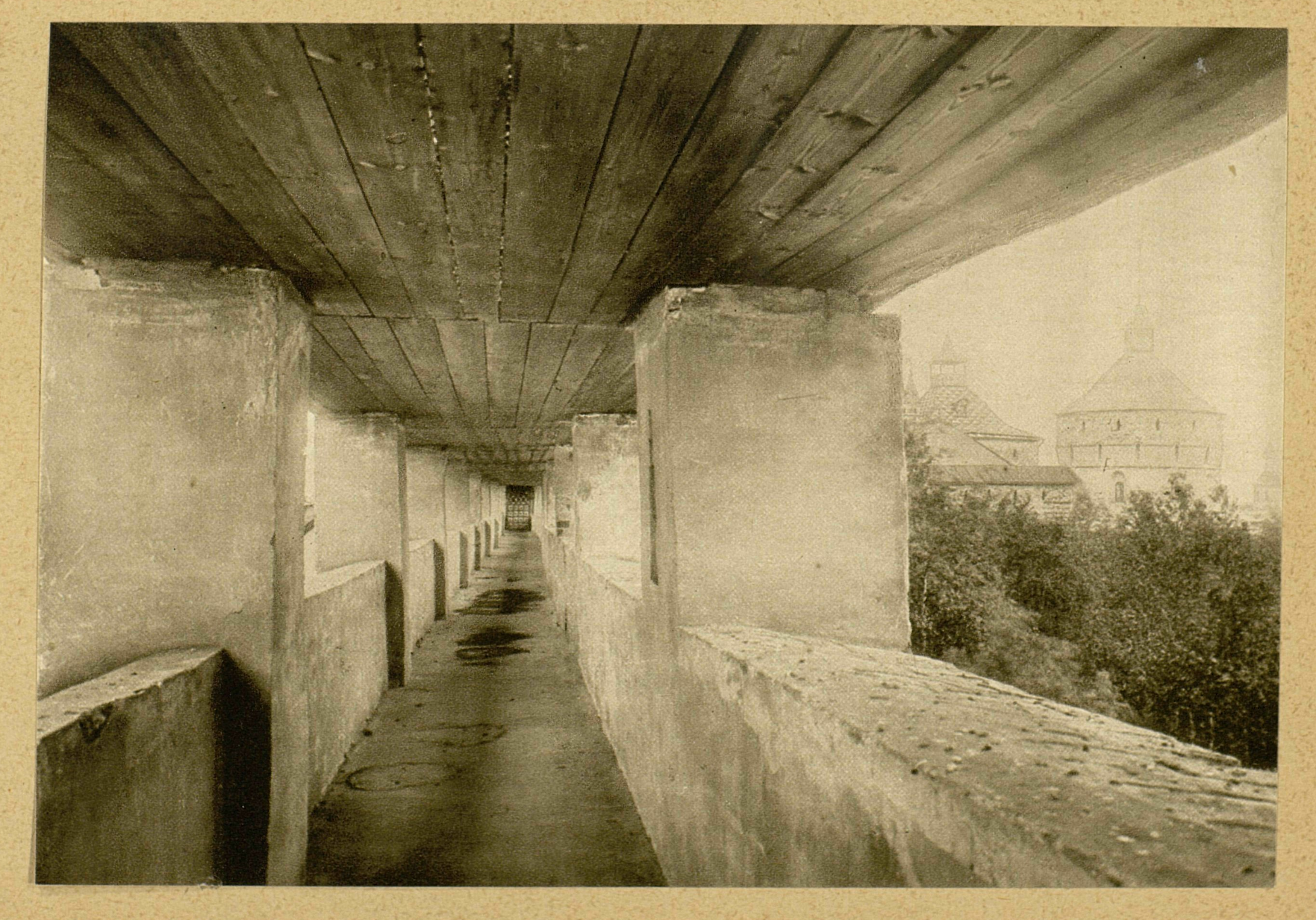
Стѣны ростовскаго кремля, по словамъ Ѳ. Горностаева, «причудливо сочетаютъ крѣпостное и церковное зодчество. Вѣрнѣе, крѣпостное поглощено церковнымъ, такъ какъ бойницы его превращены въ окна, и крѣпостныя ворота такъ беззащитны и такъ изумительно декоративны, что всякая мысль о защитѣ противъ какого угодно «боя» не приходитъ въ голову. Ростовскій кремль—не крѣпость и даже не замокъ. Это ограда, органически слившаяся въ одно цѣлое съ церквами, палатами и переходами...»

Интересно прослѣдить, какъ заимствовались мастерами митрополита Іоны формы московскаго кремля, какъ онѣ принимали гражданскій и даже церковный характеръ. Надвратныя башни замѣняются церквами: на мѣстѣ грозныхъ твердынь вырисовываются затѣйливые контуры главъ. Около церквей вырастаютъ на стѣнахъ кремля ихъ маленькія звонницы, поразительно напоминающія шатровыя вышки на стѣнахъ московскаго кремля: тѣ же четыре бочкообразныхъ колонки, та же шатровая крыша, увѣнчанная, однако, небольшой главкой. Угловыя башни—приземистыя, массивныя, только обиліемъ оконъ отличаются отъ угрюмыхъ крѣпостныхъ стрѣльницъ.

Кремлевскія стѣны образуютъ неправильный четвероугольникъ. Его одиннадцать башенъ, считая въ томъ числѣ и башни, стоящія по сторонамъ сѣверныхъ и западныхъ воротъ, образуютъ три типа. Угловыхъ башенъ — пять, изъ нихъ три—по южной стѣнѣ. Эти массивныя приземистыя сооруженія не блещутъ художественной обработкой, но красиво завершаютъ перспективы стѣнъ. Что касается сѣверной и западной — двухъ наиболѣе нарядныхъ стѣнъ, то въ простотѣ крайнихъ башенъ здѣсь чувствуется художественный расчетъ: весь художественный эффектъ стѣны, бѣдной по концамъ, приводитъ къ центральной точкѣ—къ вратамъ съ церковью, съ пышнымъ панно кирпичныхъ узоровъ и изразцовъ...

Четыре круглыхъ башни, попарно образующихъ сѣверныя и западныя ворота, нѣсколько стройнѣе, вытянутѣе угловыхъ; ихъ верхи поставлены на мотивъ церковныхъ главъ, нѣсколько развитой и усложненный перехватомъ въ верхней части. На этихъ башняхъ лежитъ роль соединенія высокой надвратной церкви съ убѣгающими линіями стѣнъ.

Наконецъ, въ серединѣ восточной и южной стѣнъ поставлены квадратныя башни, приспособленныя для жилья. Южная Садовая башня старательно реставрирована и приспособлена для нуждъ музея. Узкая темная лѣстница ведетъ на вышку, откуда открывается отличный видъ на кремль, на озеро, на широко раскинутый городъ. Съ этой

Ростовъ. Переходы изъ Бѣлой Палаты въ ц. Григорія Богослова. 1670-е годы.

вышки легко разобраться въ запутанномъ планѣ ростовскаго кремля, оріентироваться среди его безчисленныхъ башенъ, палатъ и церквей.

Подъ восточной «водяной» башней продѣланы ворота, украшенныя въ XVIII вѣкѣ аллегорическими изображеніями и поучительными надписями.

Стѣны по обычаю всѣхъ древне-русскихъ крѣпостныхъ и монастырскихъ оградъ снабжены съ внутренней стороны крытыми галлереями. Въ ростовскомъ кремлѣ эти галлереи устроены, конечно, не въ оборонительныхъ цѣляхъ: онѣ служатъ переходами, соединяющими всѣ кремлевскія церкви и палаты. По галлереямъ стѣнъ можно изъ церкви Воскресенія Христова пройти къ Одигитріи, оттуда черезъ круглое помѣщеніе, образуемое внутренностью сѣверо-западной угловой башни, можно пройти въ церковь Іоанна Богослова и далѣе—къ Григорію Богослову. Отсюда длинные внутренніе переходы, открытые съ обѣихъ сторонъ, ведутъ въ Бѣлую палату, связывая такимъ образомъ кремлевскія церкви и стѣны съ группой митрополичьихъ палатъ. Такимъ же образомъ можно обойти восточную и южную стѣны. Южная стѣна и заключенная въ ней Садовая палата особыми висячими переходами соединены съ Отдаточной палатой, помѣщающейся между церковью Спаса на Сѣняхъ и Бѣлой палатой. Самое привлекательное занятіе въ ростовскомъ кремлѣ — это прогулка по этимъ безконечнымъ переходамъ, откуда открываются разнообразные и живописные виды на внутренность кремля...

Тихіе бѣлые коридоры, ритмично уходящіе въ даль, напоминаютъ какіе-то заколдованные замки дѣтскихъ сказокъ. Здѣсь тихо, какъ на кладбищѣ, и весь кремль, залитый весеннимъ солнцемъ, кажется одной величественной могилой прошлаго.

Всѣ эти бѣлыя галлереи совершенно не являются художественными произведеніями. Въ нихъ нечѣмъ любоваться, кромѣ случайныхъ живописныхъ уголковъ. Но кромѣ красоты у мертвыхъ стѣнъ есть и другіе пути воздѣйствія на человѣческую душу...

Въ этихъ переходахъ хочется уйти отъ мелочныхъ заботъ, отдаться тихому созерцанію, грустно вспоминать. У нихъ нѣтъ никакого практическаго назначенія, и, кажется, строили ихъ люди именно для такихъ хорошихъ минутъ тишины и одиночества, для созерцательныхъ прогулокъ здѣсь, вдали отъ жизни, отъ которой сюда доносятся только слабые смягченные отзвуки!

Въ кремлѣ пять церквей: Воскресенія Христова — надъ сѣверными воротами, Смоленской Божьей Матери Одигитріи—на сѣверной стѣнѣ, Іоанна Богослова—надъ западными воротами, Григорія Богослова—въ юго-западномъ углу и Спаса на Сѣняхъ—въ центрѣ кремля, рядомъ съ Бѣлой палатой. Всѣ церкви, кромѣ Одигитріи, сильно отли-

чающейся отъ прочихъ и своимъ внутреннимъ видомъ, выстроены митрополитомъ Іоной.

Ему изумительно удалось запечатлѣть ту стихію кротости, мира, любви, которая теплилась въ древнемъ православіи; нѣтъ болѣе умиляющихъ, радостныхъ храмовъ, чѣмъ свѣтлыя, пестрыя, ясныя ростовскія церкви. И радостность эта—чуткая, нѣжная, принимающая Божій міръ, какъ вѣчное, неизреченное чудо...

Въ громадномъ, грозномъ готическомъ храмѣ даже уравновѣшенному человѣку современности становится страшно своей грѣховности и ограниченности, становится жутко въ сознаніи величія Бога, передъ Которымъ ничтожная песчинка этотъ величественный храмъ. Молитвы здѣсь чудятся изступленныя, произносимыя блѣдными людьми, страстно шепчущими какія-то священныя, умилостивляющія слова.

Въ раззолоченной капеллѣ барокко, гдѣ спорятъ о первенствѣ величіе человѣческаго творенія и мистическое величіе Бога, хочется говорить чопорныя изящныя молитвы, обращаемыя къ Богу, какъ къ равному, къ Богу, къ Которому обращаются по-католически на вы...

Въ ростовскихъ церквахъ, уютныхъ, пестрыхъ, теплыхъ, душевно теплыхъ, благодаря бархатистой матовости стѣнописи, забывается грозный старецъ Богъ-Саваофъ; здѣсь домъ Христа, проникновеннаго, жалостливаго Нерукотвореннаго Спаса...

Здѣсь нѣтъ мѣста отчаянію, угрозамъ для тѣхъ, кто подавленъ грѣхомъ, потому что Богъ—любовь, потому что надежда на спасеніе не отнята была даже у распятаго разбойника. Пусть на западной стѣнѣ разсказываетъ иконописецъ о Страшномъ Судѣ, о корявыхъ лапахъ Дьявола, о пламени адскомъ: радостное «Торжество Богородицы», изображеніе подвига Христа, любовныя слова молитвъ, наконецъ, этотъ цвѣтистый бархатный полусвѣтъ, наполняющій церковь, все это несетъ миръ въ отчаявшуюся душу, уводитъ отъ ада къ небу...

Таковы всѣ кремлевскія церкви, глубоко волнующія, несмотря на свою крайнюю простоту!

Достаточно перейти изъ Іонинской церкви въ построенную нѣсколькими десятилѣтіями позже церковь Одигитріи, чтобы очутиться въ мірѣ совершенно иныхъ представленій: церковь очень красиво украшена лѣпными узорами, но за этой красотой ничего не находитъ душа...

Наиболѣе ранней является церковь Воскресенія Христова. Пятиглавая церковь поставлена на сводахъ. Эти своды образуютъ извилистый коридоръ, служащій для пѣшеходнаго сообщенія кремлевскаго двора съ Успенскимъ соборомъ. Ворота, галлереи-паперти, окружаю-

щія низъ храма, входъ въ церковь—все это богато отдѣлано кирпичными узорами и изразцами. Верхъ же церкви очень простъ и не несетъ никакихъ прикрасъ, кромѣ обязательныхъ пилястровъ троечастнаго дѣленія.

Въ церкви Воскресенія Христова уже вполнѣ проявился художественный вкусъ митрополита Іоны. Его разрывъ съ цвѣтистой эстетикой современной ему Москвы и Ярославля, какъ видно, складывался не постепенно въ процессѣ творчества,—возникъ сразу и не зналъ соблазновъ.

Церковь Воскресенія украшена сдержано, но даже и теперь, послѣ двухъ вѣковъ запущенности и ряда реставрацій, сохранилось въ ней много образцовыхъ декоративныхъ мотивовъ. Въ искусствѣ трудно проводить грань между намѣреннымъ и случайнымъ, между тѣмъ, что сложилось по волѣ художника, и тѣмъ, что возникло независимо отъ его сознанія. Огромная живописность Воскресенской церкви кажется случайно сложившейся, но утверждать это нельзя, и возможно, что каждый живописный уголокъ былъ тщательно продуманъ и намѣченъ...

Церковь съ трехъ сторонъ опоясываютъ галлереи. Сѣверная галлерея, опирающаяся на тройной пролетъ воротъ, выходящихъ къ собору, окаймленная съ двухъ сторонъ башнями по бокамъ воротъ, образуетъ очень красивую композицію, сразу украшающую всю однообразную сѣверную стѣну кремля.

Наружная стѣна галлереи образуетъ поясъ частыхъ продолговатыхъ оконъ, бѣгущихъ отъ одной башни къ другой. Центральное пятно создаетъ ниша съ образомъ; по бокамъ ея два небольшихъ окна съ рубчатыми наличниками. Поле между ними испещрено изразцами. Внизу—три пролета входовъ, обработанные кирпичными валиками и жгутами. Лѣвая башня воротъ очень находчиво закрываетъ алтарный выступъ церкви, сильно нарушившій бы въ противномъ случаѣ симметрію всей композиціи. Небольшая шатровая звонница на четырехъ столбахъ, поставленная на стѣнѣ, смягчаетъ переходъ сложныхъ линій верха къ горизонтали стѣны.

Со стороны кремлевскаго двора церковь обработана болѣе сдержанно, не такъ по-московски пышно. Бѣлая гладь стѣны, прорѣзанная темнымъ пятномъ воротъ и входа въ церковь, нарушена немногочисленными, рѣдко разсаженными изразцами, да небольшимъ валикомъ вокругъ воротъ. Очень живописенъ входъ на лѣстницу, ведущую въ церковь. При всей простотѣ его формъ, въ живой мягкости линій, непринужденности всей композиціи есть большая, трудно передаваемая прелесть,—живописность, которой избѣгаетъ архитектура, созданная по циркулю и линейкѣ.

Подъ церковью любопытныя ворота, испещренныя аллегорическими и поучительными изображеніями, заимствованными изъ книги XVIII вѣка «Эмблематъ духовный» [1]). Эти живописныя поученія помѣщены на нѣсколькихъ воротахъ ростовскаго кремля въ серединѣ XVIII вѣка, по приказанію митрополита Арсенія Маціевича. Дидактическій элементъ въ нихъ не преобладаетъ, много самаго добродушнаго юмора и какихъ-то пластическихъ ребусовъ, разгадать которые помогаютъ помѣщенныя внизу надписи...

Подъ изображеніемъ птицы подписано—«не всякому подобаетъ птицею быти». Другая птица помѣщена надъ надписью: «пою только для изнесенія печали своея». Нарисованъ поющій пѣтухъ на вѣткѣ, а внизу испуганный левъ—«чиню сильнейшему трясеніе». Подъ изображеніемъ снопа подписано «въ мелкихъ статьяхъ великій составъ». Подъ повѣшеннымъ львомъ—«да знаетъ правительствовать». Подъ медвѣдемъ съ алебардой — «кто у мене отниметъ?» Орелъ на пушкѣ—«ни того, ни другого не боюсь». Орелъ, клюющій оленя, завязшаго рогами въ вѣтвяхъ — «умерщвлю его чрезъ его же трудъ». Подъ колоколомъ философская надпись — «звонъ его не для него самого».

Всѣ эти надписи являются не столько поученіями, сколько риторическими упражненіями. Витіеватое краснорѣчіе шло на Русь изъ Кіева, славившагося риторами своей духовной академіи. Въ Московскую область оно пришло въ первой половинѣ XVIII вѣка, и отчасти отразилось на искусствѣ. Ростовскій кремль даетъ нѣсколько подтвержденій этой склонности людей середины XVIII вѣка затѣйливо мудрствовать. Кромѣ эмблематическихъ надписей на воротахъ, можно указать на печные изразцы, находящіеся въ ростовскомъ музеѣ. На нихъ такія же, какъ и на воротахъ, поучительныя изображенія и риторическія надписи. Подъ изображеніемъ женщины и репейника подписано—«оно мнѣ помешало». Подъ изображеніемъ царя и растенія около него—«кто мне противенъ». Около дѣвицы съ цвѣтами надпись—«духъ сладокъ мнѣ».

Внутри Воскресенская церковь представляется сплошнымъ ковромъ чудесной стѣнной живописи. Самая церковь украшена обильнымъ цикломъ новозавѣтныхъ изображеній, паперть, по обыкновенію, отдана Ветхому Завѣту; тутъ дни творенія, библейскія событія, а также и излюбленныя апокалипсическія видѣнія. Превосходна стильность церкви: все въ ней вплоть до узорнаго паникадила современно стѣнамъ и росписи. Ея каменный иконостасъ, заполненный живописью,

---

[1]) *А. Д. Ивановъ.* Спутникъ по Ростову Великому. Р. 1912 г.

Ростовъ. Іонинская палатка, княжьи терема и переходы въ Отдаточную палату. 1670-е годы.

гармонирующей съ росписью остальныхъ стѣнъ, необычайно красивъ. Несомнѣнно, что за этой выдумкой митрополита Іоны лежали прежде всего эстетическія соображенія: деревянный рѣзной, чаще всего золоченный, иконостасъ ворвется диссонансомъ въ маленькую кубическую церковь, дающую такое уютное впечатлѣніе со своими ковровыми стѣнами и сводами...

Передъ царскими вратами — каменная сѣнь на четырехъ вызолоченныхъ столбахъ. Всю красоту этой выдумки Іоны Сысоевича можно оцѣнить только на мѣстѣ. Густое золото столбовъ вмѣстѣ съ яркими красками стѣнописи даетъ общее торжественное, пышное, поистинѣ «райское», впечатлѣніе.

Стѣнопись папертей нѣсколько поблекла отъ времени и неблагопріятныхъ условій, такъ что судить о колоритѣ ея можно только приблизительно. Внутренняя живопись храма свѣжѣе по краскамъ, но значительную долю этой свѣжести нужно отнести за счетъ реставраціи. Стѣнопись Воскресенской церкви производили московскіе мастера братья Иванъ да Ѳеодоръ Карповы, въ 1670 году посланные изъ Москвы къ митрополиту Іонѣ. Судить объ ихъ художественной индивидуальности по стѣнописямъ Воскресенской церкви довольно трудно, потому что безусловно сохранились только композиціи и рисунокъ, словомъ, то, въ чемъ особенно связанъ былъ древне-русскій художникъ. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ здѣсь дѣло отнюдь не съ вершинами стѣнописи XVII вѣка. Въ папертяхъ изображена исторія Каина и Авеля, представленъ рай. Сравненіе этихъ «клеймъ» хотя бы съ подобными въ Воскресенскомъ соборѣ г. Борисоглѣбска будетъ не въ пользу братьевъ Карповыхъ.

Основной тонъ стѣнописи самой церкви—золотисто-желтый. Въ окна Воскресенской церкви вставлены цвѣтныя стекла. Они, несомнѣнно, усиливаютъ красочный эффектъ стѣнописи, но придаютъ церкви какую-то ненужную пестроту, родственную мечетямъ Востока. Кромѣ того цвѣтныя стекла искажаютъ колоритъ стѣнописей...

Судьба ростовскаго кремля была такъ тревожна, что, изучая его церкви, приходится все время быть на-сторожѣ: приходится помнить, что многое, внесенное митрополитомъ Іоной, впослѣдствіи ослаблено или нарушено, и наоборотъ, многое добавлено въ послѣдующее время. Поэтому первоначальную красоту ростовскихъ церквей приходится возсоздавать въ воображеніи, провѣряя каждое впечатлѣніе. Особенно это относится къ внутреннему убранству храмовъ.

Западныя ворота кремля вели къ митрополичьимъ конюшнямъ и службамъ, помѣщавшимся тамъ, гдѣ теперь стоятъ казармы. Несмотря на это, западная стѣна — самая красивая въ кремлѣ. Вѣнчающая ее

церковь Іоанна Богослова поставлена въ 1683 году; такимъ образомъ западную часть кремля строили мастера, уже навыкшіе на сѣверной стѣнѣ, на церквахъ Воскресенія и Спаса на сѣняхъ, построенныхъ въ 1670-хъ годахъ.

Надъ тройнымъ пролетомъ западныхъ воротъ высится церковь Іоанна Богослова. Она также окружена галлереей, завершающей лицевую сторону воротъ. Общая композиція очень схожа съ разсмотрѣнными нами сѣверными воротами; однако, въ обработкѣ западной стѣны больше зрѣлости и увѣреннаго мастерства.

Все декоративное мастерство древне-русскихъ зодчихъ, сначала изощрявшихся въ «каменной рѣзи», но въ XVII вѣкѣ перешедшихъ къ кирпичной орнаментаціи, сказалось въ этой прекрасной обработкѣ стѣны. Но ростовскіе художники, или же ихъ руководитель митрополита Іона, сумѣли избѣгнуть пресыщенности орнаментальными формами, отравляющей лучшія созданія московскихъ мастеровъ.

Галлерея между башнями прорѣзана пятью окнами съ красивыми «гирьками», съ превосходнаго рисунка наличниками. Все остальное пространство стѣны заполнено вдавленной квадратной орнаментаціей. Церковь поставлена по отношенію къ башнямъ воротъ несимметрично. Современный глазъ, воспитанный на геометрической точности зданій, нелегко мирится съ этимъ отсутствіемъ симметріи. Но древне-русскіе зодчіе совершенно не стремились къ ней; симметрія не нужна была имъ, какъ нѣчто не связанное безусловно съ представленіемъ о красотѣ. И кажется, что архитектурный замыслъ древнерусскаго мастера складывался въ самомъ процессѣ творчества; въ наше время архитектурное творчество ведется на бумагѣ: сработанъ проектъ, кончено творчество, осталась техническая задача осуществленія въ камнѣ и деревѣ; всякое отступленіе отъ проекта уже является погрѣшностью.

Въ древней же Руси мы не находимъ такого отдѣленія творца отъ исполнителей. Недаромъ мастера всегда работали артелями, «Баженъ Огурцовъ съ товарищи», «Иванъ Ширяй съ братіей» и т. д. Артель, сильная вѣковымъ строительнымъ опытомъ народа, по наслѣдству передающимся отъ старыхъ молодымъ, творила коллективно, при чемъ заранѣе только намѣчались общіе контуры зданія: церковь надвратная пятиглавая, церковь одноглавая обыденная, церковь соборная. Все же остальное приходило или вносилось въ самомъ процессѣ работы. По пріемамъ работы такое строительство напоминаетъ лѣпку, и часто, дѣйствительно, древне-русскія зданія производятъ впечатлѣніе слѣпленныхъ...

Какъ и на сѣверной стѣнѣ, рядомъ съ церковью Іоанна Богослова поставлена шатровая звонница на восьми столбахъ, представляющая дальнѣйшее развитіе той, что поставлена у Воскресенія Христова.

Церковь Іоанна Богослова гораздо наряднѣе Воскресенской. Обведена широкимъ узорчатымъ поясомъ алтарная часть, при чемъ узоръ представляетъ любопытную стилизацію владимірскихъ арочекъ. Поясомъ арочекъ, заостренныхъ кверху въ духѣ зодчества XVII вѣка, обведены всѣ четыре стѣны. Наконецъ, отлично вырисованы массивныя главы, высокія узорчатыя шейки. Въ архитектурномъ отношеніи Іоаннъ Богословъ—лучшая изъ кремлевскихъ церквей, наиболѣе полно выражающая художественный идеалъ митрополита Іоны.

Входъ въ церковь, находящуюся во второмъ этажѣ, находится слѣва отъ алтаря и ведетъ черезъ галлерею. При реставраціи къ входу пристроено красивое крыльцо на бочкообразныхъ столбахъ, до иллюзіи воспроизводящее древне-русскую форму подобныхъ крылецъ.

Внутри вся церковь покрыта стѣнописью, уцѣлѣвшей отъ временъ митрополита Іоны. Имена мастеровъ, производившихъ ее, неизвѣстны, но нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что всѣ кремлевскія церкви Іоны Сысоевича расписывала одна и та же артель, въ которую входили между прочимъ, кромѣ двухъ братьевъ Карповыхъ, вологжанинъ Дмитрій Степановъ и ростовскій попъ Тимофей. Хотя росписи ростовскихъ церквей нѣсколько отличаются одна отъ другой, но это отличіе больше всего относится къ колориту: въ темахъ и композиціи существенныхъ отличій нѣтъ. Наименѣе схожими представляются стѣнописи церкви Воскресенія и Спаса на Сѣняхъ, а между тѣмъ документально извѣстно, что въ росписи той и другой принимали участіе одни и тѣ же лица—братья Карповы.

Стѣнопись папертей Іоанна Богослова тоже сильно поблекла, мѣстами почти исчезла, но въ церкви сохранилась хорошо. Ея краски пестры, сочны, ярки; ихъ сочетанія напоминаютъ ту цвѣтистую, рѣзкую красоту, которая характеризуетъ народный русскій вкусъ, воплотителемъ которой въ современномъ искусствѣ явился Малявинъ.

Стѣнопись Іоанна Богослова производитъ вполнѣ деревенское, кустарное впечатлѣніе; особенно типиченъ обильный синій цвѣтъ, создающій основной тонъ стѣнописи...

Иконостасъ также замѣненъ каменной стѣной, при чемъ надъ царскими вратами и клиросами поставлены на столбахъ оригинальные шатры. Вся росписная церковь сильно вытянута кверху, кажется узкой. Такая устремленность кверху, къ небу, создаетъ необычайно красивый эффектъ: стѣнопись верхнихъ частей сливается въ одинъ пестрый коверъ, смягченныя разстояніемъ краски становятся воздушными, бархатисто-нѣжными, и вся церковь становится легкимъ видѣніемъ. Трудно повѣрить, что она сложена изъ кирпича, а не изъ одніхъ призрачныхъ красокъ...

На одной линіи съ Іоанномъ Богословомъ около юго-западной угловой башни стоитъ пятиглавая церковь Григорія Богослова.

На мѣстѣ Григорьевской церкви въ очень давніе вѣка существовалъ Григорьевскій монастырь, славившійся своей библіотекой и ученостью монаховъ. Около 1670-го года митрополитъ Іона построилъ церковь Григорія Богослова на мѣстѣ стараго монастырскаго храма, въ обычномъ типѣ сооруженныхъ имъ кремлевскихъ церквей. Григорьевскій храмъ имѣлъ каменный иконостасъ и былъ расписанъ стѣнной живописью. Въ 1730 году онъ сильно пострадалъ отъ пожара и былъ возстановленъ въ серединѣ XVIII вѣка съ нѣкоторымъ нарушеніемъ первоначальнаго вида церкви. Каменный иконостасъ былъ замѣненъ обычнымъ деревяннымъ, а стѣнная живопись въ большей части замазана. Насколько митрополитъ Іона любилъ живопись, настолько Арсеній Мацієвичъ, реставрировавшій Григорьевскую церковь, воспитанникъ кіевской академіи, предпочиталъ лѣпныя украшенія и снабдилъ ими Григорьевскую церковь.

Во время запустѣнія ростовскаго кремля, въ первую половину XIX вѣка, въ Григорьевской церкви помѣщалась бойня. Храмъ пришелъ въ упадокъ, но въ 1884 году была произведена тщательная и любовная реставрація, при чемъ оставлены всѣ добавленія къ первоначальному облику церкви, сдѣланныя Арсеніемъ Мацієвичемъ. Такимъ образомъ художественнаго значенія Григорьевская церковь не имѣетъ...

Ея архитектура обычнаго типа Іонинскихъ церквей. Двѣ небольшихъ палаты соединяютъ ее съ кремлевской башней. Открытые высокіе переходы ведутъ изъ церкви Григорія Богослова въ Бѣлую Палату. По обѣимъ сторонамъ ихъ густо разрослись деревья, ихъ зелень вырисовывается на розоватыхъ стѣнахъ красивой рамкой. Налѣво и направо видны стѣны, главы кремлевскихъ церквей, иногда блеснетъ подъ солнцемъ озеро Неро. Сюда, какъ въ сонное царство, не доносятся никакіе звуки жизни: точно все вымерло вокругъ. Только деревья колышатся и шумятъ подъ налетѣвшимъ вѣтромъ, да солнце, буйно врывающееся въ просвѣты переходовъ, пестрящее ихъ густыми тѣнями, напоминаетъ о жизни. Весь кремль кажется одной громадной могилой прошлыхъ вѣковъ, той жизни, что когда-то шевелилась на этой землѣ, отягченной безслѣдно пронесшимися надъ ней вѣками...

Четвертая Іонинская церковь Спасъ на Сѣняхъ—жемчужина ростовскаго кремля, «Крестовая», т.-е. домовая церковь ростовскихъ митрополитовъ, сооружалась съ особенной любовью. На всѣхъ кремлевскихъ церквахъ были поставлены простые желѣзные кресты, а на

Бѣлая палата. Водосвятная чаша—даръ Іоанна Грознаго Авраамієву Богоявленскому монастырю. 1553 г.

Спасѣ—позолоченный [1]). Стѣнопись крестовой церкви отличается своеобразіемъ композиціи и красотой тона. Маленькая церковь построена въ 1675 году и всѣ предыдущія созданія Іоны кажутся подготовительными ступенями къ ней. Всѣ прочія церкви строилъ Іона, удовлетворяя своей «маніи строительства», эту же домовую церковь онъ строилъ для себя лично. И нѣтъ среди церквей московской области, созданныхъ въ XVII вѣкѣ, ничего болѣе прекраснаго, чѣмъ эта небольшая часовня, вся сотканная изъ блеска золота, изъ матовыхъ тоновъ фресокъ!

Спасъ на Сѣняхъ поставленъ на высокомъ подклѣтѣ, «на хлѣбнѣ», рядомъ съ Бѣлой Палатой. Особые переходы, теперь разрушенные, соединяли церковь съ жилыми палатами митрополитовъ, существовавшими на мѣстѣ теперешняго духовнаго училища. Такимъ образомъ церковь Спаса выходила къ сѣнямъ, соединявшимъ жилыя палаты митрополитовъ со служившими для торжественныхъ пріемовъ Бѣлой и Отдаточной палатами.

Наружный видъ церкви Спаса очень будничный, полный какой-то новгородской суровости и сдержанности. Ея единственный куполъ высоко вырисовывается надъ тѣснящими ее гражданскими постройками. Стѣны не несутъ никакихъ украшеній, кромѣ чуть намѣченныхъ пилястровъ и карнизовъ, да пояска арочекъ. Наличники оконъ обработаны очень скупо небольшими валиками. При реставраціи церкви возникъ вопросъ—современно ли настоящее четырехскатное покрытіе самой церкви? Онъ былъ рѣшенъ отрицательно, но недостатокъ средствъ не позволилъ реставрировать старое покрытіе...

По наружной простотѣ церкви Спаса на Сѣняхъ, по ея суровому внѣшнему облику нельзя предположить о пышной красотѣ ея внутренняго убранства. Сама церковь и входъ къ ней — низкій сводчатый коридоръ, глубокія ниши съ потемнѣвшимъ образомъ, тяжелая желѣзная дверь съ огромнымъ замкомъ,—все это кажется нетронутымъ XVII вѣкомъ.

Послѣ бѣлыхъ грузныхъ стѣнъ совершенно неожидана волшебная цвѣтистость церкви...

Долго очарованное сознаніе не можетъ оторваться отъ красочной сказки, разсмотрѣть, отдать себѣ отчетъ: темнымъ блескомъ сіяетъ золото столбовъ у солеи, въ густыхъ тѣняхъ тонутъ изображенія каменнаго иконостаса. Безконечныя фигуры стѣнописи ритмично уходятъ кверху, замыкаютъ своды; рѣзкія пятна сливаются въ одинъ феерическій миражъ, и чудится уху, что красочное волшебство звучитъ какимъ-то неземнымъ музыкальнымъ аккордомъ...

---

[1]) *А. Титовъ.* Кремль Ростова Великаго. М. 1905 г.

Оглядывая всю церковь въ цѣломъ, глазъ не видитъ отдѣльныхъ изображенiй: все сливается въ общемъ плѣнительномъ узорѣ, въ одномъ торжественномъ ритмѣ. Можно долго стоять, упиваясь красочной гармонiей, и нужно усилiе воли, чтобы вырваться изъ подъ ея чаръ, начать думать и разбирать!

Сюда можно часто приходить, не боясь повторенiй и усталости: различные часы дня, различныя степени солнечнаго освѣщенiя придаютъ Спасу на Сѣняхъ совершенно новую красоту. Въ солнечный полдень, залитыя солнцемъ, оживаютъ старыя фрески, становятся безплотнымъ, сiяющимъ видѣнiемъ; но закроется облакомъ солнце и густая тѣнь обволакиваетъ церковь Спаса: угрюмо тяжелѣютъ нѣжныя краски, отчетливѣе вырисовываются стѣны, и вся крестовая церковь кажется сложенной изъ матовыхъ драгоцѣнныхъ камней. Къ вечеру, когда слабо падаютъ въ церковь косые заходящiе лучи, ея стѣны загораются червоннымъ золотомъ, въ углахъ сгущаются плотныя тѣни, и въ новой красотѣ предстаютъ уже неоднократно видѣнныя изображенiя...

Какъ сообщаетъ лѣтопись о ростовскихъ архiереяхъ, «Спасская крестовая церковь подписана стѣннымъ письмомъ иконографами ростовскимъ попомъ Тимофеемъ, вологжаниномъ Дмитрiемъ Степановымъ и Иваномъ да Ѳедоромъ Карповыми».

Расписывали они любимую церковь митрополита Iоны особенно старательно, избѣгая шаблона и однообразiя. Стѣнопись сохранилась сравнительно хорошо, лучше всѣхъ прочихъ кремлевскихъ церквей; только бѣлыя пятна отъ выпавшей во многихъ мѣстахъ штукатурки досадно нарушаютъ цѣльность изображенiй.

Стѣны иллюстрируютъ событiя евангельской исторiи. На западной стѣнѣ обычное изображенiе Страшнаго Суда. Всѣ изображенiя сочинены съ большимъ декоративнымъ чутьемъ, пестрятъ массой фигуръ; привлекаютъ сложнымъ, необычайно хитрымъ, но строго дисциплинированнымъ, ритмомъ массъ и линiй. Очень хорошо и типично распятiе Iисуса Христа «съ предстоящими», на сѣверной стѣнѣ. На южной стѣнѣ, ближе къ западному углу, помѣщена большая, сложная и очень красивая композицiя—Христосъ у Пилата. Цѣлое море головъ, остроумно нарисованное, изображаетъ воиновъ Пилата и iудейскую толпу. Самъ Пилатъ, чтобы оттѣнить его власть и языческую пышность, представленъ въ пестрыхъ одеждахъ...

Надъ входомъ въ церковь съ внутренней стороны—триптихъ «Деисусъ»—Христосъ съ Божьей Матерью и Iоанномъ Предтечей.

«Крестовая» церковь митрополита Iоны очень не велика по размѣрамъ, но изумительна продуманной художественностью убранства. Она вся неземная. Каменная стѣна иконостаса поставлена на шести позо-

лоченныхъ столбахъ, опирающихся въ свою очередь на довольно высокую стѣнку амвона. Такимъ образомъ нижняя часть иконостаса представляется глазу въ видѣ ряда двойныхъ арокъ, за которыми узкой галлереей открывается амвонъ, поднятый въ сравненіи съ церковью на восемь ступеней. Заднюю стѣну этой росписной сводчатой галлереи образуютъ царскія и боковыя врата, обведенныя пышными порталами. Совершенно необычной конструкціи проходитъ галлерея, отдѣленная отъ церкви рядомъ двойныхъ арокъ на золоченныхъ столбахъ. Надъ арками написаны головки херувимовъ съ раскрытыми крыльями того типа, который возсоздалъ В. М. Васнецовъ въ стѣнописи Кіевскаго Владимірскаго собора.

Все это сложное устройство щедро позолочено, расписано изображеніями святыхъ и травнымъ орнаментомъ, и въ художественномъ отношеніи представляетъ цѣнное дополненіе къ типу православнаго храма...

Внутреннее убранство церкви Спаса на Сѣняхъ представляется идеальнымъ типомъ православнаго храма, значительно опередившимъ исторически вырабатывавшійся. Вмѣстѣ съ тѣмъ непривычное отсутствіе высокаго рѣзного иконостаса возвращаетъ къ древнему византійскому укладу церковной красоты, замѣнявшему иконостасъ каменной алтарной преградой.

Въ исторіи каждой религіи бываютъ торжественныя минуты, когда ея послѣдователямъ удается создать матеріальныя формы, воплощающія ихъ религіозное міроощущеніе. Для русскаго православія такой моментъ наступилъ во второй половинѣ XVII вѣка и ярче всего сложился въ Ярославлѣ и Ростовѣ. Спасъ на Сѣняхъ же лучшая изъ церквей этого времени. Капризъ исторіи заставилъ русское православіе воплотиться въ матеріальныя формы не въ Москвѣ, а въ тихомъ, доживавшемъ послѣдній вѣкъ своего расцвѣта, Ростовѣ...

Къ востоку отъ церкви Воскресенія Христова стоитъ пестрая одноглавая церковь Смоленской Божьей Матери Одигитріи. Своимъ видомъ она замѣтно выдѣляется среди прочихъ кремлевскихъ церквей. Она построена въ послѣднее десятилѣтіе XVII вѣка преемникомъ Іоны Сысоевича митрополитомъ Іоасафомъ.

Церковь Одигитріи такъ же, какъ и трехэтажное современное зданіе духовнаго училища, врывается диссонансомъ въ идеальную архитектурную выдержанность ростовскаго Кремля. Снаружи церковь выкрашена «въ шашку» изъ красныхъ, желтыхъ и черныхъ треугольниковъ, въ то время какъ всѣ остальныя кремлевскія зданія окрашены въ одинъ свѣтлый тонъ. По своей архитектурѣ церковь эта—не блестящій памятникъ переходнаго русскаго барокко. Во внутреннемъ

убранствѣ уже вполнѣ сказался вкусъ XVIII вѣка. Стѣнопись смѣнилась лѣпными украшеніями, сдѣланными въ первой половинѣ этого вѣка. Деревянный иконостасъ современенъ церкви.

Самое замѣчательное въ этомъ послѣднемъ украшеніи ростовскаго кремля—росписныя изразцовыя печи.

И, перейдя изъ Іонинскихъ церквей къ вычурной затѣйливости храма Смоленской Божьей Матери, нельзя сразу не почувствовать упадка вкуса, мастерства, поразительнаго измельчанія творчества, сведеннаго къ бездушной ремесленности, упорно повторяющей свои традиціонныя формы; барочная церковь XVIII вѣка можетъ быть сказочно красива, но она не для молитвы, ея красота та же, что и красота бальныхъ залъ и дворцовыхъ пріемныхъ.

Въ ростовскомъ кремлѣ въ концѣ XVII вѣка находилось много гражданскихъ сооруженій, обслуживавшихъ широкія потребности митрополичьяго быта. Съ упраздненіемъ митрополіи иногда вспоминали о кремлевскихъ церквахъ, изъ религіозныхъ побужденій остерегались разрушать ихъ. Гражданскія же зданія ветшали, безжалостно приспособлялись подъ склады и амбары, а нуждавшіяся въ ремо́нтѣ разрушались. Тѣмъ не менѣе къ 1880-мъ годамъ, когда началась полоса реставраціи кремля, сохранились полуразрушенныя стѣны почти всѣхъ митрополичьихъ построекъ. Глядя теперь на крѣпкія, красивыя палаты и переходы, трудно было бы повѣрить, если бъ не сохранилось старыхъ фотографій, что не такъ давно на мѣстѣ ихъ торчали обгрызанныя временемъ стѣны съ проваленными сводами, валялись обломки и мусоръ...

Гражданскія сооруженія ростовскаго кремля—Бѣлая Палата, Отдаточная палата, княжьи терема, Іонинская палатка и «Водяная башня» — относятся къ XVII и частью даже къ XVI вѣкамъ. Вслѣдствіе продолжительной заброшенности сохранились только однѣ стѣны, вся же художественная обработка утрачена. Теперь все реставрировано очень тщательно, но вернуть прежній художественный обликъ древнимъ палатамъ оказалось невозможнымъ. Въ современномъ своемъ видѣ онѣ все же представляютъ рѣдкій по значенію бытовой и архитектурный памятникъ. Въ теремахъ московскаго кремля больше старинныхъ украшеній—наличниковъ, порталовъ, росписей, скульптурныхъ декорацій, но въ нихъ, благодаря слишкомъ усерднымъ поновленіямъ и сосѣдству современныхъ зданій, безвозвратно ушелъ духъ старины, то неповторяющееся настроеніе прошлой жизни, которымъ привлекаютъ старинные бытовые памятники. Ростовскія же палаты, лишенныя всякой красоты, съ дивной свѣжестью хранятъ отпечатокъ

Іонинская палата. Сундукъ „подголовокъ“, росписныя и рѣзныя прялки, деревянная чаша въ видѣ птицы, „свѣтецъ“ для лучины въ видѣ человѣческой фигуры, пряничная доска.

минувшихъ вѣковъ. Въ пустынной части кремля уцѣлѣлъ цѣлый мірокъ длинныхъ переходовъ, темныхъ и узкихъ лѣстницъ въ толщѣ стѣнъ, маленькихъ оконъ съ двойными арочками и частыми рѣшетками, бѣлыхъ крѣпкихъ стѣнъ, высокихъ пестрыхъ крышъ, крошечныхъ сводчатыхъ «палатокъ»...

Хотя реставрація палатъ ростовскаго кремля произведена безукоризненно, но все же, изучая ихъ, нельзя упускать изъ виду ихъ возобновленности. Основныя архитектурныя формы возстановлены буквально, но детали и украшенія перенесены частью съ другихъ современныхъ построекъ, частью съ рукописей и т. п. Стиль древне-русскаго зодчества и XVII вѣка выдержанъ вполнѣ, но подлинности нѣтъ въ ростовскихъ палатахъ.

Рядомъ съ церковью Спаса на Сѣняхъ стоятъ Бѣлая и «Отдаточная» палаты, выстроенныя митрополитомъ Іоной между 1670 и 1675 годами. Бѣлая Палата предназначалась для торжественныхъ пріемовъ, «для пришествія Государева». Обширное сводчатое помѣщеніе ея нѣсколько напоминаетъ московскую Грановитую палату; своды такъ же опираются на массивный центральный столбъ. Благодаря осторожности реставраторовъ, въ Бѣлой палатѣ нѣтъ ничего лишняго и сомнительнаго. Типичны маленькія окна съ «сережками», кирпичные карнизы по наружнымъ стѣнамъ. Теперь въ Бѣлой палатѣ помѣщается богатѣйшій музей русской старины.

Между Бѣлой палатой и церковью Спаса на Сѣняхъ помѣщена «Отдаточная» палата, по ростовскому преданію названная такъ потому, что въ ней ростовскіе владыки »отдавали поклонъ, т.-е. провожали именитыхъ гостей своихъ».

Несомнѣнно, что Бѣлая палата, имѣвшая столь торжественное назначеніе, была богато украшена стѣнной росписью. Косвенное указаніе на это есть въ одномъ старинномъ письмѣ, приводимомъ А. А. Титовымъ [1]). Въ 1840 году находившаяся около Бѣлой палаты, нѣсколько западнѣе ея, Красная палата была сломана, чтобы устроить на ея мѣстѣ магазинъ для склада вина. Очевидецъ этого вандализма замѣчаетъ, что въ Красной палатѣ «на стѣнахъ, сводахъ, простѣнкахъ, откосахъ оконъ и на столпѣ помѣщены разныя изображенія красками изъ церковной исторіи и лики святыхъ, работы альфреско. Они были такъ новы, какъ будто недавно вышли изъ-подъ кисти художника...» Красная палата построена одновременно и сходна по типу съ Бѣлой. Очень вѣроятно, что и внутри онѣ были украшены одинаково роскошно!

Жилыя палаты митрополитовъ помѣщались тамъ, гдѣ теперь духовное училище, и галлереей-сѣнями соединялись съ Бѣлой палатой.

---

[1]) «Описаніе Ростова Великаго». М. 1891 г.

Изъ Отдаточной палаты перекинутые аркой переходы ведутъ въ реставрированное зданіе Княжьихъ теремовъ. Мѣстныя преданія называютъ терема жилищемъ ростовскихъ князей и относятъ ихъ къ XV вѣку. Установить время ихъ созданія довольно трудно, тѣмъ болѣе вслѣдствіе многочисленныхъ позднѣйшихъ наслоеній. Достовѣрно только то, что эти терема стоятъ на мѣстѣ жилища древнихъ ростовскихъ князей. Все убранство теремовъ реставрировано. Ихъ тѣсныя, суровыя комнатки заняты теперь музейнымъ отдѣленіемъ бытовыхъ древностей, однимъ изъ самыхъ богатыхъ въ Россіи. Несмотря на реставрацію, ихъ уцѣлѣвшія стѣны даютъ отличное представленіе о древне-русскомъ каменномъ жильѣ, даже у князей состоявшемъ изъ такихъ крохотныхъ и низкихъ свѣтлицъ...

Рядомъ съ княжьими теремами стоитъ пристроенная митрополитомъ Іоной Іонинская палата, теперь тоже занимаемая музеемъ. Здѣсь хранятся старинные предметы домашняго обихода. Къ Іонинской палатѣ пристроена Садовая палата, обширное квадратное помѣщеніе, мало интересное въ архитектурномъ отношеніи. Послѣ теремовъ, болѣе похожихъ на чуланъ, послѣ всего этого уютнаго, но душнаго жилья, темной лѣстницей—проходомъ можно подняться на вышку Садовой палаты: отсюда открывается обширная перспектива кремля и Ростова.

Сложной сѣтью переплетаются стѣны и переходы кремля, надъ ними высятся башни и несчетные купола. Кругомъ много деревьевъ, окружающихъ старыя стѣны, много травы, маленькихъ деревянныхъ домовъ. На югѣ неподвижно застыло сѣроватое озеро Неро, мертвое, ветхое, отжившее. Только вѣтеръ порой приноситъ откуда-то изъ лѣсовъ или съ Волги свѣжія, душистыя волны вольнаго воздуха, да гдѣ-то вдали засвиститъ паровозъ, напоминая о живомъ мірѣ, призывая изъ этого спящаго царства...

Кромѣ этихъ реставрированныхъ и «ожившихъ» построекъ есть въ кремлѣ еще нѣсколько остатковъ гражданскихъ сооруженій, представляющихъ теперь однѣ только голыя стѣны. Большая часть ихъ сооружена митрополитомъ Іоной.

Къ востоку отъ Бѣлой палаты и зданія духовнаго училища стоятъ стѣны Іерaршихъ палатъ, построенныхъ въ концѣ XVI вѣка. Къ нимъ примыкаетъ четвероугольная Водяная башня, близкая по типу къ Садовой. Водяная башня построена митрополитомъ Іоной. Ворота, проходящія подъ ней, расписаны такими же поучительными изображеніями, какъ и ворота подъ Воскресенской церковью. Среди нихъ много очень остроумныхъ и характерныхъ для мудрствованія XVIII-го вѣка аллегорій. Нарисована муха, вьющаяся вокругъ зажженной свѣчи, и подписано—«вредная прихоть»; подъ рюмкой—«упо-

Іонинская палата. Росписные изразцы начала XVIII-го вѣка.

требляй умеренно»; подъ слономъ—«скоро и тихо»; подъ пылающимъ сердцемъ—«равный пламень снаружи и внутри», подъ зайцемъ—«отваженъ только въ бѣду»; подъ морской звѣздой—«на какую сторону не попаду все стану на ноги»; подъ кедровой шишкой — «не разбивши, ничего не получишь» и т. д.

Эти надписи относятся къ I-й половинѣ XVIII вѣка и производятъ странное впечатлѣніе. Послѣ благочестивыхъ фресокъ, послѣ вдохновенной красоты Спаса на Сѣняхъ, торжественныхъ впечатлѣній Бѣлой палаты и княжьихъ теремовъ,—непріятное вѣяніе чего-то слишкомъ земного, обыденнаго и мелкаго вносятъ эти то иронизирующія, то скептически поучающія надписи...

Около восточныхъ воротъ кремля, налѣво отъ нихъ, если подходить изнутри, стоитъ нижній этажъ развалившейся башни часобитни, поставленной въ 1696 году митрополитомъ Іоасафомъ [1]).

Изъ всѣхъ этихъ гражданскихъ построекъ художественный интересъ представляетъ только группа Бѣлой палаты и княжьихъ теремовъ.

Очень характерно для древне-русскаго строительства это соединеніе большого количества отдѣльныхъ палатъ, теремовъ и переходовъ, вмѣсто одного большого жилья. Такую нагроможденность построекъ рѣшительно предпочитали люди древней Руси; царскій дворецъ московскаго Кремля въ XVII вѣкѣ представляетъ тоже огромный конгломератъ разновременныхъ и разнообразныхъ построекъ. Конечно, къ этому приводила отнюдь не ограниченность средствъ: какая-то странная психологическая черта заставляла людей избѣгать крупныхъ архитектурныхъ сооруженій, рѣшительно предпочитая имъ уютъ небольшихъ, тѣсно налѣпленныхъ, карточныхъ домиковъ!

На примѣрѣ ростовскихъ палатъ мы видимъ, что даже помѣщенія, обслуживавшія потребности одного лица, дробились на отдѣльныя сооруженія: жилые покои митрополитовъ находились въ одномъ зданіи; домовая церковь стояла отдѣльно и отдѣлялась отъ жилыхъ комнатъ сѣнями; палаты для торжественныхъ случаевъ были поставлены тоже отдѣльно; наконецъ помѣщенія митрополичьей свиты были отнесены еще дальше, повидимому, въ княжьи терема или іераршія палаты. Такая раскинутость мало способствовала удобству, но несомнѣнно придавала много пышности быту іерарховъ.

Подобное распредѣленіе жилища способствовало большой живописности зданій. Въ ростовскомъ кремлѣ, въ узкомъ пространствѣ между Бѣлой палатой и княжьими теремами, открывается красивый лабиринтъ палатъ и переходовъ. Издали высокія крыши и узор-

---

[1]) *А. Д. Ивановъ*. Путеводитель по Ростову Великому. Р. 1912 г.

чатыя трубы теремовъ дополняютъ затѣйливую мелодію церковныхъ главъ. А въ цѣломъ пестрыя крыши и рѣзные коньки палатъ, ихъ небольшія, но украшенныя окна рисуются какимъ-то сказочнымъ жильемъ, рѣзной неправильный силуэтъ котораго даетъ такія своеобразныя впечатлѣнія особой, неповторяющейся красоты...

Въ Москвѣ сохранились болѣе художественные памятники зодчества XVII вѣка, но въ нихъ не чувствуется такъ ясно самый духъ допетровскаго строительства, какъ въ ростовскомъ кремлѣ. Кругомъ московскихъ памятниковъ высятся семиэтажные дома, у стѣнъ ихъ дымятъ фабрики и гудятъ трамваи, а въ ростовскомъ кремлѣ тихо, идиллически пусто...

Какая-то торжественная тишина обволакиваетъ старыя палаты и церкви, создаетъ уголокъ міра, посвященный одному любованію и историческимъ воспоминаніямъ!

Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ ростовскій кремль лежалъ въ развалинахъ. Просвѣщенные труды и большія матеріальныя жертвы мѣстныхъ любителей старины спасли эту гордость Ростова отъ гибели. Реставрированы всѣ церкви, башни и стѣны, всѣ палаты и переходы. До реставраціи большая часть зданій стояла безъ покрытій съ потрескавшимися стѣнами, съ проваленными сводами, или же обезображенная позднѣйшими передѣлками и небрежными поновленіями. Реставрація кремля начата въ 1860 году съ церкви Воскресенія и проведена вся на частныя пожертвованія. Первая половина 1880-хъ годовъ была временемъ самой энергичной реставраціи кремля, упрочившей за нимъ то состояніе, въ которомъ онъ находится теперь и которое позволяетъ причислить его къ самымъ драгоцѣннымъ памятникамъ русской старины. Тѣми же культурными руками мѣстныхъ дѣятелей организовано великолѣпное собраніе церковныхъ и бытовыхъ древностей, размѣщенное въ старыхъ кремлевскихъ палатахъ. И теперь ни въ одномъ изъ русскихъ городовъ нельзя такъ изучить, и главное, такъ постигнуть душой творчество и культуру XVII вѣка, какъ въ Ростовѣ!

РОСТОВСКІЙ МУЗЕЙ.

Ростовскій музей былъ открытъ въ 1883 году и первоначально помѣщался въ одной Бѣлой Палатѣ. Значительно расширившись за 30 лѣтъ своего существованія, онъ занимаетъ теперь еще Отдаточную, Садовую и Іонинскую палаты, а также Княжьи терема. Громадныя коллекціи музея собраны совершенно безсистемно и это затрудняетъ ознакомленіе съ наиболѣе цѣнными его отдѣлами. Прекрасныя собранія древне-русскаго церковнаго и прикладного искусства чередуются съ ненужными рѣдкостями и «достопримѣчательностями», въ родѣ Нерукотвореннаго Спаса, писаннаго карандашомъ на паутинѣ, или хрустальной вазы, пожертвованной императрицей Маріей Θеодоровной и выигранной въ лоттерею въ 1883 году!..

Особенно полно представлены въ ростовскомъ музеѣ церковныя и бытовыя древности. Первыя размѣщены преимущественно въ Бѣлой и Отдаточной палатахъ. Среди большого количества предметовъ, представляющихъ спеціальный интересъ, хранится много цѣнныхъ художественныхъ и историческихъ памятниковъ. Однако, непосредственно къ исторіи Ростова относится очень малое число ихъ.

Въ Бѣлой Палатѣ хранятся иконы, кресты, плащаницы и шитыя пелены, вѣнцы, водосвятныя чаши, слюдяные фонари. Все это даетъ полную картину церковнаго искусства XVI-го и XVII-го вѣковъ. Собранія же медалей, автографовъ, портретовъ и рукописей носятъ случайный и безсистемный характеръ.

Среди церковныхъ древностей есть рѣдкій свѣчной ящикъ съ рѣзными орнаментами конца XVI-го вѣка, доставленный изъ сельской церкви Ярославской губерніи.

Здѣсь же находятся два надгробныхъ памятника XV-го вѣка, оба въ видѣ креста изъ бѣлаго известняка. Изъ нихъ особенно любопытенъ осьмиконечный крестъ, украшенный барельефнымъ изображеніемъ и сохранившій надписи и даты. Изображенія грубо изваяны изъ неподатливаго матеріала, но тѣмъ ярче выступаетъ высокое мастерство композиціи и распредѣленія массъ; этимъ мастерствомъ одинаково отмѣчены и древнерусскія иконы, и литые кресты, и, какъ видно

здѣсь, надгробные памятники. Этотъ каменный крестъ былъ поставленъ въ 1459 году на могилѣ дьяка Бородатаго [1]). Онъ найденъ въ Ростовѣ у церкви Воскресенія на рву, упраздненной въ началѣ XIX-го вѣка.

Изъ числа портретовъ лицъ, имѣющихъ значеніе въ исторіи Ростова, можно указать на изображенія митрополитовъ Іоны Сысоевича и Дмитрія Ростовскаго. Мало интересные въ художественномъ отношеніи, они, повидимому, довольно точно передаютъ черты ростовскихъ митрополитовъ. Особенно правдивымъ кажется, едва ли современный, портретъ Іоны Сысоевича.

Памятники быта ростовскихъ іерарховъ очень немногочисленны въ Бѣлой Палатѣ. Среди нихъ совсѣмъ мало можно отмѣтить предметовъ, имѣющихъ художественное значеніе. Къ такимъ можно причислить великолѣпную рѣзную рамку зеркала, по преданію, происходящаго изъ ростовскаго митрополичьяго дома. Это зеркало считается принадлежавшимъ св. Дмитрію Ростовскому, бывшему ростовскимъ митрополитомъ съ 1702-го года; вырѣзана же его рамка несомнѣнно во второй половинѣ XVII-го вѣка: въ ея узорѣ незамѣтно никакихъ слѣдовъ новыхъ украинскихъ и западныхъ вѣяній, долетѣвшихъ на грани XVIII-го и XVII-го вѣковъ и въ далекій Ростовъ...

Въ Бѣлой Палатѣ среди предметовъ церковнаго обихода есть нѣсколько отличныхъ чеканныхъ водосвятныхъ чашъ. Богато украшенныя орнаментомъ купели и водосвятныя чаши не являются мѣстными ростовскими произведеніями. Большая часть ихъ вполнѣ опредѣленно примыкаетъ къ пріемамъ московскаго „чеканнаго дѣла".

Лучшая водосвятная чаша ростовскаго музея происходитъ изъ Авраамова Богоявленскаго монастыря. Она является великолѣпнымъ образцомъ московской чеканной работы середины XVI-го вѣка. Эту чашу пожертвовалъ монастырю Іоаннъ Грозный, выстроившій въ немъ, украсившій и снабдившій драгоцѣнной утварью и одѣяніями, новую церковь Богоявленія Господня. Объ этомъ важномъ событіи въ жизни монастыря расказываетъ хранящееся въ монастырской библіотекѣ рукописное житіе преподобнаго Авраамія: „Церковь каменну съ четырьмя придѣлы постави повеленіемъ царя ІоннаВасильевичаего царскою казною... Къ освященію святыхъ церквей со св. иконы корсунскія и со всею церковной утварью самъ царь прійде (2-го октября 1553-го года) со образы и книги и божественными службами церьковь Божію украси, яко невѣсту Христову и молебная совершивъ"...

Интересны въ Бѣлой Палатѣ деревянныя принадлежности церковнаго обихода. Почти всѣ сосуды, требующіеся для богослуженія, и

---

[1]). *А. Орѣшниковъ.* Памятникъ XV вѣка въ Бѣлой Палатѣ. М. 1894 г.

прочіе предметы, употреблявшіеся при церковномъ быту, въ XV, частью XVI и даже XVII вѣкахъ въ сельскихъ церквахъ захолустной Руси дѣлались изъ дерева, изъ самого привычнаго, легко обрабатываемаго матеріала: потиры, брачные вѣнцы, сложныя четырехъярусныя паникадила, доходящія до 24 шандаловъ, кресты, складни и рѣзныя иконы, подсвѣчники, кропильныя чаши—все это, сдѣланное изъ дерева богато представлено въ Бѣлой Палатѣ. Всѣ эти предметы служили преимущественно въ деревянныхъ сельскихъ церквахъ, и поистинѣ былъ на Руси какой-то «деревянный вѣкъ», почти не знавшій употребленія металловъ; изъ вещей церковнаго обихода металлическими дѣлались только дарохранительницы — желѣзныя или чаще — оловянныя. Насколько красивы и художественны деревянныя издѣлія мѣстнаго производства, привычныя народу, позволявшія ему проявлять свои эстетическіе вкусы, настолько примитивны металлическія дарохранительницы XV-го и XVI-го вѣковъ; художественная обработка появляется только на идущихъ изъ Москвы совершенныхъ созданіяхъ царскихъ мастеровъ. Но въ Ростовской области эти дары царей, знатныхъ бояръ, иногда—іерарховъ, остаются заносными диковинами и мало вліяютъ на мѣстное творчество, свято хранящее свои традиціи и пріемы, по своему такое же совершенное, какъ и московскіе образцы, но овѣянное иной лѣсной, самобытной красотой!

Иконостасы, клиросы—все дѣлалось изъ дерева въ древнихъ церквахъ ростовской области. Клиросы обычно ставились на фигурныя ножки, вырѣзанныя въ формѣ какихъ-то страшныхъ львовъ съ высунутыми языками. Такихъ деревянныхъ львовъ, собранныхъ изъ церквей ярославской и владимірской губерній, не мало хранится въ Бѣлой Палатѣ.

Въ Отдаточной палатѣ хранятся главнымъ образомъ иконы и царскія врата. Собраніе царскихъ вратъ любопытно своей полнотой и разнообразіемъ, отражающимъ сложное переплетеніе художественныхъ вкусовъ и теченій, наступившее въ концѣ XVII-го вѣка и только въ серединѣ XVIII-го уступившее мѣсто полновластному господству пышныхъ формъ петербургскаго Елизаветинскаго барокко.

Бытовыя древности сосредоточены въ Княжьихъ теремахъ, Іонинской и Садовой палатахъ. Къ сожалѣнію, богатѣйшія собранія предметовъ прикладного древняго творчества смѣшаны съ малозначительными портретами XVIII-го вѣка, древностями изъ Херсонеса и Египта, пулями съ севастопольскихъ бастіоновъ и другими достопримѣчательностями, посторонними какъ характеру коллекцій ростовскаго музея, такъ и самимъ стѣнамъ княжьихъ теремовъ и палатъ митрополита Іоны.

Въ княжьихъ теремахъ, въ приземистыхъ сводчатыхъ палатахъ съ маленькими окнами, размѣщено нѣсколько тысячъ предметовъ древ-

няго обихода. Тутъ „свѣтцы“ для вставленія лучины, подсвѣчники, замки внутренніе и наружные, чернильницы, фарфоровая посуда, игольники, рѣзные изъ бѣлой кости сундучки, покатые „подголовники“, обитые прорѣзнымъ желѣзомъ; чарки чайницы, ларцы, стаканы; женскія одѣянія—кокошники, повойники, кички, и т. п.; кружева, платки, полотенца, перстни, пуговицы, вальки, прялки, пряничныя доски, самовары, салазки, украшенныя рѣзьбой или живописными узорами, квасники, кувшины и т. д.

Всѣ эти принадлежности древнерусскаго быта очень скромны, но на всемъ лежитъ забота о красотѣ. Онѣ важны не только для знакомства съ внѣшностью древнерусской жизни, но свидѣтельствуютъ и объ ея творческихъ силахъ, ея вкусахъ, ея пониманіи красоты. Ростовскій музей—это энциклопедія древне-русскаго быта, коснуться которой на нѣсколькихъ страницахъ можно только вскользь...

Іонинская палата. Рѣзная рамка зеркала начало XVIII-го вѣка.

Бѣлая палата. Деревянные львы-ножки клироса.

РОСТОВСКІЯ ЦЕРКВИ.

Ростовъ, какъ и вся Ярославская губернія, густо насыщенъ культурой. Здѣсь въ церквахъ и монастыряхъ хранится много отличныхъ памятниковъ зодчества, иконописи и прикладного искусства. По какому-то необычному для русскаго человѣка инстинкту ярославцы не считаютъ прошлые вѣка чужими, цѣнятъ ихъ и берегутъ ихъ созданія. Здѣсь меньше, чѣмъ гдѣ-либо, можно отмѣтить фактовъ вандализма, да и вандализмъ это происходящій отъ усердія, пересиливающаго познанія...

Въ Ростовѣ больше 20 приходскихъ церквей и почти въ каждой есть что-нибудь любопытное съ художественной точки зрѣнія. Приходскія церкви, вслѣдствіе того, что онѣ не были заброшены въ теченіе долгаго времени, а исполняли свое практическое назначеніе, почти всѣ поновлены или перестроены. Среди нихъ нѣтъ ни одной, которая производила бы такое цѣльное впечатлѣніе, какъ кремлевскія церкви.

Спасская ружная церковь, стоящая около собора, среди торговыхъ рядовъ, сохранилась сравнительно хорошо, но не даетъ послѣ кремлевскихъ церквей никакихъ новыхъ впечатлѣній. Она построена въ 1690 году и напоминаетъ ц. Воскресенія Христова въ Кремлѣ. Въ холодной церкви хорошая роспись на новозавѣтныя темы.

Особеннаго вниманія изъ приходскихъ церквей Ростова заслуживаетъ церковь Исидора Блаженнаго. Ея формы необычны для Ростова. Одноглавая съ гладкими стѣнами, и двускатными покрытіями она напоминаетъ небольшія церкви Новгорода и Пскова. Находящаяся въ церкви надпись, выбитая на камнѣ, разсказываетъ ея исторію: «Лѣта 7074 (1566 г.) державою и повелѣніемъ благочестиваго царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Руси, его царскою казною, поставлена церковь сія Вознесеніе; въ ней Исидоръ чудотворецъ; при архіепископѣ Никандрѣ Ростовскомъ. А дѣлалъ церковь великаго князя мастеръ Андрей Малай». Этотъ скромный даръ Грознаго Ростову не остался въ не-

прикосновенности: Андрей Малай, повидимому псковскій выученикъ, не могъ сдѣлать эту несоразмѣрную главу съ вычурной перетяжкой. Высота барабана и главы съ крестомъ равняется высотѣ самой приземистой церкви!

Фронтоны церкви покрыты живописью, но опять-таки прибавленной къ церкви въ позднѣйшіе вѣка. Въ XVII вѣкѣ внутреннія стѣны церкви расписаны, повидимому, іонинскими мастерами. Роспись, изображающая событія Новаго Завѣта, не представляетъ особеннаго интереса. Гораздо любопытнѣе циклъ изображеній изъ жизни ростовскаго юродиваго Исидора, похороненнаго въ этой церкви. Тутъ между прочимъ есть изображеніе ростовскаго Успенскаго собора, какимъ онъ былъ въ XVII вѣкѣ, до пожара 1730-го года. Соборъ былъ покрытъ по закомарамъ.

Немало цѣнныхъ произведеній церковнаго зодчества находится въ окрестностяхъ Ростова. Совершенно исключительный интересъ среди нихъ пріобрѣтаетъ деревянная церковь Іоанна Богослова на Ишнѣ, находящаяся въ селѣ Богословъ въ двухъ верстахъ отъ Ростова. Она построена въ 1687 году и самый фактъ существованія деревянной церкви болѣе двухъ вѣковъ кажется почти чудомъ. Въ московской области такихъ деревянныхъ церквей сохранилось очень мало. Чтобы найти памятники, равные Іоанну Богослову на Ишнѣ, нужно отправиться на дальній сѣверъ, въ дебри Олонецкой и Архангельской губерній. Архитектурныя формы церкви несложны, но въ нихъ особое обаяніе самобытности. Для старой Руси, страны безконечныхъ лѣсовъ, вотъ такія бревенчатыя церкви были особенно родными! Тутъ все выработанное долгими вѣками художественнаго опыта, свободное отъ всякихъ чужеземныхъ вліяній. Въ бревенчатой церкви, обшитой досками, въ этомъ лѣсномъ храмѣ кроткимъ благословеніемъ міру должны звучать слова молитвъ, потому что нѣтъ болѣе искренняго храма, чѣмъ созданный человѣкомъ изъ того, чѣмъ онъ привыкъ каждый день любоваться, съ чѣмъ онъ выросъ и съ чѣмъ умретъ...

Церковь Богослова на Ишнѣ стоитъ на краю небольшого села, среди открытаго поля. Она окружена деревьями и небольшимъ заборомъ. Со всей окружающей картиной типичной русской деревни она производитъ непередаваемое впечатлѣніе нераздѣльности, органической слитости. Коричневая, обшитая досками, церковь съ сѣрой крышей гармонируетъ съ «левитановской» гаммой окружающаго пейзажа; она кажется такимъ же подлиннымъ созданіемъ народа, какъ деревянныя ярко раскрашенныя куклы троице-сергіевскихъ кустарей, какъ старая деревенская пѣсня, какъ былина. Тутъ нѣтъ мѣста спорамъ о заимствованныхъ формахъ, о самобытности и подражаніи, потому что каждая часть церкви—свое, доморощенное, кустарное творчество.

Исторія древне-русскаго зодчества показываетъ намъ то вліяніе, которое перевернуло всѣ пріемы каменной архитектуры XVI вѣка, когда московскіе зодчіе стали воспроизводить въ камнѣ завѣтныя формы деревяннаго церковнаго зодчества. Мы знаемъ, что такія оригинальныя и красивыя формы русскаго церковнаго строительства, какъ шатры, закомары, восьмерики, луковичныя главы на тонкихъ и стройныхъ шейкахъ, уютныя крыльца—все это перенесено въ каменную архитектуру изъ деревянной.

И, наоборотъ, нельзя до послѣдняго времени, конечно, когда церковное строительство стало дѣломъ городскимъ и ученымъ, указать ни одного пріема деревяннаго зодчества, заимствованнаго отъ каменныхъ храмовъ!

Одноглавая церковь Іоанна Богослова переходами связана со стоящей надъ входомъ шатровой колокольней. Острый шатеръ ея стоитъ на шести столбахъ, образуя открытую галлерею, занимаемую колоколами. Обшитыя досками стѣны почти лишены украшеній, только окна въ средней части церкви обведены небольшими наличниками. Деревянныя бочкообразныя покрытія передней и алтарной частей церкви закрыты теперь въ верхней части двускатной желѣзной кровлей.

Внутри церкви—все деревянное: лѣстницы, двери, порталы дверей. Слѣва отъ входа идетъ широкая, опять-таки деревянная, паперть.

Внутри церковь отдѣлана такъ-же скромно, какъ и снаружи. Простой дощатый иконостасъ уставленъ потемнѣвшими иконами въ деревянныхъ рамахъ. Въ церкви очень мало золота, вездѣ видно старое темное дерево, причудливо раскрашенное временемъ. Но въ этой скромной церкви есть сокровище, равнаго которому нельзя найти въ другихъ роскошныхъ церквахъ. Царскія врата среди скромнаго убора церкви вырисовываются своимъ темнымъ золотомъ. Ихъ невѣроятно сложная, волшебная рѣзьба врывается въ общее впечатлѣніе какимъ-то неожиданнымъ аккордомъ: послѣ гладкихъ дощатыхъ стѣнъ, послѣ покосившейся шатровой колокольни и четырехъяруснаго «деревенскаго» иконостаса,—чужимъ и необычнымъ кажется запутанный узоръ, дразнящій глазъ невозможностью осознать его логику, его ритмъ, напоминающій о прянномъ вымыслѣ сказокъ Шахерезады, о таинственныхъ дворцахъ Индіи и арабскихъ легендахъ...

Убранство церкви такое же деревенское, кустарное, какъ и ея наружная архитектура: на дощатыхъ полочкахъ по стѣнамъ разставлены иконы; онѣ безъ драгоцѣнныхъ ризъ и камней; пестрый половикъ ведетъ къ царскимъ вратамъ. Иконостасъ четырехъярусный, но крайне простой, безъ рѣзьбы и яркой позолоты. Иконы увѣшаны

матеріями, небольшими отрѣзами парчи—и это скромное украшеніе какъ нельзя болѣе къ лицу всей деревянной церкви.

Только царскія врата вырисовываются своей новой свѣтлой позолотой на красной «землѣ». Со своей дивной рѣзьбой среди окружающей простоты, они кажутся, дѣйствительно, царскими вратами, символизирующими входъ къ святынѣ.

До 1764-го года Богословская церковь вмѣстѣ съ окружающими землями принадлежала ростовскому Богоявленскому Авраамієву монастырю, основанному въ XI вѣкѣ преподобнымъ Аврааміємъ. Невѣдомый великій мастеръ—инокъ Исайя въ 1562 году «совершилъ» эти ворота. Надпись на нихъ гласитъ—«Лѣта 7070 мѣсяца августа 29 день на память усѣкновенія честныя главы Іоанна Предтечи совершены двери сія въ домѣ Богоявленія Христа Бога и чудотворца Аврамія въ Ростовѣ при благовѣрномъ царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ всея Русіи, при архіепископѣ Ростовскомъ Никандрѣ, при архимандритѣ Богоявленскомъ Іонѣ. Инокъ Исаія». Эта надпись нѣсколько разъясняетъ исторію дивныхъ царскихъ вратъ, но оставляетъ многое нерѣшеннымъ. Они совершены «въ домѣ Богоявленія Христа Бога и чудотворца Аврамія въ Ростовѣ»... Здѣсь упоминается Богоявленскій соборъ съ придѣломъ преподобнаго Аврамія въ ростовскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Соборъ этотъ, построенный «казною и велѣніемъ» Іоанна Грознаго, освященъ въ его присутствіи 2-го октября 1553-го года. Повидимому, инокъ Исаія вырѣзалъ свои врата для Авраамієва придѣла Богоявленскаго собора.

По какой-то непонятной традиціи рѣзныя врата такого типа обычно ставились въ придѣлахъ. Когда же въ 1687 году сооружалась теперешняя церковь Іоанна Богослова на Ишнѣ, врата инока Исаіи были перенесены въ нее. По старинному преданію Богословская церковь сооружена на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ врученъ преподобному Авраамію Іоанномъ Богословомъ жезлъ, съ помощью котораго онъ сокрушилъ «идола окаяннаго Велеса», которому поклонялись ростовцы. На мѣстѣ своей побѣды надъ язычествомъ Аврамій воздвигъ Богоявленскій монастырь. Если это преданіе уже существовало въ XVII вѣкѣ, а это можно утверждать съ полной достовѣрностью, то понятно то вниманіе, съ которымъ строилась и украшалась церковь Іоанна Богослова.

Загадочной остается личность инока Исаіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма важный вопросъ о художественномъ происхожденіи его созданія. Въ серединѣ XVI вѣка въ царствованіе Іоанна Грознаго наступаетъ расцвѣтъ всѣхъ вицовъ русскаго творчества. Особенно очевидный въ зодчествѣ, орнаментикѣ, деревянной рѣзьбѣ и серебряномъ дѣлѣ. Сильнѣйшее вліяніе на эту эпоху оказываетъ искусство Востока, главнымъ образомъ Персіи. Не совсѣмъ ясны пути этого вліянія, этого

Ростовъ. Церковь Іоанна Богослова на Ишнѣ. 1687 г.

добровольнаго подчиненія русскихъ мастеровъ восточнымъ вкусамъ. Есть большая разница между западными вліяніями предшествующихъ и послѣдующихъ вѣковъ и вліяніемъ Востока въ эпоху Грознаго. Западъ покорялъ своимъ мастерствомъ, умѣлостью своихъ художниковъ, ихъ техническими познаніями; заѣзжіе чужестранцы мало приносили своихъ образовъ и вкусовъ: они становились исполнителями тѣхъ эстетическихъ задачъ, которыя ставили себѣ русскіе люди, твердо соблюдавшіе свои художественные вкусы... Только къ концу XVII вѣка московское увлеченіе «фряжскимъ» искусствомъ заставило разстаться съ вѣковыми эстетическими традиціями.

Мусульманское искусство Востока совершенно иной стороной плѣняло русскую душу. Оно давало выраженіе какимъ-то стихійнымъ влеченіямъ, бродившимъ и въ русской душѣ, но не находившимъ себѣ формъ для выявленія. Искусство Востока было слишкомъ стихійно, чтобы обладать художественнымъ сознаніемъ, но его образы, его неясная красота волновали и прельщали древне-русскихъ людей. Едва ли Персія присылала своихъ мастеровъ въ Москву. Надо думать, что учились русскіе художники на тѣхъ образцахъ гончарнаго, ювелирнаго и чеканнаго искусства, которыя попадали на Русь изъ Персіи. Восточное искусство такъ смутно, такъ безотчетно, что у него нѣтъ ни пріемовъ, ни традицій, ни образовъ: оно все въ орнаментикѣ, въ комбинаціи причудливо извивающихся линій, въ обиліи труда и ловкости, потраченныхъ на обработку дерева или металла. Чтобы перенять его, надо только овладѣть матеріаломъ и усвоить тотъ несложный эстетическій міръ, который переливается въ творчествѣ Востока...

Такимъ мастеромъ, примкнувшимъ къ мусульманской эстетикѣ, былъ инокъ Исаія. Изъ традиціонныхъ русскихъ декоративныхъ формъ онъ взялъ только главки надъ рамами священныхъ изображеній, все остальное подсказали ему таинственныя, мистическія созданія Востока. Произведеніе Исаіи особенно важно тѣмъ, что въ немъ мы находимъ совершенно не переработанныя вліянія мусульманскаго искуства. Въ ярославскихъ церквахъ сохранилось много произведеній деревянной рѣзьбы послѣдующихъ эпохъ, но тамъ—только слѣды Востока, тамъ вполнѣ очевидна «руссификація» орнаментальныхъ формъ. Въ смыслѣ творчества и самостоятельности позднѣйшія произведенія гораздо богаче, но въ нихъ уже нѣтъ того изумительнаго, геніальнаго мастерства исполненія, благодаря которымъ царскія врата Исаіи производятъ впечатлѣніе совершенно не человѣческаго творенія.

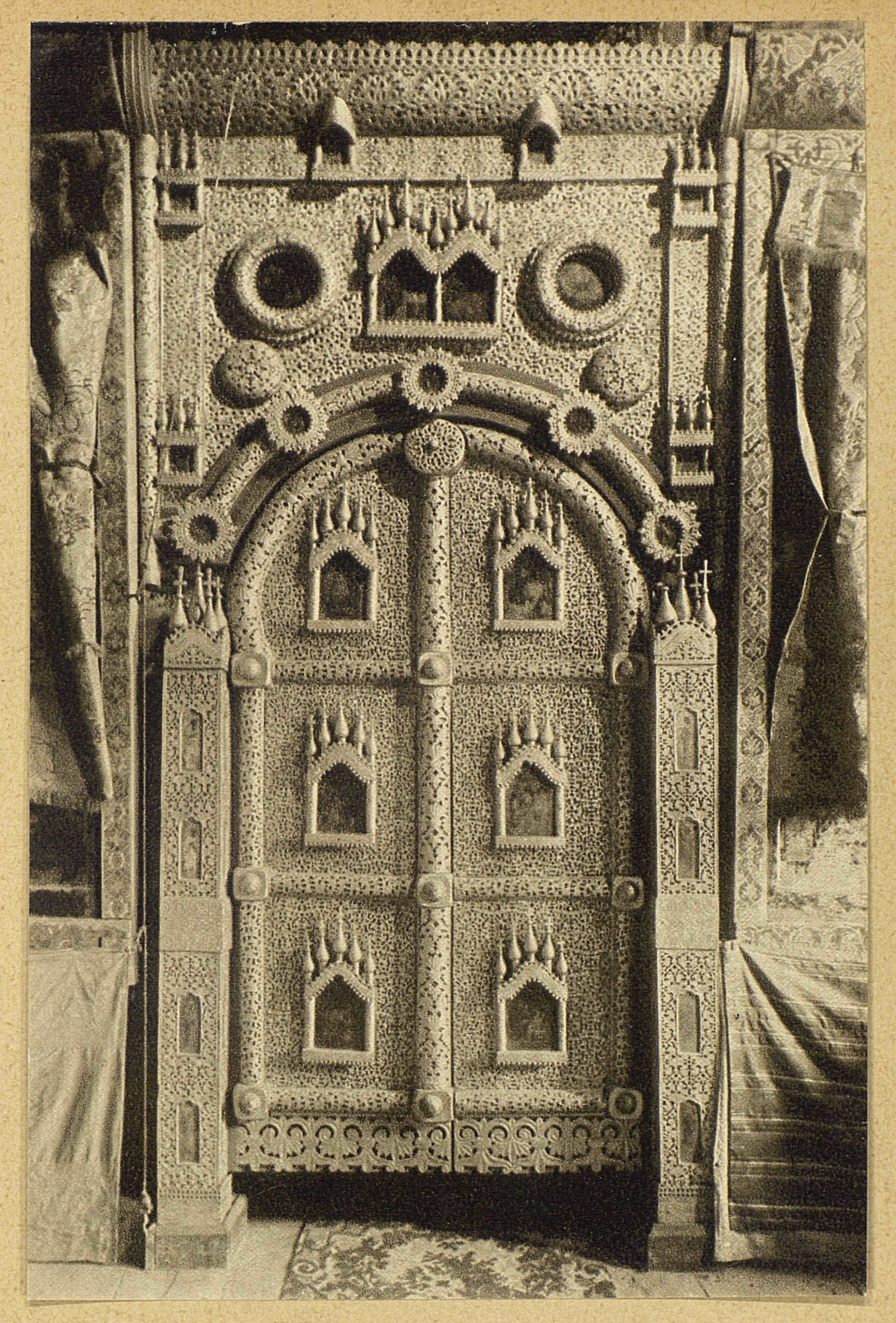
Довольно совершенная копія этихъ царскихъ вратъ помѣщена въ ростовскомъ Кремлѣ въ церкви Григорія Богослова.

МОНАСТЫРИ РОСТОВА.

Въ Ростовѣ и его окрестностяхъ очень много монастырей; большая часть ихъ основана въ XI, XIII и особенно въ XIV вѣкахъ, когда Ростовъ былъ религіознымъ и умственнымъ центромъ сѣверной Руси.

Въ древне-русскомъ зодчествѣ живописная красота зданія играла большую роль. Детали и части зданія рѣдко заставляютъ залюбоваться. Въ силу этого позднѣйшія добавленія и перестройки, хотя бы и не исказившія цѣликомъ старыхъ строеній, нарушаютъ эстетическую прелесть монастыря. Все это нужно отнести къ ростовскимъ монастырямъ, большая часть которыхъ утратила свое древнее «благолѣпіе». Самымъ безпощаднымъ временемъ по отношеніи къ древней красотѣ былъ XVIII вѣкъ, такъ любившій строить и перестраивать. Въ Ростовѣ, въ далекой провинціи не было хорошихъ архитекторовъ-классиковъ, а мѣстныя художественныя силы, чаще всего неудачники изъ Академіи, имѣли очень превратныя представленія о классической эстетикѣ. Кромѣ Спасо-Яковлевскаго монастыря нельзя найти въ Ростовѣ ни одного зданія эпохи классицизма, достойнаго упоминанія и изученія.

Древнѣйшій ростовскій монастырь—Богоявленскій Авраміевъ, основанный въ XI вѣкѣ, находится на восточной окраинѣ города. Несмотря на 9-вѣковое существованіе, на обиліе легендъ и преданій, монастырь не оправдываетъ ожиданій. Издали красивы его бѣлыя стѣны, надъ которыми высится мощный силуэтъ Богоявленскаго собора 1553-го года. Соборъ сильно перестроенъ, его первоначальныя формы съ трудомъ можно отыскать подъ позднѣйшими наслоеніями. Зданія Авраміева монастыря привлекаютъ еще тѣмъ, что до 1652-го года его архимандритомъ былъ Іона Сысоевичъ; онъ соорудилъ здѣсь церковь Введенія, соединенную съ Богоявленскимъ соборомъ крытыми переходами. Постройки эти незначительны, но любопытны какъ первый этапъ строительства Іоны, вѣчно мечтавшаго о группѣ церквей, слитыхъ

Ростовъ. Царскія врата ц. Іоанна Богослова на Ишнѣ. 1562 г.

переходами и галлереями въ одинъ колоссальный домъ Божій. Болѣе удачное воплощеніе этой мечты митрополита-строителя находимъ въ угличскомъ Воскресенскомъ манастырѣ.

Въ XIII вѣкѣ основанъ Петровскій монастырь, расположенный не вдалекѣ отъ Авраміева. Соборъ во имя Петра и Павла—самое интересное зданіе монастыря, характерное какъ одна изъ разновидностей строительной дѣятельности Ростова во времена Іоны Сысоевича. Сооруженіе его закончено въ 1682 году, освященъ же онъ въ 1684 г. Въ эту эпоху уже забывались старыя московскія традиціи, но въ Петровскомъ монастырѣ онѣ еще живы. Позднѣйшіе придѣлы не искажаютъ величественной массы собора...

Въ женскомъ Рождественскомъ монастырѣ, находящемся въ самомъ городѣ и основанномъ св. Ѳеодоромъ между 1389 и 1395 годами, несмотря на древность, интересны только фрески Рождественскаго собора, исполненныя въ 1715 году, но опять-таки хранящія старыя московскія традиціи. Всѣ такіе «пережитки» интересны для усвоенія умиранія древне-русскаго искусства. Мы замѣчаемъ тутъ глубокій разладъ между столицами и Россіей. Въ началѣ XVIII вѣка въ столицахъ уже упрочилось итальянское письмо, а въ поволжскихъ городахъ искусство все еще живетъ эпохой Алексѣя Михайловича. И какимъ паденіемъ вкуса, печальнымъ недоразумѣніемъ кажется новое передъ старымъ!

Изъ монастырей, находящихся въ окрестностяхъ Ростова, заслуживаютъ вниманія Бѣлогостицкій и Борисоглѣбскій, оба связанные съ именемъ и строительной дѣятельностью Іоны Сысоевича.

Бѣлогостицкій монастырь расположенъ въ 7 верстахъ отъ Ростова. Начало монастыря теряется въ легендарной путаницѣ. Несомнѣнно можно установить только одно: мѣстность, гдѣ находится Бѣлогостицкій монастырь, на берегу рѣки Вексы имѣетъ давнюю исторію. Названіе монастыря взято не то отъ какого-то бѣлаго гостя, не то отъ «бѣлыхъ гостиницъ», стоявшихъ тутъ, не то отъ когда-то существовавшей рѣчки Бѣлогостицы. Въ XII вѣкѣ кн. Ярославъ Юрьевичъ соорудилъ здѣсь церковь во имя св. Георгія, отъ которой, очевидно, получилъ наименованіе упоминающійся въ началѣ XV вѣка Юрьевскій монастырь, позднѣе переименовавшійся въ Бѣлогостицкій. Около 1659 года архимандритомъ Бѣлогостицкаго монастыря былъ Іона Сысоевичъ. Очень интересенъ и сравнительно хорошо сохранился Благовѣщенскій соборъ, построенный въ 1657 году. Въ немъ сказывается странное влеченіе митрополита Іоны къ старо-завѣтнымъ формамъ; такія одноглавыя, съ троечастнымъ дѣленіемъ и покрытіемъ по полукружіямъ, церкви ближе XV и XVI вѣкамъ. Съ трехъ сторонъ церковь окру-

жена папертями, входная западная дверь съ каменными рѣзными наличниками.

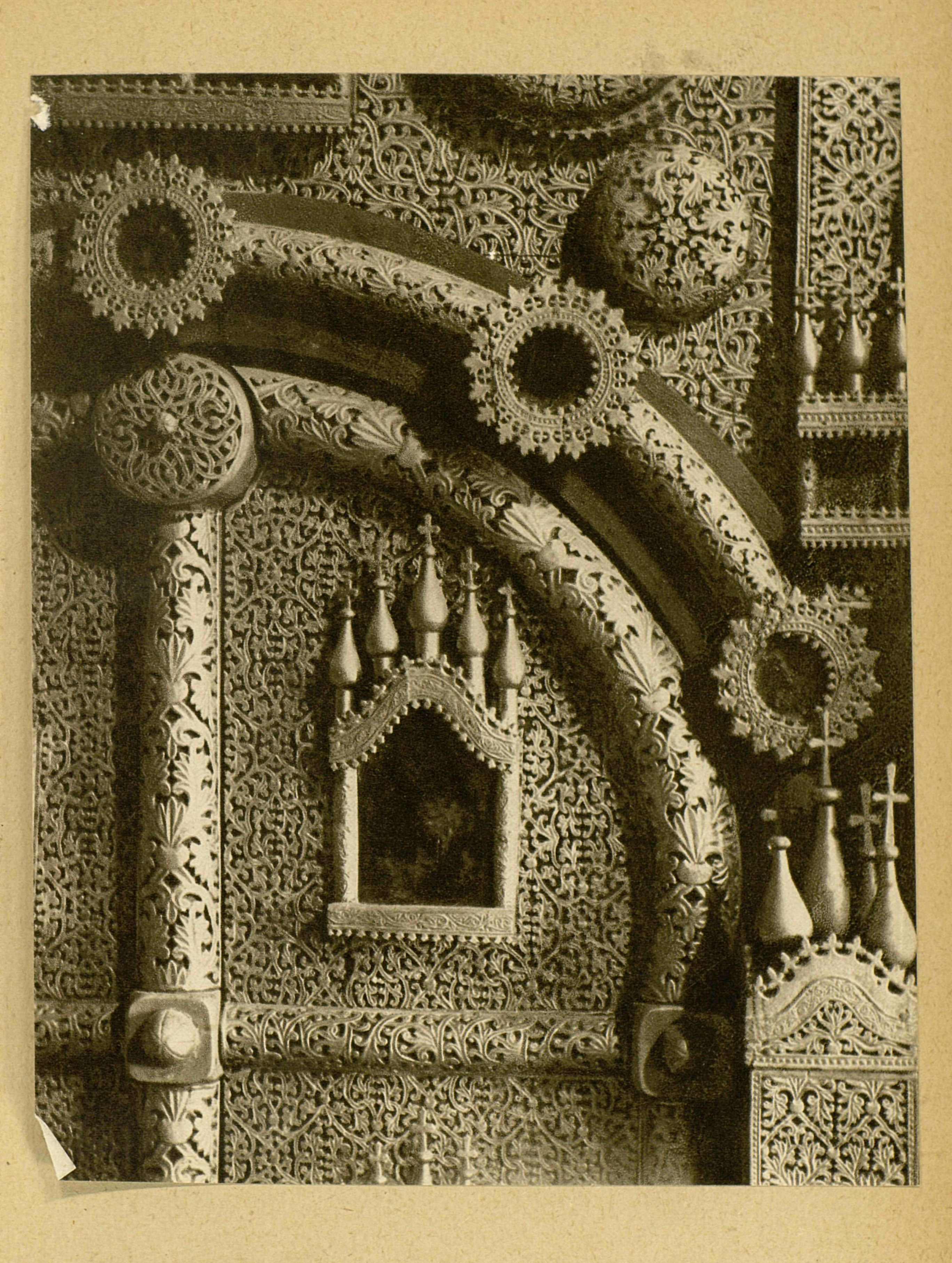
Михаило-Архангельская трапезная церковь соединена съ нѣсколько изуродованными гражданскими постройками.

Въ 18-ти верстахъ отъ Ростова расположенъ одинъ изъ красивѣйшихъ монастырей Россіи — Борисоглѣбскій. Въ смыслѣ живописности его можно сравнить только съ Саввинымъ Звенигородскимъ монастыремъ. Онъ стоитъ на горѣ, надъ рѣкой, окруженный хвойной рощей. Въ маломъ форматѣ это—ростовскій кремль, но болѣе живописный, болѣе единый. Монастырь основанъ въ 1363-мъ году. Первая обстройка монастыря грандіозными каменными зданіями относится къ 1520-му году, когда была сооружена соборная церковь во имя Бориса и Глѣба, церковь Срѣтенія надъ монастырскими «водяными» воротами, церковь Сергія Радонежскаго, церковь Благовѣщенія и колокольня. Обширныя монастырскія стѣны до 5 саженей вышиной и около 480 саж. по окружности кажутся прототипомъ ростовскаго кремля. Онѣ сооружены въ серединѣ XVII вѣка. Надъ южными воротами монастырской ограды поставлена церковь Сергія Радонежскаго. Такимъ образомъ, эти ворота напоминаютъ величественныя композиціи западныхъ и сѣверныхъ воротъ ростовскаго кремля съ церквами Іоанна Богослова и Воскресенія. Ворота Борисоглѣбскаго монастыря гораздо богаче и грандіознѣ. Они образуютъ пять неровныхъ пролетовъ съ бѣгущими по всему фасаду арочками...

Башни по бокамъ воротъ менѣе связаны со всей композиціей, чѣмъ въ ростовскомъ кремлѣ. Да и самый типъ ихъ болѣе традиціонный, болѣе крѣпостной. Все это заставляетъ видѣть въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ прототипъ ростовскаго кремля. Нѣсколько напоминаетъ Ростовъ и звонница съ тремя главками, съ превосходно украшенной пристройкой. Это одно изъ чудесъ русскаго зодчества XVII вѣка.

Въ общемъ Борисоглѣбскій монастырь представляетъ идеальный типъ богатаго русскаго монастыря конца XVII вѣка. Сохранность его прямо изумительна и совершенно исключительна. Его живописныя красоты прекрасно дополняютъ поля, луга, хвойные лѣса кругомъ. Этотъ чудный монастырь заслуживаетъ отдѣльнаго изслѣдованія. Здѣсь же недостатокъ мѣста не позволяетъ коснуться его сокровищъ, равныхъ такимъ вершинамъ древне-русскаго творчества, какъ ростовскій кремль и Троице-Сергіева Лавра...

Всѣ разсмотрѣнныя до сихъ поръ церкви и монастыри создавались не позднѣе XVII вѣка. Все же внесенное въ нихъ послѣдующими двумя столѣтіями является искаженіемъ; не потому, что эти два вѣка

Ростовъ Великій. Царскія врата церкви Іоанна Богослова на Ишнѣ. 1562 г.

не были способны создать что-нибудь значительное и красивое: бѣда въ томъ, что они не цѣнили твореній XVII вѣка и охотно исправляли тѣ «недостатки, которые свойственны древности». Еще большая бѣда въ томъ, что за послѣдніе два вѣка палъ размахъ строительства въ Ростовѣ, и все, что строилось, было мелко, незначительно, бѣдно.

Въ Ростовѣ и кругомъ него нѣтъ ни одного заслуживающаго изученія памятника эпохи классицизма, если не считать великолѣпнаго Спасо-Яковлевскаго монастыря. Онъ обстроенъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. По мѣстоположенію Яковлевскій монастырь одинъ изъ красивѣйшихъ. Онъ стоитъ на самомъ берегу озера, и у его бѣлыхъ стѣнъ лѣниво плещется бурая вода. Надъ бѣлыми стѣнами съ рѣзными готическими башенками по угламъ и на воротахъ высятся купола соборовъ, окруженные зеленью деревьевъ. Лѣтомъ въ яркіе солнечные дни какой-то сказкой рисуются снѣжно-бѣлыя башни и стѣны на фонѣ голубого неба, сѣро-голубого озера, далекихъ зеленыхъ береговъ...

Яковлевскій монастырь основанъ въ концѣ XIV вѣка святымъ Іаковомъ, ростовскимъ епископомъ. Нѣтъ никакихъ указаній, что въ немъ до XVII вѣка существовали каменныя церкви. При митрополитѣ Іонѣ Сысоевичѣ здѣсь строится каменная церковь во имя Живоначальной Троицы. Она была украшена стѣннымъ письмомъ и освящена въ 1686 году. Церковь Троицы сохранилась до нашихъ дней, но въ сильно перестроенномъ видѣ. Теперь эта церковь именуется, по желанію митрополита Арсенія Маціевича, съ 1754-го года Зачатьевскою. Къ сѣверной сторонѣ Троицкой церкви пристроена въ 1725 году каменная церковь Зачатія св. Анны, разобранная въ 1824 году и вновь выстроенная къ 1836 году. Теперь это—Яковлевская церковь, нѣсколько копирующая формы рядомъ стоящей прекрасной Дмитріевской церкви. Вся эта группа разновременныхъ построекъ довольно живописна, но представляетъ большую путаницу формъ и стилей.

Колокольня и ограда монастыря построены между 1776 и 1786 годами. Башни ограды, красивыя своими легкими, ажурными силуэтами, созданы «въ готическомъ духѣ», въ томъ пониманіи готики, которое въ 1770-хъ годахъ ненадолго увлекло петербургскихъ и московскихъ архитекторовъ. Для людей XVIII вѣка, витающихъ въ мірѣ классическихъ образовъ, ихъ фантастическая готика казалась родственной русскому зодчеству XVII вѣка. Угловыя башни ограды очень эффектно скомпанованы. Сѣверныя же и южныя ворота сдѣланы гораздо грубѣе. Возможно, что грубость эта явилась при перестройкѣ или поправкѣ, несомнѣнно произведенной въ началѣ XIX вѣка, одновременно съ пристройкой къ сѣвернымъ воротамъ аркобразныхъ

фронтоновъ, заимствованныхъ отъ Дмитріевской церкви. Верхняя же часть сѣверныхъ воротъ хранитъ какіе-то отзвуки барокко XVIII вѣка, довершая эстетическую путаницу ограды Спасо-Яковлевскаго монастыря.

Главное украшеніе Яковлевскаго монастыря—храмъ во имя св. Дмитрія, построенный между 1795 и 1801 годами [1]). Исторія сооруженія этой церкви очень любопытна и важна для пониманія ея художественнаго облика.

Въ Зачатьевской церкви Яковлевскаго монастыря находятся мощи св. Дмитрія Ростовскаго. Благодаря этому монастырь уже въ XVIII вѣкѣ пріобрѣлъ щедрыхъ покровителей; сюда же внесли свои дары императрицы Елизавета и Екатерина. Главнымъ жертвователемъ на постройку Дмитріевской церкви былъ гр. Н. П. Шереметевъ. Онъ предполагалъ впослѣдствіи перенести сюда изъ Зачатьевской церкви мощи Дмитрія Ростовскаго. Желаніе это встрѣтило оппозицію со стороны высшаго духовенства, такъ какъ, по преданію, Дмитрій Ростовскій самъ выразилъ желаніе быть похороненнымъ въ Зачатьевской церкви Яковлевскаго монастыря. Тогда Шереметевъ прекратилъ сооруженіе церкви. Однако, къ 1801 году она уже была вполнѣ закончена, оставалось только внутреннее убранство. Въ дальнѣйшемъ собственныя средства монастыря оказались слишкомъ незначительны, чтобы сравнять внутреннее великолѣпіе церкви съ ея наружной красотой, и внутреннее убранство осталось бѣднымъ, не соотвѣтствующимъ внѣшнему облику.

Дмитріевская церковь производитъ нарядное и пышное впечатлѣніе, мало свойственное ея эпохѣ. Вся бѣлая, съ массой колоннъ, скульптурными фигурами въ глубокихъ нишахъ, съ огромными барельефами на голубомъ фонѣ на фронтонахъ—церковь кажется изящной игрушкой, и совершенно не даетъ того впечатлѣнія ясности, простоты и величія, которымъ очаровываютъ памятники эпохи классицизма. Формы Дмитріевской церкви запутаны, усложнены обиліемъ украшеній.

При детальномъ разсмотрѣніи становится очевидной разнокалиберность ея архитектуры: чудный портикъ съ западной стороны плохо гармонируетъ съ боковыми фронтонами, довольно неуклюжими по пропорціямъ; барабаны куполовъ пестрятъ круглыми и полукруглыми окнами, разсыпанными въ такомъ обиліи, что верхняя часть классической церкви становится похожей на стеклянную оранжерею.

Главное противорѣчіе архитектуры Дмитріевской церкви замѣчается между западнымъ портикомъ, какъ бы замѣняющимъ паперть, и основными массами церкви. Мы видимъ тутъ два совершенно раз-

---

[1]) *А. Титовъ.* Ростовъ Великій въ его церковно-археологическихъ памятникахъ. 1911 г.

личныхъ пониманія классической эстетики: одно—культурное, утонченное, сдержанно расточающее свои прекрасныя формы, другое—немного аляповатое, перегруженное декораціями, не умѣющее остановиться во время...

Несомнѣнно, что надъ Дмитріевской церковью трудились два мастера: одинъ строилъ всю пятикупольную церковь, другой строилъ или далъ проектъ западнаго портика.

Въ формахъ самой церкви ясна Казаковская школа. Ея авторъ довольно свободно обращался съ античными формами и не вполнѣ усвоилъ духъ классическаго зодчества. Кромѣ общей загроможденности замысла, объ этомъ свидѣтельствуютъ вырѣзанные фронтоны. Такіе аркообразные фронтоны, умѣстные въ декоративныхъ фантазіяхъ Пиранези, въ зданіи даютъ впечатлѣніе нелогичности: фронтонъ превращается въ декорацію, въ арку, украшающую входъ.

Западный же портикъ отличается высокимъ мастерствомъ. Если изумительная вырисовка колоннады недостаточна для опредѣленія автора, то ниши со статуями, изящный фризъ, обѣгающій портикъ, очень близко подходятъ къ манерѣ Кваренги. Сравненіе ихъ съ боковыми крыльями Останкинскаго дворца, по мнѣнію И. Э. Грабаря, созданными Кваренги, устраняетъ сомнѣнія.

На основаніи этихъ предположительныхъ данныхъ происхожденіе Дмитріевской церкви рисуется такъ: гр. Н. П. Шереметевъ поручилъ ея сооруженіе кому-нибудь изъ своихъ крѣпостныхъ архитекторовъ, ученику Казакова, или же кому-нибудь изъ второразрядныхъ московскихъ строителей опять-таки Казаковскаго круга. Затѣмъ для приданія большей пышности храма, или оставшись недовольнымъ созданіемъ своего архитектора, Шереметевъ обратился къ Кваренги, въ эти годы близко стоявшему къ нему.

Рядомъ съ Яковлевскимъ монастыремъ стоялъ Спасо-Песоцкій монастырь. Отъ него уцѣлѣла только большая соборная церковь, невполнѣ сохранившая свой древній обликъ.

Преображенскій соборъ Спасо-Песоцкаго монастыря стоитъ среди частыхъ деревьевъ, окруженный каменной оградой. Въ этой части монастыря не видно людей и вокругъ старыхъ бѣлыхъ стѣнъ застыла вѣковая тишина...

Спасо-Песоцкій „княгининъ" монастырь основанъ княгиней Маріей, супругой убитаго татарами ростовскаго князя Василька. Княгиня Марія похоронена въ Преображенскомъ соборѣ, но гробница ея, по словамъ А. А. Титова, задѣлана мозаичнымъ поломъ безъ всякихъ признаковъ [1]). Титовъ въ той же книгѣ ошибочно сообщаетъ, что въ

---

[1]) *А. Титовъ.* Описаніе Ростова Великаго. М. 1891 г.

Преображенскомъ соборѣ Песоцкаго монастыря погребенъ такъ же и князь Василько. По достовѣрнымъ лѣтописнымъ свѣдѣніямъ онъ погребенъ въ отстроенномъ имъ ростовскомъ Успенскомъ соборѣ.

Соборъ построенъ въ XVI-мъ вѣкѣ. Въ верхнемъ этажѣ помѣщались двѣ церкви, соединенныя папертью, и высилась шатровая колокольня; все это было слѣплено въ одно величественное зданіе, довольно необычнаго для XVI-го вѣка масштаба. Этотъ соборъ, а также обширныя сооруженія Борисоглѣбскаго монастыря, показываютъ, что уже въ концѣ XVI-го вѣка въ ростовской области были искусные каменные мастера, осуществлявшіе огромные замыслы, не уступавшіе въ „навыкѣ" и „хитрости" царскимъ зодчимъ Москвы.

Преображенскій соборъ былъ варварски искалѣченъ однимъ изъ архимандритовъ Яковлевскаго монастыря уже въ XIX-мъ вѣкѣ. Но и „нарушенные" остатки великолѣпнаго собора и теперь еще очаровываютъ суровой красотой своихъ громадныхъ стѣнъ, высокихъ главъ. Даже въ Ростовѣ трудно найти такой идиллическій уголокъ, весь овѣянный красотой древности, какъ этотъ забытый и заброшенный монастырь, застывшій въ своей гордой красотѣ. Нѣжно ласкаютъ старыя бѣлыя стѣны зеленыя березки и вязы, за стѣной плещется сіяющее подъ солнцемъ озеро, нависло надъ могилой вѣковъ вѣчное голубое небо; старый соборъ, и деревья, и озеро, и небо — все полно такого мудраго, вѣчнаго покоя. Словно стыдливо замолкаетъ передъ нимъ маленькая, будничная человѣческая жизнь, нагородившая кругомъ покосившіеся дощатые сараи, настроившая уродливыхъ домовъ, вѣчно суетящаяся, доносящаяся сюда то скрипомъ пилы, то дребезжаніемъ телѣги, то стукомъ бабьихъ вальковъ на берегу озера...

Таковы главные памятники Ростова, дѣлающіе его для знакомства съ древне-русской культурой такимъ же необходимымъ, какъ старые города Италіи для знакомства съ ренессансомъ.

Есть высшая справедливость и высшая мудрость въ торопливомъ бѣгѣ вѣковъ, стирающемъ одни воспоминанія прошедшей жизни, бережно хранящемъ другіе. Съ вѣками уходитъ противорѣчивая сложность жизни, остается ея смыслъ, ея скелетъ, свободный отъ всего наноснаго и мимолетнаго...

Объ этомъ думаешь, разставаясь съ Ростовомъ, перебирая въ памяти впечатлѣнія старыхъ итальянскихъ городовъ, сравнивая ихъ съ древнимъ русскимъ городомъ. Тамъ минули кровавые вѣка, сплетенные изъ преступленій и пытокъ, демоническихъ страстей, густо орошенные кровью и слезами. О нихъ разскажутъ тѣсныя средневѣковыя улицы, гдѣ и теперь еще по вечерамъ чудятся притаившіеся убійцы со стилетами, темныя подземелья, словно вырубленныя въ камнѣ, гдѣ

Ростовъ Великій. Димитріевская церковь Спасо-Яковлевскаго монастыря. 1801 г.

еще цѣлы заржавѣвшія цѣпи, мучавшія хрупкія руки невѣрной красавицы; жесткія формы бюстовъ Донателло, желѣзныя линіи Поллайоло — навѣки запечатлѣли грѣхи Борджіа, ярость Малатесты, огненное бѣшенство Бенвенуто Челлини!..

Только въ музеяхъ и старомъ соборѣ нѣжныя сіенскія мадонны съ лицами, знающими только скорбь да небесную ласку, тихо шепчутъ о чистомъ пламени любви и кротости, крывшемся въ закованныхъ въ желѣзо сердцахъ, ютившемся въ монашеской кельѣ, въ душѣ благочестиваго художника.

Среди лязга оружія, стоновъ, проклятій и яростнаго смѣха, доносящихся отъ бурныхъ вѣковъ, теряются кроткія сіенскія мадонны: такъ возстановило время правильную оцѣнку прошлаго, не скрывъ, но и не преувеличивъ ничего.

И надъ зеленой равниной, окружающей Ростовъ, пронеслись бурные вѣка: тутъ были набѣги, пожары, вѣчная тревога, слѣпая вражда; много крови удобрило землю. Все это, какъ ненужное и неважное, стерло время, запрятавъ въ лѣтописи, въ глухія преданія. Осталась только безмятежная тишина старыхъ церквей, ритмичныя райскія видѣнія иконъ, бѣлая идиллія монастырскихъ стѣнъ, торжественныя слова старыхъ книгъ и сказаній. Мы знаемъ — это не вся жизнь, не все прошлое Руси; но, можетъ быть, эти образы, такъ старательно оберегаемые стихіей времени, унесшей все личное, и оставившей только религіозное, и являются самымъ важнымъ, самымъ нужнымъ наслѣдствомъ?..

Ростовъ Великій. Южная сторона Димитріевской церкви Спасо-Яковлевскаго монастыря. 1801 г.

ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВА ЛАВРА.

З. И. Шамурина.

Уѣзжая въ 1670 году изъ Лавры, Павелъ Алеппскій писалъ: «мы же тосковали и скорбѣли сердцемъ, ибо намъ хотѣлось пробыть въ монастырѣ нѣсколько дней, чтобы вполнѣ насладиться» [1]. Такимъ красивымъ и необычайнымъ показался антіохійцамъ монастырь св. Сергія со своими «бѣлыми, какъ голубь» громадными стѣнами, съ златоглавыми храмами, весь окруженный тянущимися одинъ за другимъ садами, большимъ посадомъ, монастырями, церквями, прудами и мельницами, что они рѣшили, что подобнаго ему нѣтъ во всемъ мірѣ. Окруженный зеленью, невысокими прежде домами посада, не такъ тѣсно прильнувшими къ его стѣнамъ, какъ теперь, Троицкій монастырь въ XVII-мъ вѣкѣ дѣйствительно долженъ былъ быть очень красивъ и внушителенъ. Теперь окружаюшіе его дома стали выше, многіе достигли двухъ и трехъ этажей, сравнялись съ высотей его стѣнъ, даже превысили ихъ и монастырь нѣсколько утратилъ былую величавость...

Что особенно поразило антіохійскихъ путешественниковъ въ Троицкой Лаврѣ—это ея сходство съ крѣпостью, ея неприступность и хранящееся въ ней большое количество оружія: вооруженія и снарядовъ въ запасѣ имѣлось больше чѣмъ на 30000 человѣкъ. Но Троицкій монастырь далеко не былъ единственнымъ хорошо вооруженнымъ и защищеннымъ монастыремъ. Монастыри-крѣпости, монастыри-городки, вокругъ которыхъ, какъ и вокругъ настоящихъ «городовъ», возникаютъ цѣлые поселки, ютящіеся подъ защитой крѣпкихъ стѣнъ, за которыми скрываются жители въ минуты опасности—явленіе довольно распространенное въ древней Руси.

---

[1] «Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія».

Возникающіе первоначально въ пустынныхъ мѣстахъ, удаленныхъ отъ человѣческаго жилья, чаще въ густыхъ лѣсахъ, какъ общины людей, бѣгущихъ отъ міра и его суеты, монастыри въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи выступаютъ въ роли центровъ, объединяющихъ вырастающія вокругъ нихъ поселки. Тогда строится вокругъ монастыря крѣпкая стѣна, настоящая «городовая» или крѣпостная, въ древнѣйшія времена деревянная, впослѣдствіи каменная. А если монастырь, какъ случилось и съ Троице-Сергіевой Лаврой, оказывался на дорогѣ, ведущей къ Москвѣ или другому крупному городу, укрѣпленіе его дѣлалось дѣломъ государственнымъ, на которыя не жалѣли ни силъ, ни средствъ. И многіе монастыри-крѣпости сыграли въ русской исторіи крупную роль, принимали на себя и часто удачно отражали первые удары непріятелей...

Возникновеніе и начало славы Троицкаго монастыря, одного изъ наиболѣе почитаемыхъ въ Россіи, особенно въ средней полосѣ ея, современно возникновенію и росту московскаго великаго княжества, съ судьбой котораго такъ тѣсно связалась его судьба.

Основатель Лавры св. Сергій Радонежскій, въ мірѣ Варфоломей, былъ родомъ изъ Ростова, сынъ дворянина Кирилла и жены его Маріи. Онъ родился около 1414-го года и съ самаго ранняго дѣтства, какъ разсказываетъ его „Житіе", отличался рѣдкимъ благочестіемъ и стремленіемъ къ аскетической монастырской жизни. Послѣ смерти родителей, еще очень молодымъ человѣкомъ, онъ ушелъ въ пустыню, въ непроходимые лѣса, окаймляющіе дорогу изъ Москвы на Ярославль и сѣверные города. На берегу рѣчонки Кочуры, на мѣстѣ теперешнихъ строеній Лавры, онъ съ помощью брата своего Стефана срубилъ деревянную церковку во имя св. Троицы и поставилъ келью. Нѣсколько лѣтъ Сергій жилъ въ лѣсу одинъ. Потомъ среди монаховъ окрестныхъ монастырей прошла слава о необыкновенномъ пустынникѣ: многіе пришли къ нему, полные желанія раздѣлить его подвигъ.

Такъ возникъ монастырь св. Сергія, впослѣдствіи знаменитая Троице-Сергіевская Лавра. Со временемъ она стала богатѣйшимъ изъ русскихъ монастырей, но первое время монахи ея терпѣли недостатокъ во всемъ —въ пищѣ и одеждѣ, въ предметахъ церковнаго обихода, даже въ богослужебныхъ книгахъ. Съ ростомъ славы монастыря, росъ и притокъ пожертвованій отъ князей и богатыхъ людей. Обитель обстраивалась, оградилась крѣпкой, хотя и деревянной, стѣной, обзавелась хозяйствомъ. Какъ впослѣдствіи многимъ другимъ русскимъ обителямъ, ей скоро довелось сыграть колонизаторскую роль для пустынныхъ лѣсовъ, гдѣ она основалась. На болѣе или менѣе близкомъ разстояніи отъ монастыря, въ его окрестностяхъ стали селиться міряне, крестьяне-земледѣльцы, вырубавшіе лѣсъ и ставившіе свои поселки

Ростовъ. Башня ограды Спасо-Яковлевскаго монастыря. 1776—86 г.

Заселенія края шло быстро и спустя нѣсколько лѣтъ, еще въ послѣдніе годы жизни св. Сергія, на мѣстѣ сплошного лѣса выросли села и деревни, окруженныя полями, и дорога изъ Москвы на сѣверъ прошла теперь почти у самаго монастыря.

Подвижническая жизнь св. Сергія, его „молитвенные труды“ скоро окружили его личность ореоломъ праведника и „заступника“. Князья московскіе не разъ прибѣгали къ его огромному нравственному авторитету для улаживанія своихъ споровъ съ удѣльными князьями. По просьбѣ великаго князя московскаго св. Сергій ходилъ въ Нижній Новгородъ уговаривать князя суздальскаго Бориса Константиновича уступить престолъ нижегородскій старшему брату своему Димитрію, которому онъ принадлежалъ по праву. Другой разъ св. Сергію пришлось мирить великаго князя московскаго съ его двоюроднымъ братомъ Олегомъ Рязанскимъ. Духовное участіе св. Сергія къ Куликовской битвѣ фактъ общеизвѣстный.

Два раза Троицкая Лавра подвергалась нападенію татаръ. Одинъ разъ—въ тѣ времена монастырь еще не былъ неприступной крѣпостью какъ впослѣдствіи — еще при жизни св. Сергія въ 1382 году, когда всѣ монахи принуждены были «отъ Тохтамышева нахожденія бѣжати во Тверь». Другой—въ 1408 году во время нашествія Хана Едигея. Какъ и въ первый разъ братья успѣли скрыться въ безопасное мѣсто, но строенія монастыря были совершенно выжжены. Пришлось все строить вновь. Трудная эта задача выпала на долю преемника св. Сергія Никона, энергичнаго хозяина, положившаго прочное начало благоустройству монастыря. При Никонѣ же въ 1422 году была выстроена первая въ Лаврѣ каменная церковь — сохранившійся до настоящаго времени Троицкій Соборъ. Между 1445—1446 годами Троицкій монастырь переходитъ въ непосредственное владѣніе великаго князя московскаго; до того времени онъ былъ владѣніемъ мѣстныхъ радонежскихъ князей. Нашествіе Едигея было послѣднимъ до начала 17-го вѣка тревожнымъ событіемъ въ жизни монастыря. Въ послѣдующіе 15 и 16-й вѣка исторія Троицкой Лавры исчерпывается некрупными событіями далеко не обще-государственнаго характера, вродѣ посѣщенія обители восточными патріархами, богомольныхъ пріѣздовъ царей, постройки новыхъ зданій—стѣнъ, церквей, жилыхъ помѣщеній...

Въ эпоху Смутнаго времени Троицкій монастырь выступаетъ на арену широкой политической борьбы. Въ продолженіе шестнадцати мѣсяцевъ, съ 23-го сентября 1608 по 12 января 1610 года, онъ выдержалъ осаду поляковъ; послѣ освобожденіи отъ осады лавра оказываетъ въ лицѣ своихъ властей большую помощь дѣлу очищенія Россіи отъ враговъ и деньгами и людьми. Въ ноябрѣ 1618 года опять подвер-

гается опасности новой осады отъ королевича Владислава, а 1-го декабря того же года былъ заключенъ въ принадлежащемъ монастырю селѣ Деулинѣ миръ между русскими и поляками.

Время осады поляками Троицкаго монастыря—самая героическая страница его исторіи. Взятіе монастыря было очень важно для поляковъ. Во-первыхъ, это была первая большая крѣпость на сѣверъ отъ Москвы; во-вторыхъ, казалось заманчивымъ овладѣть легендарно богатой казной монастыря; въ-третьихъ, —взятіе Лавры, величайшей святыни московскаго края, повергло бы русскихъ въ отчаяніе, привело бы ихъ къ мысли, что Богъ отрекся отъ Россіи и предалъ ее врагамъ. Надѣялись обойтись безъ борьбы: отъ предводителей польскихъ войскъ—Сапѣги и Лисовскаго была получена архимандритомъ и воеводами грамота, уговаривающая сдаться, подчиниться самозванцу, сыну царя Ивана Грознаго—великаго благодѣтеля Лавры. Въ случаѣ сдачи обѣщались большія милости. Отвѣтъ воеводъ и архимандрита съ соборными старцами и всѣми монахами былъ дерзокъ и категориченъ: они отказывались сдать монастырь «богоборцамъ», «темному державцу» и «латынѣ невѣрнымъ», и немедленно стали готовиться къ осадѣ: прежде всего сожгли находившіяся вокругъ монастырскихъ стѣнъ слободы и службы, чтобы ими не воспользовались непріятели. Поляки начали осаду и продолжали ее до зимы. Зимой прекратили, но монастырь постигло другое несчастье: разыгралась цынга, уносившая людей въ день цѣлыми десятками. Не было возможности хоронить каждаго по отдѣльности и умершихъ складывали въ общія ямы.

За зиму число защитниковъ монастыря, и безъ того небольшое, убавилось почти на $^9/_{10}$ и, несмотря на присланныхъ на помощь изъ Москвы отъ царя и келаря Палицына 80 человѣкъ, количество способныхъ носить оружіе едва достигало 250. Первый приступъ по возобновленіи военныхъ дѣйствій былъ 27-го мая. Къ защитѣ стѣнъ были привлечены и всѣ неспособные къ оружію, не исключая и женщинъ. Какъ только поляки подошли къ крѣпости, осажденные стали бить по нимъ изъ пушекъ и пищалей, кололи въ окна, бросали камни и бревна, лили на нихъ варъ, зажигали и бросали сѣру и смолу, засыпали глаза известью...

Отраженіе нападенія продолжалось всю ночь и всю ночь архимандритъ и старцы пѣли молебны о дарованіи избавленія отъ враговъ...

Въ іюлѣ стало извѣстно, что къ Москвѣ отъ Новгорода приближается князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій съ шведскимъ вспомогательнымъ войскомъ. Съ тѣхъ поръ не было сильныхъ стычекъ, а въ октябрѣ Скопинъ-Шуйскій прислалъ на помощь осажденнымъ 900 человѣкъ; въ январѣ еще 500. Теперь защитники монастыря начали сами нападать и 4-го января произошелъ рѣшительный бой. Черезъ нѣ-

сколько дней поляки отступили, вѣроятно подъ вліяніемъ разнесшихся слуховъ о приближеніи къ монастырю Скопинъ-Шуйскаго. И до сихъ поръ 12-го января, въ день отступленія поляковъ, въ Лаврѣ бываетъ крестный ходъ кругомъ монастыря, по крѣпостной стѣнѣ, когда-то сохравнившей ему независимость...

Въ концѣ XVII вѣка Троицкій монастырь два раза выступалъ еще въ роли крѣпости. Въ 1682 году цари Іоаннъ и Петръ и царевна Софія, ожидая направленнаго противъ нихъ покушенія со стороны стрѣльцовъ, бѣжали въ Лавру, какъ въ прекрасно вооруженную крѣпость, и въ ней ожидали прихода служилыхъ людей изъ городовъ.

Спустя семь лѣтъ стѣны Троицкой Лавры еще разъ дали пріютъ Петру. Онъ прискакалъ сюда изъ села Преображенскаго, спасаясь отъ преслѣдованій Софіи и ея приверженцевъ, и прожилъ въ обители, только тутъ чувствуя себя въ полной безопасности, около двухъ мѣсяцевъ, пока не была заключена въ монастырь Софія и не были казнены ея сторонники.

Въ прежнія времена Троицкій монастырь было исключительно богатъ. «Этотъ монастырь не имѣетъ себѣ подобнаго не только въ странѣ московской, но и во всемъ мірѣ» — писалъ Павелъ Алеппскій. Самый почитаемый монастырь въ московской области, онъ получалъ вкладовъ больше, чѣмъ какой-либо другой. Великіе князья, цари и бояре жертвовали въ Троицкую Лавру на поминъ души родителей и родственниковъ цѣлыя деревни, громадныя суммы денегъ, драгоцѣнную церковную утварь. Она владѣла огромнымъ количествомъ крестьянъ; къ 1764 году, когда у монастырей были отобраны принадлежащія имъ вотчины, за Лаврой, вмѣстѣ съ приписанными къ ней монастырями, числилось 106500 душъ крестьянъ. Кромѣ вотчинъ, населенныхъ крестьянами, монастырь св. Сергія имѣлъ собственное хлѣбопашество съ коровьими стадами и конскими табунами, соляныя варницы и рыбныя ловли. Излишки соли, получавшейся съ варницъ, и рыбы съ ловлей, такъ же какъ и излишки хлѣба, монастырь продавалъ, при чемъ пользовался свободой отъ всякихъ пошлинъ. Торговлю монастырь производилъ въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, что посылалъ свои суда даже «за море», т.-е. въ Норвегію, черезъ Архангельскъ.

Щедро одаривая монастыри, московскіе великіе князья и цари, въ минуты финансовыхъ затрудненій, неоднократно прибѣгали къ нимъ, какъ къ крупнымъ капиталистамъ, за займами для государственныхъ и своихъ личныхъ нуждъ.

Едва ли, впрочемъ, монастыри получали когда-нибудь свои деньги обратно. Самымъ богатымъ заимодавцемъ, конечно, долженъ былъ стать Троицкій монастырь. Частые займы безъ отдачи, отобраніе вот-

чинъ, денежная помощь, оказываемая монастыремъ государству во время войнъ—все же не могли подточить благосостоянія Лавры и въ войну 1812 года она могла пожертвовать на военныя нужды 70000 рублей ассигнаціями, 2500—серебромъ и больше 5 пудовъ серебра въ слиткахъ и въ посудѣ.

Въ 1782 году изъ монастырскихъ слободъ былъ образованъ теперешній, широко раскинувшійся вокругъ Лавры, Троицкій посадъ, въ настоящее время довольно большой городъ съ 40 тысячами жителей, съ гимназіей, торговыми рядами и т. п. Главный промыслъ жителей посада—приготовленіе дѣтскихъ игрушекъ, которыми производится большой торгъ въ самомъ посадѣ и которыми посадскіе купцы ведутъ оптовую торговлю съ другими мѣстами. Вдоль крѣпостныхъ стѣнъ монастыря раскинуты лавочки-палатки, гдѣ разложены, въ большинствѣ деревянныя, ярко раскрашенныя, иногда очень художественно обработанныя, игрушки-куклы: офицеры, солдаты, кормилицы, монахи, барыни подъ зонтиками...

Неизвѣстно, когда возникло въ посадѣ производство игрушекъ, но оно процвѣтало уже въ 70-ыхъ годахъ 18-го столѣтія.

Признавая св. Сергія за особаго покровителя русской земли и своего ходатая передъ Богомъ, русскіе князья и цари почитали его, какъ ни одного другого святого. Съ давнихъ поръ крѣпко вошло въ обычай предпринимать путешествія въ Троицкую Лавру всякій разъ, когда переживалось что-нибудь изъ ряда вонъ выходящее—хорошее или плохое безразлично. Заболѣвалъ ли кто нибудь изъ царской семьи, грозило ли нападеніе враговъ—шли къ св. Сергію въ твердой увѣренности, что онъ дастъ спасеніе. Иногда ходили благодарить за удачное окончаніе войны, за дарованную побѣду, за выздоровленіе близкихъ. Такъ послѣ Куликовской битвы Димитрій Донской зашелъ къ св. Сергію благодарить Бога за побѣду; Іоаннъ Грозный, побѣдоносно возвращаясь изъ-подъ Казани, пришелъ въ Троицкую Лавру и послѣ усердной молитвы «игумену и братьѣ великія слова съ челобитьемъ говорилъ за ихъ труды и подвиги, ихъ молитвами Государь благая получилъ»...

Чаще другихъ ходили въ Троицкій монастырь великія княгини и царицы: несли къ чудотворцу свое женское горе—горькія жалобы на безплодіе, просили о дарованіи имъ сына. Такъ по преданію вымолила у св. Сергія себѣ сына, а Іоанну III наслѣдника, великая княгиня Софія.

Кромѣ частыхъ экстренныхъ путешествій въ Троицкую Лавру, великіе князья и цари московскіе считали своимъ долгомъ два раза въ годъ—въ день св. Троицы (храмовой праздникъ Лавры) и 25-го сен-

тября (день кончины св. Сергія) предпринимать походы или поѣздки въ Лавру. Отправлялись изъ Москвы за нѣсколько дней, чуть ли не всѣмъ дворомъ, торжественно и чинно...

По дорогѣ останавливались въ царскихъ селахъ, гдѣ еще Іоаннъ Грозный приказалъ строить дворцы, чтобы дѣлать въ нихъ остановки и ночевки во время пути въ монастырь и изъ монастыря. Разрушенные въ смутное время, эти дворцы были возобновлены Михаиломъ Ѳеодоровичемъ и просуществовали до конца 18-го и самаго начала 19-го вѣка. Въ виду частыхъ пріѣздовъ государей въ лавру, во времена Іоанна Грознаго въ ней былъ выстроенъ дворецъ, впослѣдствіи неоднократно перестраивавшійся.

Какъ упоминалось выше, выѣзды царскаго семейства къ Троицѣ совершались необыкновенно парадно. Еще за нѣсколько времени до дня назначеннаго къ отъѣзду, государь посылалъ въ монастырь посла съ грамотой, въ которой извѣщалъ властей, что «его государя пришествіе къ празднику къ нимъ будетъ». Затѣмъ посылались люди «для государева походу мосты дѣлать и мостить, гдѣ худы починивать и гати гатить и вѣхи ставить». И уже передъ самымъ выходомъ царскаго поѣзда изъ Москвы, особый окольничій или дворянинъ «въ окольничьяго мѣсто» отправлялся осматривать дороги и готовить къ пріему государя находящіеся на пути дворцы. Въ день выѣзда царь слушалъ молебенъ въ Успенскомъ соборѣ и принималъ благословленіе отъ патріарха, иногда даже ходилъ въ Архангельскій соборъ поклониться гробамъ родителей. Такъ бывало, по крайней мѣрѣ, во времена царя Алексѣя Михайловича, о богомольныхъ походахъ котораго къ Троицѣ имѣются свѣдѣнія. Одинъ изъ такихъ походовъ очень обстоятельно описанъ Адольфомъ Лизекомъ, бывшимъ въ 1675 секретаремъ при австрійскомъ посольствѣ. Выходящіе изъ Кремля огромные, блещущіе золотомъ и парчей, царскіе поѣзда составляли для москвичей великолѣпное зрѣлище, смотрѣть на которое сбѣгались всѣ отъ мала до велика. Если въ Москвѣ находились въ это время иностранные послы, ихъ водили смотрѣть на царское шествіе и тогда оно отличалось особеннымъ, изъ ряда вонъ выходящимъ блескомъ и пышностью. Народу сбѣгалось такое множество, что, по словамъ Лизека, «не только на площади и въ окошкахъ, но даже на крышахъ домовъ и церквей не было празднаго мѣста». За нѣсколько часовъ до выѣзда самого царя въ сопровожденіи громаднаго количества войска—со знаменами, трубами и барабанами—выѣзжалъ изъ Кремля воевода. Спустя нѣкоторое время, около полудня показывался отрядъ всадниковъ, по рединѣ котораго постельничій велъ двухъ покрытыхъ краснымъ сукномъ царскихъ коней, потомъ цѣлый обозъ повозокъ со всѣми дорожными принадлежностями; затѣмъ—отрядъ царской стражи, конюшій, за которымъ

вели царскихъ верховыхъ лошадей въ блещущихъ золотомъ попонахъ и лошадей изъ-подъ царской кареты на смѣну запряженнымъ, и наконецъ второстепенная карета царя, вся отдѣланная золотомъ и хрусталемъ. Вслѣдъ за этимъ первымъ поѣздомъ выѣзжалъ другой, еще болѣе ослѣпительный, весь блещущій золотомъ, серебромъ и жемчугомъ; посреди его ѣхалъ въ каретѣ царь съ наслѣдникомъ престола и главнымъ воеводой. Почти въ то же время изъ другихъ воротъ дворца съ такимъ же блескомъ и пышностью выѣзжалъ поѣздъ царицы, младшихъ царевичей и царевенъ.

Во время путешествія государь и государыня подавали священникамъ встрѣчающихся по пути селъ «на молебны и проѣзжую милостыню», одѣляли той же милостыней встрѣчавшихся нищихъ. Крестьяне и крестьянки попутныхъ селъ дѣлали подношенія: хлѣба, калачи, блинки, квасъ, бражку, медъ, соты, овощи и ягоды, которыя складывались въ особую «поборную »повозку или телѣгу. Въ благодарность за подношенія они получали деньги.

По пріѣздѣ въ монастырь, государя встрѣчалъ въ святыхъ вратахъ архимандритъ; потомъ шли въ церковь. Послѣ обѣдни государь отъ себя кормилъ братью праздничнымъ столомъ, иногда самъ присутствуя въ трапезной, иногда посылая вмѣсто себя кого-нибудь изъ бояръ. Кромѣ стола жаловалъ милостыней. Уходилъ изъ монастыря царскій поѣздъ такъ же, какъ и приходилъ—съ молебномъ, съ почетомъ и церемоніями...

Описанный порядокъ царскихъ богомольныхъ хожденій въ Троицкую Лавру относится ко временамъ Алексѣя Михайловича. До него, во времена первыхъ царей, когда самый укладъ придворной жизни былъ и бѣднѣе и проще, вѣроятно, царскіе походы на богомолье совершались не такъ пышно и не съ такими церемоніями. Особенно тогда, когда они были экстренными, предпринимались внезапно, когда грозило какое нибудь несчастье или даровалъ Богъ неожиданную радость...

Съ воцареніемъ Петра I-го ежегодные царскіе богомольные походы въ Троицу прекратились. Бывая въ Москвѣ, императрицы Анна, Елизавета и Екатерина Великая предпринимали иногда путешествія въ Лавру; особенно часто—богомольная Елизавета, любившая церкви и монастыри, но это было далеко не то, что въ XVII-мъ вѣкѣ. Все было, можетъ быть, и болѣе нарядно и болѣе великолѣпно, но не было прежней торжественной величавости, прежней глубокой и наивной серьезности...

Свой теперешній видъ Троице-Сергіевская Лавра приняла не сразу: ея строенія возникли далеко не одновременно. За внушительными

Троице - Сергіева лавра. Южная стѣна ограды; Пятницкая, Погребная и Соляная башни.
Средина XVII-го вѣка.

своими стѣнами съ бойницами, башнями и крытыми переходами, монастырь хранитъ цѣнные памятники искусства четырехъ вѣковъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ, но безконечно разнящихся своими художественными симпатіями и вкусами. Считая сооруженіе церквей, особенно въ такомъ почитаемомъ монастырѣ какъ Троицкій, важнымъ и угоднымъ Богу дѣломъ, тѣ, на чьи средства строились въ Лаврѣ церкви, колокольни и тому подобныя зданія, не скупились, поручали работу надъ ними лучшимъ мастерамъ своего времени, брали въ образцы для нихъ лучшія созданія современности или прошлыхъ вѣковъ.

Въ результатѣ всѣ строенія Лавры, за очень небольшими исключеніями, являются высоко-художественными произведеніями, всегда значительными, и ярко отразившими въ себѣ эстетическія вѣянія своей эпохи. Несмотря на то, что они часто перестраивались и что нѣкоторыя изъ нихъ въ значительной степени утратили свой первоначальный обликъ, по нимъ легко прослѣдить, какъ измѣнялись, все утончаясь, вкусы строителей. Скромный по размѣрамъ и по отдѣлкѣ, уютный Троицкій соборъ, массивный и строгій—Успенскій, величавый почти въ такой же степени, какъ послужившій ему образцомъ одноименный соборъ въ Кремлѣ—памятники XV и XVI вѣковъ; XVII вѣкъ съ его яркимъ, красочнымъ и пестрымъ искусствомъ отразился въ «царскихъ чертогахъ»—теперешній ректорскій корпусъ академіи, и въ трапезной палатѣ. И наконецъ—даръ Лаврѣ трехъ царицъ, начатая при Аннѣ и законченная при Екатеринѣ II, колокольня—легкая, изысканная, гармоничная въ массахъ, выстроенная вѣроятно, по проекту Растрелли—памятникъ XVIII-го вѣка...

Древнѣйшее изъ строеній Троицкой Лавры—соборъ во имя св. Троицы, выстроенный въ 1423 году вмѣсто находившейся здѣсь раньше деревянной церкви. Соборъ, какъ и всѣ каменныя постройки того времени, за исключеніемъ только Владимірскаго собора, былъ очень не великъ, имѣлъ около девяти саженъ въ длину и шести—въ ширину.

Начало XV-го вѣка ознаменовалось въ московской области строительнымъ оживленіемъ послѣ двухвѣкового перерыва, во время котораго были забыты старые „навыки“, утеряно прежнее мастерство. Образцами для новыхъ церковныхъ построекъ брались великолѣпные храмы Владиміро-Суздальской земли, но въ значительно упрощенномъ и огрубѣломъ видѣ. Архитектурныя формы владимірскихъ храмовъ воссоздавались довольно точно, хотя и въ нѣсколько упрощенномъ пониманіи, но дивная каменная рѣзь, покрывающая ихъ стѣны, оставалась незамѣченной. Къ этой начальной полосѣ московскаго строительства относится и скромный Троицкій соборъ. Современникамъ

онъ казался прекраснымъ; его украшали заботливо и любовно и для росписи призвали лучшихъ иконописцевъ — Андрея Рублева и товарища его Даніила Чернаго. Ничего не сохранилось теперь отъ ихъ работъ, такъ какъ стѣны собора переписывались неоднократно и только одна изъ иконъ иконостаса—св. Троица приписывается кисти Рублева. Судить по ней о мастерствѣ художника невозможно: вся икона закрыта тяжелой серебряной ризой, оставляющей открытыми только лица и руки. Находящаяся въ иконостасѣ же икона Спаса на убрусѣ, написана другимъ знаменитымъ иконописцемъ, уже XVII вѣка, Симономъ Ушаковымъ. Имъ же по преданію написанъ и Спасъ на престолѣ, тоже находящійся въ Троицкомъ иконостасѣ.

Теперь Троицкій соборъ окруженъ рядомъ позднѣйшихъ пристроекъ; съ юга къ нему примыкаетъ Никоновская церковь, поставленная въ 1623 году [1], съ запада паперть начала XVI-го вѣка, съ сѣвера—еще болѣе поздняя паперть; къ южной стѣнѣ придѣлана еще Серапіоновская палатка въ 1783 году. Стѣны собора снаружи очень неудачно разрисованы священными изображеніями.

Вторая по времени возникновенія лаврская церковь—во имя Сошествія св. Духа, раньше посвященная св. Троицѣ и выстроенная изъ камня въ 1476 году вызванными изъ Пскова мастерами. По приказанію Іоанна Грознаго Троицкая церковь была разобрана и на мѣсто ея поставлена въ 1554 году сохранившаяся донынѣ однокупольная церковь во имя Сошествія св. Духа. Она построена по образцу храмовъ Владиміро-Суздальской области, очень проста по своимъ формамъ — только арки, дѣлящія стѣны на три части, и поясъ затѣйливыхъ фестоновъ — арочекъ по алтарной сторонѣ нарушаютъ ихъ гладь; церковь очень не велика — въ ней въ длину немного больше семи саженей, въ ширину—шести; внутри четырехстолпная. Въ XVII вѣкѣ по приказанію патріарха Никона церковь была украшена стѣнописью, впослѣдствіи возобновленной въ 1788 и въ 1866 году и утратившей совершенно свой древній характеръ. Какъ и въ Троицкомъ соборѣ, первоначальный архитектурный обликъ Сошественской церкви былъ нарушенъ позднѣйшими пристройками. Такихъ двѣ: палатка, поставленная надъ гробомъ Максима Грека въ 1651—55 годахъ и расширенная въ 1867 году, и Филаретовская церковь, построенная въ томъ же 1867 году.

Во времена Іоанна Грознаго Троицкій монастырь былъ великъ и славенъ; онъ былъ обнесенъ крѣпкой стѣной, изобиловалъ помѣстьями

---

[1]) *Е. Голубинскій.* Преподобный Сергій Радонежскій и Троицкая лавра. М. 1909 г.

и богатствомъ, но не было въ немъ настоящаго соборнаго большого храма. Царь любилъ монастырь, часто бывалъ въ немъ, глубоко почиталъ св. Сергія — какъ покровителя всего своего царскаго рода и задумалъ украсить его обитель соборомъ, похожимъ на прекрасные храмы Москвы. Вѣроятнѣе всего, что еще при немъ былъ заложенъ и начатъ постройкой Успенскій соборъ Лавры, освященный въ 1585 году, въ первый годъ царствованія Ѳеодора Іоанновича. Можетъ быть, не только мечта о благолѣпіи обители св. Сергія руководила Іоанномъ, когда онъ приказалъ строить соборъ: это могло быть одной изъ умилостивительныхъ жертвъ Богу за сыноубійство. Онъ не скупился на такія жертвы и послѣ смерти царевича въ одну только Троицкую Лавру далъ на вѣчный поминокъ по сынѣ 5000 рублей, по тому времени деньги громадныя...

Успенскій соборъ—одно изъ наиболѣе замѣтныхъ украшеній Троицкой Лавры; высокій, массивный, спокойный, онъ виденъ еще издалека, бросается въ глаза большими размѣрами и поблескивающей на солнцѣ средней позолоченной главой. Выстроенный, какъ упоминалось выше, по образцу кремлевскаго Успенскаго собора, онъ пятикупольный, съ пятью алтарными абсидами и шестью столпами внутри—просторный и высокій.

Сравнительно съ другими церквями Троицкой Лавры Упенскій соборъ мало подвергался перестройкамъ и передѣлкамъ. Была разобрана только въ 1780-хъ годахъ, вѣроятно за ветхостью, находящаяся съ западной стороны паперть, измѣнены формы главъ, бывшихъ прежде полусферическими и крыша, сдѣланная четырехскатной; на мѣсто паперти построено въ 1781 году нынѣшнее западное крыльцо съ надписью на фронтонѣ «Вѣдомому Богу». Всѣ эти измѣненія мало исказили первоначальный обликъ собора; онъ остался такимъ же строгимъ, съ гладкими стѣнами и гладкими шеями главъ, безъ украшеній и безъ пестроты, какимъ вышелъ изъ рукъ строившихъ его мастеровъ. Въ 1684 году соборъ весь снизу доверху былъ покрытъ стѣннымъ письмомъ, возобновленнымъ въ 1777 и 1865—6 годахъ.

Въ паперти собора были похоронены царь Борисъ съ семьей. Тѣло Годунова, его сына и жены при Василіи Шуйскомъ съ честью перевезены были въ Троицкую Лавру изъ Московскаго Варсонофьева дѣвичьяго монастыря. Царевна Ксенія была похоронена тамъ позднѣе, уже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Когда паперть была разобрана, гробницы оказались наружи, ничѣмъ не защищенныя, и надъ ними устроена была существующая до нынѣ палатка съ болѣе чѣмъ скромной надписью: «Усыпальница Годуновыхъ». Просто Годуновыхъ, даже имена не перечислены, не только не упомянуто о томъ, что двое изъ по-

хороненныхъ подъ этой палаткой были «царями всея Руси», а двѣ другихъ — царица и царевна. Ежегодно 1-го мая, въ день, ошибочно считаемый днемъ смерти Бориса, надъ опальной могилой Годуновыхъ служится соборная панихида и тогда все полно воспоминаніями о нихъ: звонятъ въ большой Годуновскій колоколъ, на литургіи употребляютъ драгоцѣнные вклады семейства Годуновыхъ: сосуды, воздухи, покровы и т. д...

Говоря о памятникахъ церковнаго зодчества, оставленныхъ Троицкой Лаврѣ XV и XVI вѣками, нельзя обойти молчаніемъ двухъ маленькихъ, очень типичныхъ для эпохи церковокъ, находящихся, правда, внѣ стѣнъ Лавры, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нее, но ей подвѣдомственныхъ. Это Пятницкая и находящаяся при ней Введенская церкви, обращенныя въ приходскія изъ монастыря, который по мѣстонахожденію своему назывался Подольнымъ или Нижнимъ, т.-е. находящимся книзу отъ Лавры, а по церквамъ—Пятницкимъ и Введенскимъ. Когда возникла первоначальная, по всей вѣроятности, деревянная церковь и когда около нея выросъ монастырь неизвѣстно, но есть указаніе на то, что въ 1547 году сразу были поставлены обѣ каменныя церкви и около нихъ существовалъ уже монастырь: «лѣта 7055 поставленъ храмъ каменной на Подольномъ монастырѣ Введеніе Пречистая Богородица, а ставилъ его Иванъ Хабаровъ; того же лѣта поставили церковь каменну на подолѣ во имя святыя Парасковіи, нареченныя Пятницы, монастыремъ и христолюбцы здавали». Около 1660 года монастырь упраздненъ, а церкви, какъ упомянулось выше, обращены въ приходскія. Обѣ церкви однокупольныя, очень простыя по архитектурѣ. Очень характерна для церквей суздальскаго типа Введенская со своими стѣнами, раздѣленными пилястрами и украшенными поясомъ арочекъ-фестоновъ.

Эти украшенія алтарной части Введенской церкви послужили образцомъ для убранства церкви Сошествія Святаго Духа въ Лаврѣ.

Еще во времена св. Сергія Троицкій монастырь былъ обнесенъ основательной деревянной стѣной. Въ XVI-мъ вѣкѣ она была замѣнена каменной, при чемъ площадь, занимаемая строеніями Лавры, была нѣсколько увеличена. Строилась стѣна около десяти лѣтъ. Въ 1540-мъ году Троицкимъ крестьянамъ разрѣшено было брать безпошлинно и безплатно камень и известь, нужныя для сооруженія стѣнъ, вездѣ, гдѣ бы и въ чьихъ помѣстьяхъ они ихъ не отыскали. Въ 1545 году, когда царемъ былъ предпринятъ походъ на Казань, троицкіе крестьяне, занятые поставкой и доставкой матеріаловъ, были освобождены отъ сбора всякихъ военныхъ запасовъ и отъ всякихъ другихъ госу-

дарственныхъ податей и повинностей. Наконецъ, въ 1550-мъ году игуменъ Троицкой Лавры просилъ царя, чтобы онъ освободилъ монастырскихъ крестьянъ Дмитровскаго, Радонежскаго и Переяславскаго уѣздовъ отъ всякихъ работъ по починкѣ и возведенію въ названныхъ уѣздахъ крѣпостей или «городовъ», и чтобы единственной повинностью ихъ была работа надъ монастырской стѣной. Очевидно въ этомъ году и была окончена постройка стѣнъ. Монастырь обратился въ отлично вооруженную, почти неприступную крѣпость. Вышина стѣнъ 4 сажени, а съ южной и западной сторонъ 6—7; толщина однихъ стѣнъ, безъ придѣланныхъ къ нимъ очень широкихъ галлерей, около $1^1/_2$ аршина. Въ верхней части стѣны идутъ зубцы, а между зубцами, немного ниже ихъ, амбразуры.

Теперь, выкрашенныя въ бѣлый цвѣтъ, стѣны не кажутся грозными: вдоль нихъ пріютились лавчонки-палатки, торгующія игрушками, кустарными издѣліями, мелкими бездѣлушками, придали имъ мирный, добродушный видъ, испещрили ихъ строгую однотонность яркими пятнами куколъ, лошадокъ, платковъ и бусъ.

Надъ стѣнами вырисовываются златоглавыя церкви, царитъ кружевная колокольня, похожая на драгоцѣнную ювелирную игрушку; вся панорама Лавры полна красоты и мира. Нѣсколько вѣковъ тому назадъ насупленныя стѣны господствовали надъ лаврскими церквами, надъ домиками посада, и придавали „дому молитвы“ обликъ неприступной земной твердыни...

Въ настоящее время въ стѣнахъ—девять башенъ, изъ которыхъ большая часть передѣлана во второй половинѣ XVII-го вѣка, нѣкоторыя — позднѣе и ни одна не сохранила первоначальнаго вида. Въ 1641-мъ году, какъ указываетъ произведенная въ этомъ году опись, ихъ было двѣнадцать. Сколько было построено при сооруженіи стѣнъ —неизвѣстно. Особенно сильно измѣнена, настолько что совершенно утратила обликъ древняго сооруженія, надвратная Красная башня: въ 1807 году стараніями митрополита Платона передъ башней были устроены врата «готической архитектуры», съ классическими пилястрами и карнизами. Въ пятидесятыхъ годахъ XIX-го столѣтія башня и порталъ ея опять были значительно перестроены. Остальныя восемь башенъ, кромѣ Красной или Уточьей, въ общемъ похожи одна на другую: массивныя, утратившія вполнѣ прежній боевой видъ, болѣе похожія на жилыя помѣщенія, — каковыми онѣ въ большей части стали теперь, чѣмъ на крѣпостныя бойницы.

Красная или Уточья башня, прозванная Красной, вѣроятно, за свою архитектурную красоту, находится на сѣверо-восточномъ углу ограды и построена на мѣстѣ прежней въ 1650 году. Очень высокая,

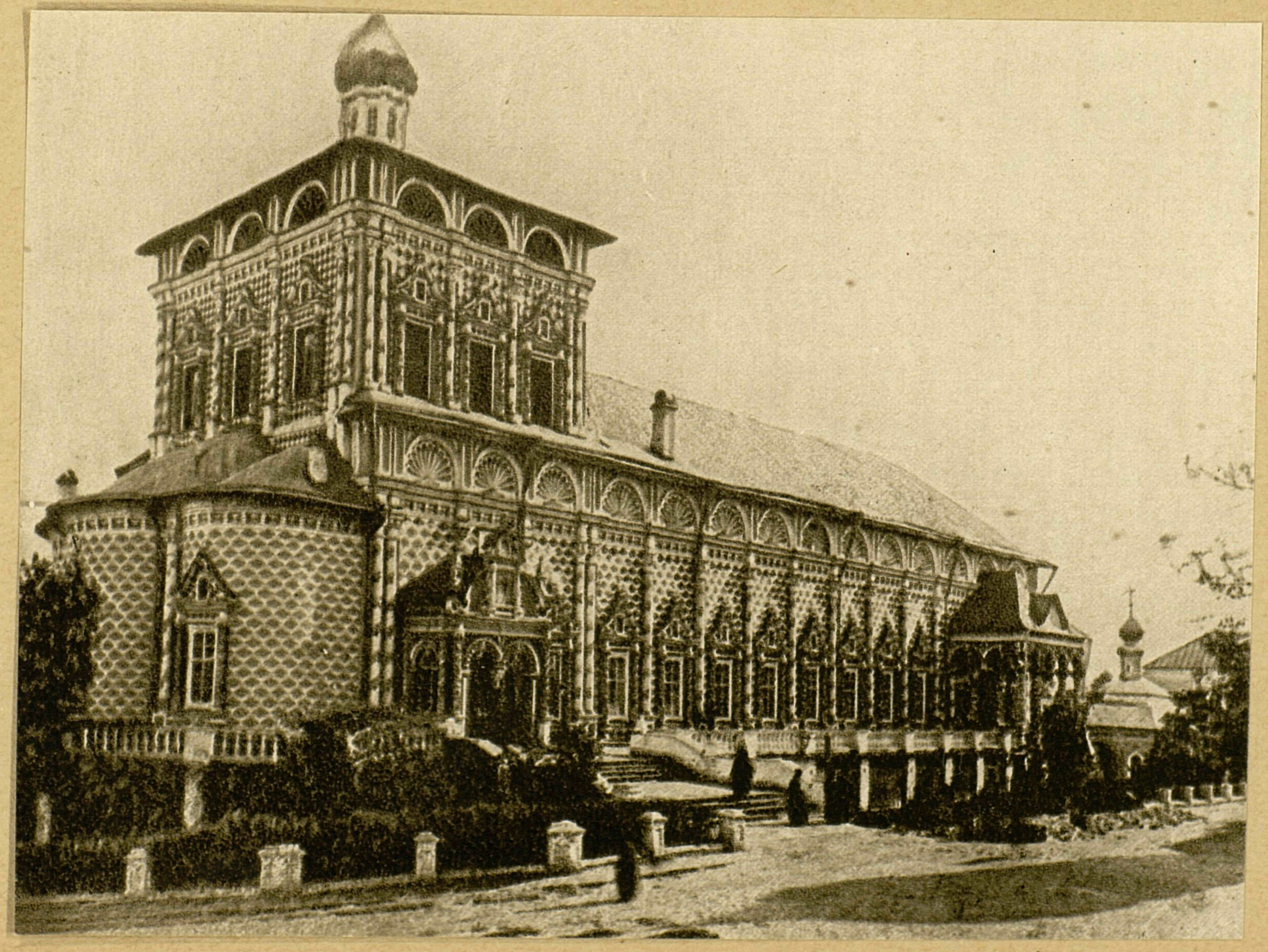
въ ней 25 саженей, она раньше всѣхъ другихъ башенъ бросается въ глаза и останавливаетъ на себѣ вниманіе яркой декоративной красотой, стройной трехъярусной верхушкой, богатой отдѣлкой стѣнъ. На шпилѣ ея посажена утка, отъ которой башня и получила второе свое названіе; по преданію въ эту утку забавы ради стрѣлялъ Петръ I во время своего пребыванія въ Лаврѣ. Уточья башня—характерное произведеніе второй половины XVII-го вѣка, когда въ архитектурѣ полюбили пестроту и декоративность, и когда бѣдной и некрасивой стала казаться величественная простота зданій предыдущихъ вѣковъ.

Въ Троицкой Лаврѣ XVII-й вѣкъ представленъ полно и хорошими памятниками. Башни, церковь Зосимы и Савватія, трапезная, царскіе чертоги, бесѣдка надъ колодцемъ, надвратная Предтеченская церковь —вотъ то, что далъ этотъ вѣкъ монастырю св. Сергія. Церковь во имя св. Зосимы и Савватія, находящаяся въ линіи западнаго корпуса келій, построена въ 1635—37 годахъ по типу шатровыхъ церквей. Трапезная палата и при ней церковь во имя пр. Сергія выстроены въ 1686—92 годахъ по приказанію царей Петра и Іоанна въ память избавленія ихъ отъ стрѣлецкаго покушенія. Трапеза раскрашена снаружи разными красками въ шашку, украшена колонками и нарядными оконными наличниками, тоже разноцвѣтными и пестрыми. Вокругъ всего зданія идетъ открытая галлерея на сводахъ, тянущаяся на цѣлыхъ сто саженей. Раньше трапезная была еще пышнѣе и наряднѣе: ее украшали «разныя изъ камня изсѣченныя фигуры» [1]); такія же фигуры и рѣзныя колонны украшали и ведущія на галлерею крыльца. Внутри церковь, трапезная и сѣни или паперть покрыты живописью, исполненной въ 1778—1780 годахъ стараніями митрополита Платона. Живописныя изображенія помѣщены въ клеймахъ, посеребренныхъ и позолоченныхъ; «краски положены, какъ говоритъ «Краткое описаніе», въ алтарѣ вердепового (зеленаго), въ церкви голубого, въ трапезной палеваго, а въ сѣняхъ розоваго цвѣта». Золото и серебро, яркія краски далеко не совершенной въ техническомъ отношеніи живописи, своей пестротой вполнѣ гармонируютъ съ внѣшнимъ видомъ трапезной и въ ней не кажутся неумѣстными.

Противъ трапезной, отдѣленныя отъ нея Успенскимъ соборомъ, находятся бывшія царскія палаты или чертоги—теперь ректорскій корпусъ академіи. Онѣ выстроены въ концѣ XVII-го вѣка, возможно, одновременно съ трапезной.

---

[1]) Краткое историческое описаніе Свято-Троицкой Сергіевой Лавры. М. 1801 г.

Троице-Сергіева лавра. Трапезная палата и церковь преподобнаго Сергія. 1686—92 г.

Голландскій путешественникъ Корнелій-де-Бруинъ, бывшій въ Лаврѣ въ 1702 году, уже видѣлъ чертоги и восхитился ихъ красотой, назвалъ ихъ «великолѣпными и царскими снаружи». Теперь зданіе чертоговъ стало проще, лишилось многихъ своихъ украшеній; единственное, что нарушаетъ гладь его стѣнъ,— украшенныя изразцами парныя окна. Прежній видъ его такъ описывается въ „Краткомъ историческомъ описаніи" 1801-го года: «царскіе чертоги каменные о двухъ ярусахъ со стѣнами расписанными снаружи разными красками наподобіе шахмата и убранные въ пристойныхъ мѣстахъ, а особливо столбы у оконъ изразцовыми разными фигурами; съ южной стороны оныхъ имѣются два парадныя для всхода великолѣпныя крыльца съ фронтонами, на коихъ арматура и короны позлащенныя, устроены въ 1775 году и во всю линію открытая на столбахъ изъ бѣлаго камня регулярныхъ галлерея, которая дѣлаетъ прекрасный видъ». Галлерея и крыльца уничтожены въ 1815-мъ году. По свидѣтельству Корнелія-де-Бруина трапезная видомъ похожа на чертоги. Въ 40-ыхъ годахъ XVIII-го вѣка дворецъ внутри, по приказанію императрицы Елизаветы, былъ украшенъ лѣпными работами, сохранившимися и до настоящаго времени въ актовомъ залѣ. Сообразно съ духомъ времени, лѣпныя изображенія представляютъ собой напыщенныя и высокопарныя аллегоріи, «повѣствующія потомству о побѣдахъ Петра Перваго и радости Россіянъ, увидѣвшихъ на престолѣ Елизавету Петровну».

Въ другихъ залахъ—только лѣпныя рамки для живописныхъ изображеній, неоднократно переписывавшихся и нѣсколько барельефныхъ фигуръ, изображающихъ князей.

Находящаяся противъ юго-западнаго угла Успенскаго собора часовня или башенька надъ колодцемъ, благодаря сходству своей архитектуры съ архитектурой трапезной палаты, заставляетъ предпологать, что она построена, какъ и трапезная, въ послѣднемъ десятилѣтіи XVII-го вѣка.

Къ концу XVII-го вѣка относится и изящная церковь Іоанна Предтечи, выстроенная впереди святыхъ воротъ на особой аркѣ—на линіи стѣны, какъ она шла во времена св. Сергія, до расширенія пространства, занимаемаго монастыремъ. На мѣстѣ разобранной въ 1693-мъ году церкви во имя св. Сергія именитыми людьми Строгановыми была поставлена освященная въ 1699-мъ году церковь, существующая и донынѣ.

Своимъ внѣшнимъ видомъ, небольшими размѣрами и изящной отдѣлкой стѣнъ и оконъ Предтеченская церковь напоминаетъ нѣсколько Преображенскую надворотную церковь Московскаго Новодѣвичьяго монастыря. До 1806-го года она была о пяти главахъ, затѣмъ четыре боковыхъ сняты и одна изъ нихъ поставлена на башню Успенскаго колодца...

Первая четверть XVIII вѣка ничего не прибавила къ красотѣ Троицкаго монастыря. При Аннѣ Іоанновнѣ построена была Смоленская церковь и начата колокольня, но впослѣдствіи обѣ передѣлывались: первая при Елизаветѣ, вторая—при Екатеринѣ II. На мѣстѣ поставленной въ 1735 году и скоро обветшавшей Смоленской церкви была построена на деньги, пожертвованныя графомъ А. Г. Разумовскимъ, новая, сохранившаяся до нашего времени. Церковь овальной формы, небольшая — въ окружности имѣетъ 19 саженей, нарядная и изящная, мало похожая на церковное зданіе. Одновременно съ церковью тѣмъ же графомъ Разумовскимъ былъ устроенъ и вызолоченный иконостасъ, передѣланный въ 1854 году подъ мраморъ.

Колокольня Троицкой Лавры одна изъ самыхъ красивыхъ въ Россіи. Она очень высока, въ ней 41 съ лишнимъ сажень, но такъ пропорціональна и гармонична во всѣхъ своихъ формахъ, что совершенно не кажется огромной. Начата колокольня при Елизаветѣ Петровнѣ, но повелѣніе о постройкѣ ея издано было еще Анной Ивановной. Свой теперешній видъ Лаврская колокольня приняла не сразу. Она сначала была достроена въ 1756 году; потомъ, послѣ 1767 года она нѣсколько измѣнена и къ ней прибавлены два верхнихъ яруса. По мнѣнію Снегирева [1]) надъ сооруженіемъ колокольни работали три архитектора: проектъ далъ Растрелли, съ именемъ котораго связываютъ обыкновенно всѣ мало-мальски выдающіяся постройки Елизаветинскаго времени; строилъ сначала Мичуринъ, вскорѣ отозванный въ Кіевъ для надзора за работами надъ Андреевскимъ соборомъ; потомъ—князь Ухтомскій. Соловьевъ [2]) строителемъ Троицкой колокольни называетъ только Ухтомскаго. Но кто бы ни былъ ея строителемъ — принималъ ли въ ея сооруженіи участіе Растрелли или вся она создана по проекту Ухтомскаго, колокольня Троицкаго монастыря — прекрасный памятникъ XVIII вѣка. И притомъ, памятникъ—очень типичный, полно отразившій утонченные художественные вкусы, культъ красоты и изящества, жившіе въ людяхъ Елизаветинскаго и Екатерининскаго царствованій. Никакая другая эпоха не могла создать этой стремительно поднятой къ небу пятиэтажной башни, изысканно нарядной, легкой и воздушной. Въ ней красиво все: и постепенно уменьшающіеся въ объемѣ ярусы, съ громадными пролетами, оставляющими отъ стѣнъ только углы, и украшающія эти углы стройныя колонны и вазы, помѣщенныя на выступахъ угловъ четырехъ верхнихъ этажей, и своеобразной формы куполъ...

И въ сравненіи съ ней всѣ другія, окружающія ея зданія кажутся приземистыми и тяжеловатыми. Въ нихъ много красоты, глубокой и

[1]) Снегиревъ. Путеводитель изъ Москвы въ Троицкую Лавру.

[2]) С. М. Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XXVI. Стр. 330.

значительной, но нѣтъ той воздушной легкости и свѣтлой гармоничности, въ которыхъ главное обаяніе Троицкой колокольни.

Ризницы почти всѣхъ старинныхъ русскихъ монастырей—своего рода музеи, гдѣ хранятся произведенія прикладныхъ искусствъ. Чѣмъ выше слава монастыря, чѣмъ больше у него почитателей, тѣмъ богаче ризница, красивѣе и пышнѣе вклады. Ризница Троице-Сергіевской Лавры хранила «вещи, поражающія умъ изумленіемъ и удивляющія умнаго больше, чѣмъ глупца», какъ писалъ послѣ посѣщенія своего Лавры Павелъ Алеппскій [1]). Конечно, многое изъ старой ризницы не сохранилось до нашихъ дней: многое обветшало, передѣлано, перенесено въ другія мѣста, но и въ томъ, что осталось масса представляющаго большой интересъ. Евангелія XII, XIII и послѣдующихъ вѣковъ; сосуды золотые и серебряные, украшенные жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; кадила; блюда; чаши; великолѣпно вышитыя, отдѣланныя камнями пелены, плащаницы и покровы; нѣсколько не церковныхъ предметовъ—вкладовъ государей или ихъ подарковъ митрополитамъ и архимандритамъ—и между ними верхнее платье, старинное, приписываемое обычно Іоанну Грозному, данное въ монастырь по древнему обычаю жертвовать по богатымъ людямъ въ монастыри и церкви оставшуюся послѣ нихъ одежду — вотъ въ общихъ словахъ перечисленіе сокровищъ Троицкой ризницы...

Когда ходишь по Троицкой Лаврѣ, любуешься дивными памятниками оставленными этому монастырю нѣсколькими вѣками и поколѣніями, часто приходитъ въ память слова Алеппскаго: «нѣтъ ему подобнаго не только въ Московскомъ государствѣ, но и во всемъ мірѣ»...

---

[1]) Путешествіе Антіохійскаго патріарха Макарія. Кн. X. Гл. VIII, стр.

УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВЪ.

Стр.

Ростовъ Великій.

Троице-Сергіева Лавра.

СПИСОКЪ ИЛЛЮСТРАЦІЙ.

Стр.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Выпускъ. V1

Обложка и всѣ рисунки исполнены въ собственномъ
Графическомъ Институтѣ Т-ва „ОБРАЗОВАНІЕ"
ФОТО-ТИНТО-ГРАВЮРОЙ.

2007041354

